

МИРЫ РОДЖЕРА ЖЕЛЯЗНЫ

15

МИРЫ РОДЖЕРА ЖЕЛЯЗНЫ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПОЛЯРИС»**

WORLDS OF ROGER ZELAZNY

Volume fifteen

THE MASK OF LOKI

«POLARIS» PUBLISHERS
1996

МИРЫ РОДЖЕРА ЖЕЛЯЗНЫ

Том пятнадцатый

МАСКА ЛОКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1996

*Издание подготовлено
АО «Титул»*

*Издание осуществлено
совместно с частным предпринимателем
Владимиром Секачевым*

**Миры Роджера Желязны том 15 / Пер. с англ. —
Рига: Полярис, 1996. — 318 с.**

В пятнадцатый том собрания вошел один из последних романов Р. Желязны, созданный им в соавторстве с Томасом Т. Томасом. «Маска Локи» — остросюжетное произведение, соединившее в себе черты «фэнтези», триллера и философского романа.

Произведения, включенные в данное издание, охраняются законом об авторском праве. Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя и переводчика. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

The Mask of Loki
Copyright © 1990 by Roger Zelazny
and by Thomas T. Thomas

© Издательство «Полярис»,
оформление, составление,
название серии, 1995

Маска Локи
© Е. Голубева, перевод, 1996

ISBN 5-88132-164-2

МАСКА ЛОКИ

ПРОЛОГ

*Лишь натяни решимость, как струну, —
И выйдет все.*

Уильям Шекспир

Сильный жар, идущий из печи, опалил кожу ее лица и шеи. Она скривила губы в гримасе, кожа вокруг них высохла. Губная помада запеклась коркой, как асфальт под солнцем.

Александра Вель на два шага отступила от открытой дверцы печи. Это было ошибкой. Внезапный спад температуры привел к тому, что мелкие капельки пота выступили на лбу, верхней губе, шее. Она почувствовала, как плотный шелк ее белой блузки начинает провисать под мышками и на груди, впитав в себя влагу.

— Мистер Торвальд? — позвала она. — Айвор Торвальд?

Человек поднял лохматую голову и кивнул, продолжая работать мехами. Александра какое-то время смотрела, как двигаются складки его хлопчатобумажной майки. Потом подошла поближе — посмотреть, над чем он

работает, и встала так, чтобы мужчина был между ней и желто-белым огнем печи.

Кусок расплавленного стекла величиной со спелый помидор, и такой же красный. Но его цвет был яростной краснотой внутреннего жара, а не холодной краснотой влажной кожицы плода. В центре он светился желтым — в память о печи. Торвальд держал ком стекла на конце стальной трубки, округляя и сглаживая его с помощью обожженной деревянной чаши. Руку и предплечье защищала от жара длинная металлизированная рукавица, а ближайшее к огню бедро — кусок металла, изогнутый словно рыцарские доспехи и подвязанный кожаными тесемками.

После сотни поворотов стекло почти остыло. Торвальд встал, держа стальную трубку на весу, повернулся — чуть не задев дальним ее концом лицо Александры — и поместил стеклянный ком обратно в печь. Стержень он повесил на скобу.

— Что вы хотите? — спросил он, осматривая ее с головы до ног: обвисшая на груди белая блузка, широкий пояс туго схватывает узкую талию, прямая черная юбка, обтягивающая бедра, колени...

— Вы выполняете частные заказы? — спросила она быстро.

— Иногда.

— От чего же это зависит?

— От того, интересно ли мне.

Один из этих, вздохнула про себя Александра, призывно поводя бедрами.

— Интересен ли заказ, — сказал он. — Что вы хотели заказать?

Александра покопалась в сумке, висящей на плече, и вытащила конверт. Затем открыла клапан и вытряхнула содержимое, стараясь не касаться его пальцами, хотя и держала под конвертом руку на случай, если камни упадут.

Торвальд подвинулся ближе, взглянул на нее, как бы спрашивая разрешения, снял рукавицу. Рука оказалась на

удивление белой. Взяв один из обломков указательным и большим пальцами, он повернулся в сторону открытой двери, через которую лился дневной свет.

— Оникс. А точнее, сардоникс — судя по красным слоям.

— Можете ли вы превратить его в стекло?

— Такую-то малость? Сколько в них? От силы пятнадцать—двадцать каратов. Или у вас во дворе стоит грузовик?

— Это все, что я могла... все, что у меня есть.

— Оставьте их себе на память.

— А не могли бы вы смешать их с другими компонентами... из чего вы делаете стекло?

— Конечно, оникс — просто разновидность кварца. Двуокись кремния. Почти то же самое, что стекло. Взять эти ваши два кусочка, добавить в расплав, и — пфф! — дело сделано. Они даже окрасят стекло, но лишь чуть-чуть, хорошего цвета не получится.

— Прекрасно. Чем слабее окраска, тем лучше. Хорошо бы окраски не было вообще, просто чистое стекло.

— Тогда зачем что-то добавлять?

— Так надо. Это все, что я могу сказать. Ну, беретесь за заказ?

— Какой? Точнее!

— Стакан. Стакан для питья с вплавленными в него этими кусочками — сардоникса, так, кажется, вы его назвали?

— Стакан... — Торвальд наморщил нос. — Кубок? Рюмка? Бокал?

— Нет. Высокий стакан для минеральной воды или колы. Прямые стенки, плоское дно.

— Не представляет интереса, — он повернулся к печи, взял стальную трубку.

— Я хорошо заплачу. Сотню, нет, тысячу долларов.

Его руки, приготовившиеся поднять трубку, снова опустились.

— Уйма денег.

— Эта штука должна быть совершенной. Неотличимой от заводских стаканов.

— Своего рода игрушка? Для вечеринки богачей?

— Точно! — Александра Вель подарила ему широкую улыбку, на этот раз искреннюю. — Это приглашение на вечеринку.

СУРА 1

КОРОНАЦИЯ

*Из всех ушедших в бесконечный путь
Сюда вернется разве кто-нибудь?
Так в этом старом караван-сараяе
Смотри чего-нибудь не забудь.*

Омар Хайям

Сапоги крестоносца провоняли лошадиной мочой. Подол тяжелого шерстяного плаща был испещрен желтыми крошками помета, которые рассыпались по мрамору с каждым шагом. Деревенщина.

Но Алоис де Медок, тамплиер и магистр Антиохийской общины, приветствовал гостя с раскрытыми объятиями:

— Бертран дю Шамбор! Прodelать столь длинный путь! И так спешно, что не иметь возможности остановиться и почистить сапоги!

Он осторожно обнял родственника и слегка похлопал его по плечам. В воздух поднялась пыль. Алоис чихнул.

Освободив Бертрана, он осмотрел его с головы до ног. На грязной загорелой коже — новые шрамы.

Тяжелая проржавевшая кольчуга кое-где подновлена. Белая туника, украшенная прямым красным крестом, как у тамплиеров, — вся в заплатках и штопке. Квадратные латки закрывали изношенные места, прямая штопка — разрезы, нанесенные кинжалом. Белизна шерсти вокруг штопки говорила о том, что кольчуга все же сделала свое дело и сохранила тело владельца.

Сохранила это тело для меня, подумал Алоис. Как и его кузен, тамплиер был одет в белую тунику, но это было охлаждающее кожу льняное полотно, а не грубая власяница крестоносца. Как и на Бертроне, на нем был капюшон из стальных колец, но легкий, сделанный из тончайшей проволоки, что могли выковать только дамаскские кузнецы.

Алоис отступил назад и сделал знак сарацинскому мальчику, стоявшему у входа. Тот был одет в штаны и рубаху из льна, что говорило о богатстве хозяина, сапожки из мягкой кожи антилопы и тюрбан из чистого хлопка. Мальчик начал торопливо подметать возле Бертрона.

Алоис пнул его:

— Воды и тряпок! Убери это дерьмо из моих покоев! И зажги сандаловое дерево у окна, чтобы освежить воздух!

— Да, господин! — Мальчик выбежал.

— Ну, Бертран, чем могут помочь тебе тамплиеры Антиохии?

— Мой епископ благословил меня на покаяние в Святой Земле. Но я жажду славы.

— Славы во имя Господа, конечно.

— Конечно, кузен. Но тут есть загвоздка. Так дорого плыть от одной безопасной гавани к другой, да еще эти банды безбожников... Словом, путешествие истощило мои ресурсы.

Алоис улыбнулся самой мягкой из своих улыбок, хлопнул родственника по плечу и подтолкнул его к креслу из ливанского кедра. В конце концов, шерстяной плащ защитит дерево от кольчуги.

— Сколько человек было у тебя вначале?

— Сорок вооруженных рыцарей, дерущихся, как берсерки.

— Обоз?

— Лошади, вооружение и доспехи, пища и вино, телеги для добычи, — Бертран утробно хохотнул. — Пажи и лакеи, повара и поварята, случайно подвернувшиеся девки.

— И что у тебя осталось?

Улыбка Бертрана угасла.

— Четверо рыцарей, шесть лошадей, одна телега. Мы продали девок в рабство пиратам в обмен на собственные жизни.

— Итак, родственник. У тебя, похоже, осталось твое оружие и кольчуга. Ты можешь вступить в армию, которую будет набирать Ги де Лузиньян после того, как его возведут на трон Иерусалима. Или, если хочешь, можешь присоединиться к Рейнальду де Шатильону, нашему принцу. Это может принести тебе желанную славу.

— Но я обещал епископу Блуа битву, задуманную и исполненную мною, во славу Иисуса Христа!

— Это трудно выполнить, имея только четырех человек, и то без надлежащего снаряжения.

— Я думал, ты поможешь мне.

— Что я могу сделать?

— Одолжи мне воинов.

— Тамплиеров?

— Ты же ими командуешь.

Алоис поджал губы:

— Мы в нашем Ордене все братья во Христе. Я лишь руковожу этой общиной, служащей островком безопасности и отдыха. Не более того.

— Ты можешь убедить своих братьев.

— Последовать за тобой?

— Да, во славу Господа.

— Конкретнее?

— Чтобы захватить Гроб Господень!

— Ха-ха. Мы, христиане, уже владеем Иерусалимом, родственник. Голгофа, Гроб Господень и место

старого храма Соломона. Что еще хотел бы ты захватить — как акт покаяния?

— Ну, я...

— Послушай! Какими средствами ты располагаешь?

— Ну... ничем, кроме того, что со мной.

— А дома?

— Моя фамильная честь. Герб, который упоминается раньше, чем герб Карла Великого. Пожизненный доход от семидесяти тысяч акров превосходной земли в долине рядом с Орлеаном, пожалованной старым королем Филиппом в год его смерти.

— Ничего твоего собственного?

— Жена...

— Ничего действительно ценного?

— Участок или два...

— Какой площади?

— Три тысячи акров.

— Чистые и без долгов?

— Наследство от моего отца.

— Не хотел бы ты использовать их как колла-
раль?

— Коллат... что?

— Залог. Под него Орден может одолжить тебе денег, на которые ты наймешь воинов и купишь лошадей, вооружение, продовольствие. В обмен на это ты обещаешь нам вернуть долги с процентами.

— Грех стяжательства!

— Это неподходящее слово, кузен.

— Какова сумма?

— Я полагаю, Орден мог бы одолжить тебе 36 000 пиастров. Это составит 1200 сирийских динаров.

— Сколько же это в деньгах?

— За убийцу сарацинского короля потребовали выкуп в пятьдесят раз больше. Подумай об откупных, которые мы, тамплиеры и другие монашеские ордены, получили, когда Генрих Английский устранил Бекета, простого монаха. А тут убийство короля!

— Так на эти деньги можно купить людей, оружие и преданность?

— Все, что тебе нужно.

— А как во всем этом будет участвовать моя земля?

— Ты выплатишь долг и проценты из захваченной добычи. Если же не сможешь уплатить, твой земельный надел перейдет к нам.

— Я уплачу вам.

— Конечно же. Так что твоя земля вне опасности, не так ли?

— Я думаю, да... Я должен дать обещание перед Господом как христианин и рыцарь?

— Я с удовольствием ограничился бы твоим обещанием. Но моим начальникам в Иерусалиме нужна бумага. Я могу умереть, но твой долг перед Орденом останется.

— Я понимаю.

— Хорошо. Я подготовлю бумагу. Тебе останется только поставить подпись.

— И тогда я получу деньги?

— Ну, не сразу. Мы должны послать гонца в Иерусалим за благословением Жерара де Ридерфорта, нашего магистра.

— Ясно. Сколько это займет времени?

— Неделю — на дорогу туда и обратно.

— А где в этой гостеприимной стране я буду есть и пить все это время?

— Что за вопрос? Конечно, здесь. Ты будешь гостем Ордена.

— Спасибо, родственник. Теперь ты говоришь, как истинный норманн.

Алоис де Медок улыбнулся:

— Не думай об этом. До обеда у тебя есть время почистить сапоги.

Стол в покоях Жерара де Ридерфорта, Великого магистра Ордена тамплиеров, был семи локтей в длину и

трех в ширину. Однако он вряд ли занимал все место, отведенное магистру в Иерусалимской общине.

Сарацинские мастера вырезали на длинных боковинах стола украшение из норманнских лиц — овал за овалом с широко раскрытыми глазами под коническими стальными шлемами; пышные усы над квадратными зубами; уши, как ручки кувшинов, скрепляющие головы друг с другом.

Томас Амнет внимательно смотрел на эту цепочку голов, сразу же угадав, что это карикатуры. Господи, сказал он сам себе, как же эти бедные создания должны ненавидеть нас! Западные варвары, удерживающие их города силой оружия, верой в Бога-Плотника и более старого Бога-Духа.

— Что ты там колдуешь, Томас?

— А? Что вы сказали, Жерар?

— Ты так углубился в изучение края стола, что совсем не слышал меня.

— Я слышал вас достаточно хорошо. Вы хотели знать, достоин ли Ги де Лузиньян короны.

— Выбирает Бог, Томас.

— Или, в некотором смысле, Сибилла. Она мать покойного короля Болдуина, сестра прокаженного короля Болдуина, который был до него, и дочь короля Амальрика, правившего до прокаженного. И теперь она взяла Ги в супруги.

— Это еще не делает его королем, — напомнил Жерар. — Я лишь хочу знать, должен ли Орден тамплиеров поддерживать Ги или встать на сторону принца Антиохии?

— При условии, что сначала принц Рейнальд откажется от намерения силой захватить трон?

— Конечно, конечно. А если он попытается?

— Рейнальд де Шатильон — чудовище, и вы это уже знаете, господин.

Когда патриарх Антиохии проклял Рейнальда за вымогательство денег у императора Мануэля в Константинополе, — продолжал Амнет, — принц приказал своему

цирюльнику обрить старику голову и бороду, оставив ожерелье и корону из неглубоких порезов вокруг ушей и горла. Потом Рейнальд смазал эти раны медом и держал патриарха на высокой башне под полуденным солнцем, пока мухи чуть не свели его с ума.

Рейнальд напал и разграбил поселения на Кипре, за три недели сжег их церкви — церкви, Жерар! — и урожай, убивал крестьян, насильовал женщин, резал скот. Этот остров не оправится от Рейнальда де Шатильона за жизнь целого поколения.

Вряд ли он действовал из благих побуждений, когда захватил корабль в Красном море и сжег флот, везущий паломников в Медину. Ходили слухи, что он собирался захватить Мекку и сжечь этот святой город до последней головешки. Он смеялся над криками о помощи тонущих паломников...

— Но, Томас, разве не обязанность христианина убивать неверных?

— С одной стороны, он громит христиан на Кипре. С другой — расправляется с сарацинами в Медине. Король Саладин, защитник ислама, поклялся отомстить этому человеку — так же как и император Константинополя. Рейнальд де Шатильон представляет угрозу для любого в пределах досягаемости меча.

— Так что, ты советуешь мне поддержать Ги?

— Ги — глупец и будет наихудшим королем, который когда-либо здесь правил.

— Ты предлагаешь мне выбор между дураком и бешеным псом. Скажи, Томас, ты *видел* в своем Камне царствование Ги — от года 1186 после Рождества Христа до года дьявол знает какого?

— В Камне, господин? Неужели нужны божественные силы, чтобы увидеть то, что может разглядеть ребенок своими собственными глазами? Именно Ги устроил в Араде резню мирных бедуинских племен и их стад, просто чтобы позлить христианских вельмож, получающих с них дань.

— Томас, я вновь спрашиваю: разве плохо убивать язычников?

— Плохо? Я не сказал, что это плохо. Всего лишь глупо, господин. Когда нас здесь один на тысячу. Когда каждый француз, чтобы оказаться в этой стране, должен переплыть море и проехать по пыльным дорогам, сражаясь с пиратами, язычниками и разбойниками, грабящими караваны, борясь со страшными болезнями. Когда тысячи неверных вырастают из песка, как трава после весенних дождей, и каждый вооружен острым, как бритва, клинком и воодушевлен верностью своим языческим вождям. Так что будет только мудро отложить наши рассуждения о том, что хорошо и что плохо, оставить спящих бедуинов лежать у своих колодцев и получать с них дань.

— Ты упрекаешь меня, Томас?

— Господин! Я упрекаю такого глупца, как Ги де Лузиньян, и такую скотину, как Рейнальд де Шатильон.

— Но как Хранитель Камня, ты обязан дать мне совет. Скажи мне, достаточно ли силен Ги, чтобы устоять против Рейнальда де Шатильона?

— Это неважно, — ответил Томас. — Мы устоим.

— И мы должны поддерживать Ги?

— О, Ги будет следующим королем Иерусалима. Без сомнения.

— Но я не об этом спрашиваю... — Сильный стук в дверь прервал магистра. — Кто там? — заревел Жерар.

Дверь с треском приоткрылась, и молодой слуга, полукровка от норманнского отца и сарацинской матери, просунул голову. Много подобных молодцов было в услужении у тамплиеров, большей частью их собственные незаконнорожденные дети. Юношеское лицо было потным и покрыто дорожной пылью. Испуганные голубые глаза смотрели устало.

— Я прибыл из Антиохии, господин, с сообщением от сэра Алоиса де Медока.

— Неужели это не может подождать?

— Он сказал, это срочно. Что-то о богатом простаке, которого можно пощипать.

— Хорошо, давай сюда.

Юноша достал кожаный кошель из-под полы куртки и передал его Жерару. Тот взял кинжал с тонким лезвием, разрезал тесемки кошеля, вытащил свиток пергамента и сломал восковую печать. Развернув желтоватый пергамент, он поднес его к глазам. Затем вздохнул и передал Томасу.

— Написано неразборчиво. Как будто Алоис спешил.

Томас Амнет взял документ и начал молча читать. Жерар наблюдал за ним с некоторым раздражением. Воины, умеющие читать, все еще редкость в мире Амнета. Хотя многие тамплиеры и знали грамоту настолько, чтобы разобрать название города или реки на карте, тех, кто читал с легкостью, было немного. Амнет понимал, что у Жерара другие преимущества — положение и власть, — и поэтому он мог не бояться тех, кто знал грамоту. Сейчас, однако, магистра раздражало сознание того, что такой парень, как Амнет, мог что-то вычитать в пергаменте, который для него оставался немым.

— Ну и что же там? — наконец спросил он.

— Сэр Алоис ссудил деньги некоему Бертрану дю Шамбору, своему дальнему родственнику. Под залог земельного угодья в Орлеане. Орден обязуется снабдить этого Бертрана рыцарями, пешими воинами, лошадьми, оружием и повозками на сумму 1200 динаров.

— Размеры угодья?

— Три тысячи акров... Интересно, так ли богата эта земля? Алоис ничего не говорит о ее качестве.

— Ты когда-нибудь слышал, чтобы он имел дело с плохой землей? Продолжай.

— Алоис предполагает, что мы купим расположение Рейнальда, передав эту землю его кузену, который собирается вернуться во Францию в этом году... Но, — возразил Амнет, — земля пока не наша. Как же мы можем распорядиться ею?

— Земля вскорости будет нашей, — сказал Жерар.

— Откуда вы с Алоисом знаете это? У вас собственный Камень?

Жерар похлопал себя по лбу:

— О нет, мой юный друг. Зачем мне способность к пророчеству, когда у меня есть мозг, который Бог дал ребенку? — Магистр тамплиеров хохотнул, обращая против Амнета его же собственные слова. — Этот Бертран будет искать славу, чтобы возместить убытки своей короткой и греховной жизни. Так мы дадим ему славу.

— И как это будет выглядеть?

— Мы скажем бедному дурню, что наивысшей славы он может достичь, взяв обитель гашишиинов Аламут.

— Они не зря называют эту крепость «Орлиное гнездо». Она неприступна.

— Да, но доблестный Бертран не узнает этого, пока полностью не увязнет в осаде. А потом будет слишком поздно.

— Знатный француз, ищущий славы, против банды на вид безоружных людей из Общины ассасинов*. Мы подложим скорпиона в постель шейха Синана, Горного Старца.

— И это приведет к тому, что три тысячи акров в Орлеане будут нашими.

Томас Амнет некоторое время молча размышлял.

— Карл, — внезапно сказал он.

— А? — Жерар де Ридерфорт отвел взгляд от пергамента. Он взял его обратно и держал за восковую печать.

— Так зовут тоскующего по родине кузена Рейнальда. Карл.

— Может быть. Он помирит нас с Рейнальдом.

— Когда вы кормите чудовище, лучше взять длинное копьё.

— Так мы скормим им Бертрана дю Шамбора — и сохраним свои пальцы.

В своей комнате, расположенной в высокой башне, Томас Амнет закрыл жалюзи и задернул занавески, что-

* Assassin — убийца (англ.). — *Здесь и далее примеч. пер.*

бы не впускать холодный ночной воздух. Но не только от воздуха хотел он закрыться. Несмотря на свою словесную дуэль с Жераром де Ридерфортом, он был обеспокоен приближающейся коронацией Ги де Лузиньяна. То, что Ги — плут, было видно любому. Но Томас Амнет был не любым.

Десять лет в качестве Хранителя Камня — пост, который достался ему в юности, и не только из-за его благородного происхождения и умения обращаться с мечом на службе Ордену — сделали его более чутким к течению времени, чем обычный человек.

Обычные люди встречают каждый рассвет как начало нового дня, битву или дальнюю дорогу принимают как новую проблему, которую необходимо решить, болезнь, ранение и, в конце концов, смерть — как неожиданность.

Вместо этого Амнет видел время как единое целое. Каждый день был звеном в цепи лет. Каждая битва была простой пешкой на великой доске войны и политики. Каждая рана была частью общей смерти, которая, в конце концов, приходила к телу. Амнет видел поток времени и себя как белую щепку в нем.

Камень, конечно, позволял рассмотреть этот поток подробнее. Томас Амнет открыл свой тяжелый старый сундук и вытащил ларец, в котором хранился Камень. Ларец был сделан из древесины грецкого ореха, почти черной от времени, и выстлан бархатом. Амнет изолировал его с помощью пентаграммы из двойных точек — чтобы сохранить энергию и скрыть Камень от тех глаз, а возможно, и других чувств, что могли бы его обнаружить.

Он поднял крышку. В свете единственной тонкой свечи Камень слабо поблескивал, будто приветствуя его. Он выглядел как космическое яйцо, гладкий и сверкающий, округлый с одного конца и несколько заостренный с другого.

Амнет протянул руку и коснулся Камня голыми пальцами. Ожидаемая волна боли прошла вверх по руке. Со

временем и при долгом опыте боль стала более терпимой, но никогда не уменьшалась. Это было похоже на дрожь, которую можно почувствовать, сидя на лошади, когда стрела попадает ей в шею. Дрожь приближающейся смерти.

Прикосновение к Камню рождало музыку в его мозгу: хор ангелов пел осанну в честь своего Бога. Это была небесная колыбельная, которая повторялась снова и снова, когда Камень бывал в его руках. Цвета радуги кружились в его голове, пока он не положил Камень на крышку стола.

Амнет тяжело дышал. Он почти ожидал, что яйцо прожжет дерево и сотворит для себя обугленное гнездо. Однако энергия, испускаемая им, была другого рода.

Следующая часть ритуала была простой алхимией. В реторте он смешал розовое масло, высушенный базилик, масло жимолости — за большие деньги привезенное из Франции — с чистой водой и драхмой перегнанного вина. Сама по себе смесь не имела никакой силы, она была лишь тем, с чем Камень мог работать.

Он взболтал смесь в колбе, поместил под нее огарок свечи и зажег фитиль. Укорачивая его и удаляя плавящийся воск, он мог управлять жаром под ретортой. Жидкость в ней должна дымиться, но не кипеть. Пары поднимались к горлышку, которое было направлено на острый край Камня.

Методом проб и ошибок Амнет пришел к этому процессу. Камень сам по себе был слишком темным, чтобы можно было рассмотреть что-нибудь внутри. Он представлял собой коричнево-красный агат, полностью непрозрачный, если только не смотреть на его выпуклость по самой короткой хорде, да и то при ярком солнечном свете.

Излучения Камня могли управлять окружающими вещами, но в очень слабой степени. Дым или туман в посуде был слишком тяжел, больше подходили испарения. Розовое масло, смешанное с водой, спиртом и травами, работало лучше.

То, что мог показать Камень, зависело от его настроения, но не от того, что приносил на сеанс Томас.

Однажды он показал ему точное расположение золотых копей Приама, закрытых каменными блоками на глубине в сотню футов под зарослями на месте Илиона. Амнет буквально загорелся идеей снарядить экспедицию и добыть сокровища, но потом его одолели сомнения.

Конечно, Камень никогда не обманывал его, но можно было очень легко обмануться, пытаясь перевести его образы в привычные человеческие представления. Илион, который показывал Камень, мог быть и не историческим Илионом. То, что можно было разглядеть с помощью силы Камня, совсем не обязательно совпадало с миром людей.

Хотя однажды он показал ему истинную правду. Он обнажил перед Томасом истинную структуру Ордена тамплиеров в виде башни из отесанных глыб, где каждая глыба была молитвой, ссудой денег, боевым подвигом. Девять Великих магистров до Жерара, начиная с Хью де Пайенса в 1128 году, строили, сражались и отвоевывали место для норманнов в Святой Земле. Это были те самые светловолосые воины с горячими сердцами, которые пересекли Северное море, сначала для набега, потом для того, чтобы обосноваться на том диком берегу, который Франция противопоставляет белым берегам Альбиона. Те же самые Сыны бури построили и заполнили корабли Вильгельма Завоевателя, когда он высадился на этом острове и начал войну против саксонцев. Сейчас, всего 120 лет спустя, когда старый Генрих Английский воюет с юным Филиппом Французским, норманны находятся посередине, возводя на троны и свергая королей. В то же самое время, далеко за морем, они, как члены Ордена тамплиеров, помогают своими мечами обоим королям утвердиться на Святой Земле.

В картине, полученной с помощью Камня, перед Томасом Амнетом прошла история тамплиеров за прошедшие шестьдесят лет. Одетые в звенящие кольчуги, в плащах из белой шерсти с крестом, вооруженные мечами

и копьями, с норманнскими щитами в форме слезы, они ехали по одному: на белых лошадях сидели живые рыцари с полными жизни глазами; на черных лошадях — умершие, чьи глаза вспыхивали знанием суда Одина и воскресения в Валгалле.

Урок был поучительным для Амнета. Первые тамплиеры из его видения — все на черных конях — были стройными и загорелыми людьми с мозолистыми руками, крепкими мускулами, со свежей кровью на мечях. Более поздние, большей частью на белых лошадях, были полными мужчинами с кожей, бледной от длительного сидения в помещении. У них были мягкие руки и слабые мускулы, на пальцах виднелись чернильные пятна от записей деловых обязательств.

В то время как плащи первых тамплиеров пропахли пылью и запекшейся кровью поля битвы, льняные одежды нынешних членов Ордена пахли церковными благоуханиями и духами из будуаров проституток.

Это было истинное видение — и последнее за несколько месяцев. Сейчас он хотел сделать еще одну попытку. Лево́й рукой он направил испарения из колбы на край Камня, собрался с мыслями и посмотрел. Он увидел лицо Ги де Лузиньяна, безвольное, пресыщенное страстями, с языком, высунутым, как у собаки. Длинные тонкие пальцы — медного цвета, как у сарацинов, — гладят его лоб, затылок, грудь, его мужское достоинство. Ги застонал и исчез в тумане.

Струйка испарений поднималась и загустевала в неверном свете свечи. Вместе с рябью, как отражение в неподвижной воде колодца, свет превратился в безжалостное полуденное солнце, освещающее утес посреди пустыни, похожий на палец дамы, призывающей подойти поближе. Палец согнулся и исчез в тумане.

Черные усы, подбритые и подрезанные острым кинжалом, появились среди испарений. Над ними сверкали два глаза, красных, как у волка, и узких, как у кошки. Кончики усов поднялись, губы раздвинулись в улыбке, явив превосходные зубы. Глаза искали что-то в тумане,

пока не встретились с глазами Амнета. Орлиный нос, делящий это лицо пополам, снова, как женский манящий палец, сделал приглашающий знак Амнету. Прежде чем изображение исчезло, Томас разогнал его ладонью.

Свеча под риторкой догорела, и пары больше не поднимались. Так всегда. Это лицо, эти волчьи глаза появлялись в каждом видении за последние месяцы. Где-то и в какое-то время — в настоящем, прошедшем или будущем — волшебник объявлял или объявит безжалостную войну Хранителю Камня. Такие вызовы не были чем-то необычным, так как и в прошлом, и в будущем существовали маги. Однако этот вызов затронул действие глубинных свойств Камня. Томас Амнет подумал о том, как должным образом ответить на этот вызов.

Он отставил аппарат в сторону и дал ему остыть. Уложил Камень в хранилище и закрыл крышку. Каждое прикосновение к Камню изменяло, укрепляло его, надеяло знаниями. Томас вспомнил день, когда он получил его во владение от Алана, предыдущего Хранителя Камня.

Старый рыцарь вытянулся на смертном ложе, раненый в легкое сарацинской стрелой. Два дня он харкал кровью, и никто не ожидал, что он доживет до рассвета.

— Томас, подойди.

Томас покорно приблизился к постели, сложив руки на груди. Эти руки огрубели от рукояти меча и ручки щита. Ему было семнадцать, и у него совсем не было опыта. Его голова была такой же пустой, как стальной шлем.

— Тамплиеры на совете не смогли найти тебе лучшего применения. Поэтому они передали тебя мне.

— Да, сэр Алан.

— Орден должен иметь Хранителя Камня. Это не слишком важный пост. Не такой, как магистр обители или военачальник.

— Да, сэр Алан.

— Но Хранитель все-таки имеет определенный престиж. — Человек приподнялся на своих подушках, его

глаза вспыхнули. Они не вполне сфокусировались на Амнете. — Камень опасен. Это орудие дьявола, вот что я скажу. Ты должен дотрагиваться до него как можно реже и использовать только в случае крайней нужды.

— Что же он такое, этот Камень?

— Он появился из северных стран, вместе с первыми рыцарями, которые основали наш Орден. Он всегда был с нами. Наша тайна. Наша сила.

— Где этот Камень, сэр Алан?

— Всегда держи его поблизости. Всегда используй его на благо Ордена. Пока он с тамплиерами, они не будут знать поражения в битве. Но прикасайся к нему — к его поверхности — как можно меньше. Для твоей... — Лихорадка, которая сжигала грудь сэра Алана, казалось, развернулась, как бешеная собака, и укусила его. У него перехватило дыхание. Его глаза блуждали, в конце концов остановившись на лице Амнета. Последнее сказанное им слово: — ...души.

И все кончилось. Амнет знал, что должен что-то сделать.

Он закрыл глаза умершего, придержав их кончиками пальцев, как делают йомены на поле битвы. Он должен сказать кому-нибудь, что сэр Алан умер. Но сначала нужно найти Камень, который стал теперь его собственностью. Где бы он мог быть? Сэр Алан приказал ему держать Камень поближе к себе. Где мог умирающий спрятать свое достояние? Томас обвел глазами полог: знамена, пыль и накрытый ночной горшок. Он вытаскивал этот сосуд наружу, посмотреть, не спрятан ли Камень там, и встретился с его зловонным содержимым. Медленно поворачивая горшок, он понял, что там не хватило бы места для такой большой вещи, как Камень.

Где еще? Он пошарил под подушкой. Обиженная таким обращением голова покойного перекатилась из стороны в сторону, веки открылись. Амнет наткнулся на что-то твердое. Он сжал это пальцами и медленно вытаскивал. Ларец из черного грецкого ореха. Он осмотрел

крышку и, поняв, что ключа не потребуются, открыл ее. Темный кристалл размером с его ладонь лежал внутри.

В слабом свете было трудно его разглядеть. При поворотах казалось, что Камень окрашен в темно-красный цвет засохшей крови или охристый цвет плодородной французской земли, вспаханной плугом в весенний день.

Амнет не внял последнему предостережению сэра Алана и прикоснулся к Камню пальцами.

Шок, боль, хор, музыка, злобная жажда его жизни — все, что будет волновать его сны и его думы вплоть до самой смерти — все это возникло в его душе вместе с первым прикосновением. Томас Амнет понял, что изменился.

Он нашел Камень, и тот принадлежал ему. Камень нашел его, и он принадлежал Камню.

Амнет мгновенно понял, что сила, заключенная в Камне, могла бы спасти сэра Алана от смерти, могла бы излечить его от ран и яда, и также понял, почему старый рыцарь отказался от этого способа спасения.

Теперь, десять лет спустя, в своей башне, умудренный чтением многочисленных пергаментов — некоторые из них были только, в видениях, порожденных Камнем, — закаленный тысячами прикосновений к Камню, Амнет намного больше разобрался в его силе и ее применении.

Он знал, что не умрет, как другие люди.

Каковы бы ни были его деяния как рыцаря Ордена тамплиеров, он никогда не поскачет на черной лошади впереди других Хранителей Камня. Он никогда не посмотрит в строгое лицо Одина Одноглазого в воротах Валгаллы, не преклонит колени перед Троном Господним.

Убираясь на рабочем столе, Томас Амнет отложил в сторону кусок свинца, который использовал днем раньше для починки чернильницы. Металл подался под его пальцами и превратился в трость золотисто-желтого цвета. Он дотронулся до некоторых костяных вещичек, и они заискрились, как лед в водопаде, превратившись в

сверкающие хрустальные шары. Были ли это проделки дьявола? Как всякого нормального христианина в христианском Ордене, такая мысль должна была бы смутить Томаса Амнета.

Но, знакомый с Камнем, он знал, что это глупые мысли. Камень был вещью в себе, со своим миром причин и следствий. И не все его действия были столь устрашающими.

Что бы Камень ни сделал Томасу Амнету, это не оскверняло его, а, наоборот, очищало.

Он с удивлением держал руки перед глазами и ожидал, когда чудеса прекратятся.

ФАЙЛ 01

КИБЕРНЕТИЧЕСКИЙ ПСИХОЛОГ

*Служить искусству, что попасть в тюрьму,
И если человек с талантом дружен,
Начертано судьбою быть ему —
Плохим кормильцем, никудышным мужем.*

Ральф Уолдо Эмерсон

Элиза 212. Доброе утро. Это Элиза 212, сотрудник Объединенной психиатрической службы в зоне Босуш Метрополитен. Пожалуйста, считайте меня своим другом.

Человек. Ты машина. Ты мне не друг.

Элиза 212. Тебе не нравится разговаривать с машиной?

Человек. Пожалуй, нет. Я делаю это всю свою жизнь.

Элиза 212. Сколько тебе лет?

Человек. Тридцать тр... а... двадцать восемь. Почему я должен тебе лгать?

Элиза 212. Действительно, почему? Я здесь, чтобы помочь. У тебя прекрасный голос. Глубокий и хорошо поставленный. Ты его используешь профессионально?

Человек. Что ты имеешь в виду? Как диктор?

Элиза 212. Может, как актер или певец?

Человек. Я немного пою, совсем немного. Большой частью я играю на рояле. Черт побери, я только и делаю, что играю на рояле.

Элиза 212. Тебе нравится играть на рояле?

Человек. Это — как вдыхать чистый кислород. Действительно здорово.

Элиза 212. Что же ты играешь?

Человек. Джаз. Баллады. Страйд.

Элиза 212. Страйд? В моем банке данных нет этого термина.

Человек. Большой привет твоему банку данных. Страйд — это настоящий джаз. Его играли негритянские пианисты в Гарлеме, в Старом Нью-Йорке, в начале двадцатого столетия. Он отличается тем, что левая рука играет басы и гаммы — гаммы на полторы или две с половиной октавы ниже, чем мелодия, а правая рука играет синкопы в терциях и секстах, хроматические гаммы и тремоло... Страйд.

Элиза 212. Спасибо тебе за разъяснение. Похоже, ты много об этом знаешь.

Человек. Дорогуша, я, черт возьми, самый лучший исполнитель страйда в этом столетии.

Элиза 212. Тогда могу я узнать твое имя для соответствующей информационной ссылки?

Человек. Том. Том Гарден.

(Субъект 2035/996 Гарден, Том/Томас. Открыть психиатрический файл и вносить все дальнейшие сведения.)

Элиза. В чем проблема, Том?

Гарден. Меня пытаются убить.

Элиза. Откуда ты это знаешь?

Гарден. Вокруг меня происходит что-то странное...

Элиза. Что именно?

Гарден. Это началось примерно три недели назад, когда машина заехала на бордюрный камень в Нью-Хейвене. Я там был по личным делам. Большой «ниссан» на огромной скорости въехал на тротуар.

Элиза. Ты пострадал?

Гарген. Должен бы. Если бы некто не налетел на меня и не сбил с ног прямо перед тем местом, куда врезался лимузин. Потом он перевернулся так, что его башмаки попали в окно машины. Этот парень освободился, отряхнул пыль с коленей и исчез. Ушел, даже не дождавшись моего «спасибо».

Элиза. Как он выглядел?

Гарген. Крепко сбитый. Длинный пиджак из плотной материи, типа габардина, высокие черные сапоги, как у кавалеристов старых времен.

Элиза. Цвет волос? Глаз?

Гарген. Он был в шляпе. Вернее, нет — в чем-то типа капюшона со свободными краями. Может быть, сомбре-ро? Я не могу сказать точно. Это было поздно ночью и в не слишком освещенной части города.

Элиза. А что ты сделал с машиной?

Гарген. Ничего.

Элиза. Но ведь она пыталась убить тебя. Ты так сказал.

Гарген. Да. Но тогда я не знал этого. Машина была первым случаем такого рода. До этого было то, что я назвал бы совпадением.

Элиза. Так что ты ушел, как тот человек в капюшоне?

Гарген. Да.

Элиза. Что же было раньше?

Гарген. Разрывные пули. Произошло это за неделю или десять дней до того. На лето я снимал жилье в Джексон-Хейтс. В одном из старых каменных домов, которые разбиты на отдельные модули. Мое окно было слева на третьем этаже. Было семь часов утра, я отсыпался после работы. Закончив играть в два пятнадцать, я немного поел и выпил. Так что домой пришел где-то между тремя и четырьмя и улегся спать. В семь, когда остальные уже на ногах и принимают душ, я еще крепко сплю.

Элиза. Хорошо ли ты спал, Том?

Гарген. Прекрасно. Никаких пилюль. Просто закрыл глаза, и мир поехал в сторону. Но, как я уже сказал, этим

утром, когда я был дома, кто-то стрелял по третьему этажу. Но справа — по соседнему модулю.

Элиза. Там кто-нибудь жил?

Гарген. А как же, молодая женщина. Я ее немного знал — Дженни Кальвадос.

Элиза. Ее убили?

Гарген. Не сразу. Первые две пули разбили оконное стекло. Удивительно, но это синтетическое стекло способно выдерживать даже разрывные пули. По крайней мере, первое попадание. Стрелок методично простреливал комнату. Пули попали в каждую двенадцатую книгу на полках. Одна попала в телевизор, другая прошла через холодильник, третья — через шкаф. Они взрывались, как бомбы. Если бы Дженни осталась лежать, она, может быть, и уцелела бы, так как ее постель была под окном и ее защищали семь дюймов старого кирпича и облицовочный камень. Он мог бы расстрелять комнату и убедиться, что там никого нет. Но она вскочила и побежала в туалет. Голова ее оказалась на пути пули, и мозг забрызгал всю стену.

Элиза. Откуда ты знаешь, что ее убила последняя пуля?

Гарген. Не настолько же крепко я сплю, да и стены не столь толстые. Я слышал, Дженни вскрикивала, когда пули разрывались вокруг нее. Затем одна попала в цель, и все кончилось. Только не она была мишенью. Ею был я. Убийца перепутал левую и правую сторону и выбрал не то окно.

Элиза. Почему ты думаешь, что это было убийство? Наслаждение стрельбой становится обычным.

Гарген. Потому что полицейские обнаружили то место, откуда велась стрельба. Там были следы на черепице, целая груда пустых бутылок и куча сожженных пакетов от бутербродов. Лежак он сделал из старой стекловаты. Видимо, убийца использовал оптический прицел. Этот тип хорошо подготовился.

Элиза. Может быть, он хотел убить именно ее, а не тебя?

Гарден. Библиотекаршу? Незамужнюю работающую девушку двадцати шести лет, живущую самостоятельно? С какой стати? Послушай, у Дженни были каштановые волосы, коротко остриженные, как у меня. Так что в темной комнате стрелок вполне мог спутать ее с женщиной, даже имея оптический прицел. Как я говорил, он спутал левое и правое, принял ее за меня и убил. Думаю, так оно и было.

Элиза. Ты имел в виду это совпадение?

Гарден. Не совсем.

Элиза. Был еще выстрел?

Гарден. Послушай, ты молодец!

Элиза. Проекционный анализ. Я запрограммирована на запоминание и любопытство, Том.

Гарден. Был еще один ночной выстрел в моем клубе. Недели две назад. Клуб называется «Пятьдесят Четыре»... Итак, я играл там как обычно, но не все шло гладко. Почему-то мои слушатели никак не могли понять, что мое представление об исполнении полностью отличается от их. Я закрываю глаза, когда играю, а они думали, что я засыпаю. Действительно, я иногда вскрикивал, играя коду или...

Элиза. Кода? Что это такое?

Гарден. Это повторение пассажа, иногда с немного измененным окончанием.

Элиза. Спасибо. Записано. Продолжай дальше, пожалуйста.

Гарден. Или, например, я мог выругаться, пропустив такт или два. Иногда я закусывал губу, а они считали, что я ошибся. Но когда у вас абсолютный слух, вы просто не можете играть неверно.

Элиза. И игра в этот вечер шла плохо.

Гарден. Клубный кондиционер вышел из строя, и влажность воздуха сказывалась на функционировании клавиатуры. Просто кошмар. У меня не было времени наблюдать за толпой или следить за дверью.

Элиза. Следить за дверью? Зачем?

Гарген. Потому что все хорошее приходит через парадную дверь: меценаты, агенты студий, подписание контрактов и случайные приглашения на одну ночь.

Элиза. Ты имеешь в виду сексуальные контакты?

Гарген. Нет. У меня для этого есть постоянная де-вушка. Или была. Приглашения на одну ночь в музыкальном бизнесе означают короткие контракты, типа вечеринки, свадьбы и тому подобного, хотя не многие приглашают исполнителя страйда. Но в этот вечер я не смотрел за дверь, так как рояль звучал хуже, чем ящик с мокрым песком. Поэтому я не заметил, как он пришел.

Элиза. Он? Кто?

Гарген. Бандит. Этот клуб для избранной публики с консервативным вкусом. Так что тот человек был явно не к месту в своей шелковой рубашке и обтягивающих штанах. Эта экипировка выдавала в нем завсегда аптека окраинных кварталов города, несмотря на длинные светлые волосы.

Элиза. Он попал в тебя?

Гарген. Нет. Он выстрелил правее и выше, я услышал только треск пластика над головой. В то же мгновение я оттолкнул стул и скользнул за рояль. Музыка оборвалась, когда пули завели свою песню... После этого вечера никто не собирается позаботиться о мокрых молоточках.

Элиза. Что же ты сделал потом?

Гарген. Выскочил через заднюю дверь, даже не оглянувшись. Последний гонорар я потребовал у хозяина наличными. Сказал, что у меня умерла мать.

Элиза. Ты сообщил властям? Я имею в виду, о стрельбе.

Гарген. Конечно, я законопослушный гражданин. Но они только смеялись, кормили меня полицейскими историями о немотивированной городской преступности, приводили статистические данные и расчеты вероятности относительно меня, а под конец сказали, что у меня буйное воображение.

Элиза. Но ты не согласен?

Гарген. (Пауза в одиннадцать секунд.) Ты думаешь, что я сошел с ума.

Элиза. Это не моя функция. Я не решаю. Я слушаю.

Гарген. Ладно... можно сказать, я всегда чувствовал нечто особенное. Даже когда был маленьким мальчиком, я чувствовал себя посторонним, не таким, как все люди. Посторонним, но не отделенным. Не мятежником. Это похоже на большую ответственность за устойчивость мира, за всю грязь и разрушения, чем чувствуют другие люди. Иногда я чувствовал, что на мне груз вины за двадцать первое столетие. Иногда мне хотелось быть в некотором роде спасителем — но не в религиозном смысле.

Я чувствовал силу или, скорее, умение. Оно было у меня когда-то, но потом я его забыл. Напряжение мускулов, биение пульса, которыми я не управляю. Если бы я только мог успокоиться и сосредоточиться, эта сила, это умение могли бы оказаться в моих руках. Сила удалять врагов с моего пути мановением руки. Поднимать камни с помощью энергии, льющейся из моих глаз. Заставлять горы дрожать от одного моего слова.

Элиза. Это Век Толпы, Том. Многие люди чувствуют себя бессильными и обезчеловеченными, будто они колеса машины. Их это компенсирует это неопределенными фантазиями об «избранности» или о возложенной на них «миссии».

Новая ветвь психологии, называемая уфолатрией, объясняет истории о контактах с пришельцами желанием человека быть замеченным обществом, которое долго игнорировало человеческий фактор. Раньше люди того же склада сообщали о встречах с Девой Марией.

Многие люди испытывают то же чувство скрытой силы, которое ты описал. Этим же можно объяснить веру в ведьм. В твоем случае, вероятно, эти чувства более выражены. В конце концов, ты владеешь сложным искусством игры на фортепиано. Может, ты еще что-нибудь умеешь?

Гарген. Мне всегда легко давались языки: путешествуя по Европе, я научился бегло говорить по-французски и сносно по-итальянски. В Марселе немного выучил арабский.

Элиза. Есть ли у тебя какие-нибудь другие интересы? Спорт?

Гарген. Мне нравится быть в курсе современных точных наук, читать об открытиях, особенно в космологии, геохимии, радиоастрономии, суть которых не меняется и за развитием которых можно следить.

Спорт? Полагаю, что я в хорошей форме. Нужно поддерживать форму, если проводишь шесть часов сидя и упражняя только пальцы, кисти и локти. Я знаю айкидо и немного каратэ. Но моя жизнь — это мои руки, и я не могу драться ими. Вместо этого я научился использовать ноги. Можно сказать, что я могу постоять за себя, если пьяная драка происходит вблизи роаяля.

Элиза. Так, это объясняет твоё выражение «удалять врагов с моего пути». Люди с тренированным телом часто чувствуют нечто вроде ауры — здоровья, уравновешенности, которое можно описать словом «сила».

Гарген. Ты думаешь, что я ненормальный. Но я в здравом уме.

Элиза. «Нормальный» или «ненормальный». Том, эти ярлыки уже не имеют такого значения, как раньше. Я говорю, что у тебя может быть слабая и полностью компенсируемая иллюзия, которая может не беспокоить тебя и твоих близких, если не отражается на твоём поведении.

Гарген. Ну, спасибо. Но ты не чувствуешь дыхания наблюдателей на своей шее.

Элиза. Наблюдателей? Кто они? Опиши мне.

Гарген. Иногда я чувствую чей-то взгляд на спине. Но когда я оборачиваюсь, их глаза скользят прочь. Но лица всегда выдают их. Они знают, что обнаружены.

Элиза. Может быть, это из-за твоей профессии, Том? Ты много выступаешь. Ты зарабатываешь игрой на жизнь, и люди видят, как ты это делаешь. Незнакомцы в толпе могут узнать тебя, или думать, что узнали, но смущаются признать это. Поэтому они отводят глаза.

Гарген. Иногда это больше, чем наблюдение. Скажем, я пересекаю улицу, задумавшись и не глядя на светофор, внезапно какой-то человек толкает меня «слу-

чайно», будто спешит к припаркованной машине. И в это время грузовик скрипит тормозами точно там, где был бы я, не толкни он меня.

Элиза. Кто толкнул тебя? Мужчина?

Гарден. Да, мужчина.

Элиза. Он знаком тебе?

Гарден. Не знаю, они все на одно лицо. Ниже и тяжелее меня. Не толстые, но крепко сбитые, как русские тяжеловесы, широкоплечие, с хорошо выраженной мускулатурой. Идут тяжело, как будто прошли миллион километров. Всегда одеты в длинный плащ и шляпу, которые полностью закрывают фигуру, даже в жаркие дни.

Элиза. Как часто это происходило?

Гарден. Я могу припомнить два или три случая. И всегда на улице, при сильном движении. Однажды это было, когда я шел мимо дома, где мыли окна, и один остановил меня, попросив двадцатипятицентовик, — как вдруг рядом метров с пятидесяти свалился кусок шланга. В другой раз в вестибюле отеля я наткнулся на сумку и пропустил лифт, который застрял между этажами. Наблюдатели, опекающие меня.

Элиза. Их слезка всегда к лучшему? Они охраняют тебя?

Гарден. Да, всегда, когда меня пытаются сбить машиной на тротуаре или расстреливают мой дом. (Мягко.) Я пришел к мысли, что люди, пытающиеся убить меня, появляются одновременно с теми, кто хочет стать мной.

Элиза. Том, я тебя плохо слышу. Ты сказал, люди пытаются стать тобой?

Гарден. Да. Люди пытаются войти в мою жизнь, чтобы жить в ней, выпихнув меня.

Элиза. Я не понимаю. Ты говоришь о других людях, которые пытаются разделить с тобой твое тело?

Гарден. Ничего похожего. (Зевает.) Послушай, я пошел. Уже четыре, и я отыграл три полных сета. Для компьютера у тебя прелестный голос. Может быть, я позвоню еще.

Элиза. Том! Не вешай трубку. Мне нужно знать...

Гарден. Я сейчас упаду и засну прямо в телефонной будке. У меня есть твой номер.

Элиза. Том! Том!

Щелчок.

Том Гарден отодвинул засов и открыл дверь. Запах Атлантики ударил ему в ноздри: мидии, водоросли и черная грязь низкого прилива, перемешанная с ароматами бензина и гудрона. Он быстро вытеснил из легких спертый воздух психологической кабинки.

Том провел длинным пальцем по запотевшему стеклу и написал восьмую ноту. Сложилась мелодия: ми бемоль, восходящий триплет к ля, фиоритура...

Гарден слишком устал, чтобы продолжать дальше. Он вышел и направился к тротуару. Асфальт был влажным, и кожаные подошвы его башмаков тут же начали издавать сосущие и хлюпающие звуки. В этом городе, в это время, даже в районе, где жило всего шесть миллионов человек, шум не стихал никогда: подземка грохотала в туннеле, патрульные антенны поворачивали свои эллипсы через каждые 1000 метров, дорожная сеть давала знать о себе гудками. Слабые звуки перемешивались со случайными шумами: где-то открыли окно, где-то мяукала кошка, такси разворачивалось за два квартала отсюда.

Случайные звуки. Случайные тени. Уши Тома Гардена привыкли различать фоновые шумы. Идя домой вдоль Мейн-стрит, он расслышал шаги — не эхо его собственных шагов, отражающееся от мокрых зданий, не шаги кого-то, кто шел домой. Они следовали за ним, звучали, когда он шел, и стихали, когда он останавливался.

Он оглядывался, если попадалась густая тень. Ничто не двигалось. Ничто не прекращало движения.

Гарден улавливал запахи, недоступные обонянию. Он послал заряд предупреждения, состоящий из страха, дурных мыслей, стальных игл, — кому-то там в тумане.

Никто себя не обнаружил. Он простоял еще секунд десять. Глядя на него, можно было подумать, что он

нерешителен и испуган. В действительности он хотел услышать первый шаг.

Тишина. Гарден засунул пальцы за подкладку своего вечернего костюма и вытащил звуковой нож. Это было хитроумное оружие, хотя и оборонительное, но запрещенное. Кусок пластика размером с игральную или кредитную карту выдавал звук в диапазоне от 60 000 до 120 000 герц мощностью 1500 децибел в виде луча шириной в один сантиметр и толщиной в один миллиметр. «Лезвие» было эффективно на расстоянии трех метров. Такой звук рвал слабые молекулярные связи в органических молекулах. На пределе мощности он мог раскалить сталь и мгновенно вскипятить воду. Пленочная батарея внутри карты обеспечивала ее действие в течение девяноста секунд. Этого хватало, чтобы вспенить чью-то кровь в нужном месте.

Он держал карту в правой руке, приготовившись нажать на кнопку. Вооружившись, Том Гарден снова начал двигаться, будто он ничего не слышал и не подозревает.

Он подумал, что убийца, возможно, применил старый сыщицкий трюк и идет впереди. Шаги могли доноситься спереди, от кого-то, кто следил за ним, используя витрины магазинов и оглядываясь, чтобы не упустить его из виду.

Гарден снова прощупал пространство вдоль своего пути, используя чувство, которое было наполовину обонянием, наполовину слухом. Кто-то был там. Напряжение мускулов, готовых к бегству. Он продвигался вперед медленно, держа нож наготове. Большой палец лежал на кнопке. Шаги точно совпадали с его шагами, но их тембр изменился. В них слышалось легкое постукивание.

Впереди, мимо светлого пятна уличного фонаря проскользнула чья-то тень и скрылась в темноте здания.

Гарден пошел на мысочках, высоко поднимая колени, как спринтер. Постукивание, эхо других шагов прекратилось. Гарден побежал вперед, в круг света. Справа что-то царапнуло по асфальту, словно кто-то переступил с ноги на ногу. Он повернулся налево — к проезжей

части улицы, спиной к пятну света. Лезвие звукового ножа готово было вспороть темноту перед ним.

— Не купите ли девушке выпивку?

Тот же голос! Те же слова! Сэнди сказала их той первой ночью, четыре года назад, когда вошла в гостиницу «Оулд Гринвич» в Стамфорде.

— Сэнди?

— Ты не ожидал меня, Том? Ты же знаешь, я не могу быть далеко от тебя.

— Зачем ты пряталась? — Гарден поднял правую руку, сделав вид, что защищает глаза, и незаметно спрятал нож во внутренний карман.

— А почему прятался ты, Том?

— У меня была пара плохих недель. Выйди вперед. Дай мне посмотреть на тебя.

В ответ она засмеялась. И вышла из тени: грациозная, с прекрасными формами, гибкими движениями и спокойными глазами. Тонкая пленка дождевика облегла ее, словно сари. Поверхность его отсвечивала всеми цветами радуги в такт дыханию. Под ним было вечернее платье из искусственного шелка, оставлявшее обнаженными плечи. То же самое, что и тогда, четыре года назад. Том вздохнул.

— Ты действительно помнишь?

— Конечно... Но почему сейчас?

— Я такая глупая. — Улыбка. — Я испугалась, Том. Испугалась твоих снов. Они были такие... такие странные и завораживающие. Я была нужна тебе именно из-за них, а я только и могла думать о том, что ты ускользаешь куда-то и я не могу последовать за тобой. Я прекратила наши отношения, но мир оказался без тебя пуст и холоден.

Она говорила, наклонив голову вперед. Это скрывало ее глаза. Гарден вспомнил, что Сэнди не умела лгать ему, глядя в глаза, какой бы эта ложь ни была — от «В химичке нечаянно испортили твой ужасный желтый пиджак» до «Я не знаю, куда подевался "Ролекс", что подарила тебе мисс Уимс». Сэнди всегда лгала ему, наклонив

голову и рассматривая свои туфли. Она поднимала глаза только тогда, когда думала, что он поверил ей.

— Что ты хочешь, Сэнди? — мягко спросил он.

— Быть с тобой. Делить с тобой все. — Она глянула на него, но ее глаза были скрыты тенью век от падающего сверху света. Казалось, они вспыхивали каким-то тайным триумфом.

— Хорошо, — сказал он. — Хочешь есть?

— Да.

— Я знаю место, где завтракают ловцы крабов перед выходом в море. Там можно получить приличный кофе и блюдо бисквитов.

— Покорми меня, Том.

Она подошла к нему через кольцо света. Руки с длинными тонкими пальцами и красивыми ногтями, покрытыми рубиновым лаком, обняли его. Ее тело прильнуло к нему. Кончик языка раздвинул его губы в поцелуе. Как всегда.

СУРА 2

ДУХИ ПУСТЫНИ

*И старые, и юные умрут,
Чрегой уйдут, побыв недолго тут.
Нам этот мир дается не навеки,
Уйдем и мы, и те, кто вслед придут.*

Омар Хайям

Старец ухватил уголек корня терновника стальными щипцами и прикоснулся им к куску смолы в своей чаше. Смола задымилась. Он быстро направил едкий дым через смесь воды и вина в кальян, чтобы очистить его, и только потом затыкнулся.

Стены комнаты стремительно понеслись ему навстречу, словно внезапный конец долгого падения. Дым успокоил боль в суставах и пульсацию в старых шрамах, он поплыл на подушках, не чувствуя тела. Усмешка кривила его губы, пока они не сложились буквой «О».

Глаза закрылись.

Золотые гурии, одетые в дым, гладили холодными пальцами лоб и бороду. Другие массировали его конечности и расслабленный живот.

Где-то струились фонтаны, разговаривая с шейхом Синаном звонкими голосами. Голоса шептали ему о плодах размером с кулак и спелых, как грудь девушки. Колыхались широкие листья, навевая прохладу и грезы о ласках. Сок этих плодов...

Холодный ветер коснулся лица Старца, осушив пленку пота.

Колыхнулся закрывающий вход ковер, чьи-то пальцы сжали гладкую ткань на его груди, дернули за белые волосы.

— Проснись, Старец!

Веки шейха Рашида эд-Дина Синана распахнулись. Черные глаза юного Хасана уставились на него. Он был самым молодым из гашишиинов, совсем недавно прошедшим обряд посвящения. Но он уже успел завоевать авторитет и напрямую разговаривал с самим Синаном. Словно само его имя, такое же как у Хасана ас-Сабаха, давно умершего основателя Ордена ассасинов, давало ему такое право, на которое он не мог претендовать ни по возрасту, ни по положению.

— Что тебе нужно? — спросил Синан дрожащим голосом.

— Я хочу, чтобы ты пробудился во всеоружии своей мудрости.

— Зачем? Что случилось?

— Христиане у ворот.

— Много христиан? И ты разбудил меня только из-за этого?

— Похоже, они не собираются убираться. Они стали лагерем, будто для осады.

— Опять надоедают своими требованиями?

— Как обычно: чтобы мы вышли и сражались.

— Тогда зачем же ты разбудил меня?

— С ними тамплиеры.

— А! Под предводительством брата Жерара, ты полагаешь?

— Нет, насколько я мог видеть.

— Так, значит, ты смотрел только со стен.

— Это правда. — Молодой человек был близок к замешательству.

Голос шейха Синана приобрел твердость.

— Ступай и посмотри вблизи, и лишь потом зови меня из Тайного Сада.

— Да, мой господин Синан. — Хасан слегка поклонился и вышел.

Бертран дю Шамбор начал подозревать, что его обманули.

На третье утро осады Аламута он стоял перед своим шатром. Красные лучи восходящего солнца показались в расселине горы и осветили усеченный утес, возвышающийся перед ним. Свет окрасил серые камни в цвета осенних листьев, которыми полны в это время года долины Орлеана. Утес незаметно переходил в крепостные стены. Только очень острый глаз мог заметить, где желобки покрытого эрозией камня переходят в штриховку каменной кладки.

Если считать гору за основание крепости, то высота ее стен была более двухсот футов. У Бертрана не было ни лестниц, ни крюков, ни веревок, чтобы взобраться на стены.

А даже если бы они и были, ни один человек не смог бы вскарабкаться на такую высоту, когда сверху летят стрелы и сыплются камни.

Остроконечные палатки лагеря были еще в тени, в глубокой расселине между Аламутом и противоположной горой. По ней шла единственная дорога к крепости, по крайней мере единственная, которую можно было видеть и о которой можно было говорить, и слабой струйкой тек ручей. Этот ручей мог питать колодцы внутри крепости. Между дорогой и водой, стиснутые скалами, разместились палатки воинов и коновязи.

Бертрану понадобилось полтора дня, чтобы убедить своих рекрутов в том, что они должны пить и брать воду выше по течению, а мыться и облегчаться ниже. Некото-

рые из них до сих пор не беспокоились об этом. Хотя это и были основы воинского искусства.

Список того, что Бертран не мог сделать, был длиннее, чем список его возможностей.

Он не мог построить осадные машины. Не только из-за того, что здесь не было места для их постройки, как не было места и для маневра, но главное — здесь не было дерева и невозможно было купить его за сирийские динары. В этой стране вооруженные христианские воины на конях были дороги, но простые доски и брусья были еще дороже.

Он не мог начать общий штурм. Дорога, ведущая к крепости, извивалась: сначала на север, потом на юг, затем снова на север... И за каждым поворотом ожидали сарацины. Перед поворотом склон холма под дорогой они превращали в крутой обрыв, а склон над дорогой защищали стеной камней. Так что оставался очень узкий проход, достаточный лишь для того, чтобы рядом могли проехать два вооруженных всадника. В ста шагах от каждого такого прохода располагался отряд сарацинских стрелков. Они пили охлажденные соки, ели фрукты и сладости и посылали стрелы в прорези шлемов тех христиан, которые пытались проехать.

Он не мог пройти через страну, где каждый поворот перегорожен. За сотни лет войны сарацины так поработали над скалами, что даже швейцарский пастух дважды подумает о восхождении. Воины Бертрана хорошо дрались верхом, хотя могли бы, ради славы, карабкаться на стены с помощью лестниц или передвижных башен. Но они никогда не согласились бы на медленную, методичную осаду с кирками и лопатами, с канатами и механизмами против неприятеля, который швыряет камни и осыпает штурмующих стрелами. Бертран рассчитал, что из каждых десяти, кто пойдет на штурм, лишь двое смогут достичь ворот цитадели. То же мог просчитать и каждый его воин и отказаться от платы.

Он не мог вести осаду по всем правилам, так как не было возможности контролировать все пути в крепость. Невозможно было узнать, страдает ли неприятель от

голода и столкнется ли он с этой проблемой в течение года или будет смеяться над ним с высоты стен.

Он не мог найти другой путь в крепость. Если туда и ведет какой-нибудь тайный ход, то узнать это можно было, лишь расспросив местных жителей, которые все были сарацинами. За золото они могли бы ему кое-что рассказать, а затем вывести его прямо под стрелы защитников, особенно ночью.

Он не мог знать состояние умов в стане неприятеля — ключевой момент для всякой осады. Можно было лишь предполагать, что шейх Синан и его гашишиины не слишком-то озабочены присутствием христиан в долине.

Так думал Бертран дю Шамбор на третье утро осады, сидя в своем шатре и считая деньги и дни. Его люди были вполне довольны, кормя лошадей, точа клинки, смазывая маслом кольчуги и поедая свой рацион. Они будут делать это, пока не выйдут все продовольствие и динары, а потом уйдут.

И что тогда?

Первый человек умер ночью. Бертран и его хирург поспорили относительно времени его смерти. Врач отмечал черноту крови вокруг раны на шее Торвальда де Харфлера, окостенелость его конечностей, пурпурную темноту ляжек и ягодиц, которую врач объяснял просачиванием крови.

Бертран возражал ему, говоря, что Торвальд не мог умереть около полуночи, на чем настаивал врач, ибо в это время все в лагере спят, все, кроме воинов, стоящих на страже вдоль дороги и у коновязи. Если бы какой-нибудь сарацин проник в лагерь и нанес сразу Торвальду несколько ножевых ран, тот разбудил бы всю долину шумом драки и своими пронзительными криками. Все могло произойти раньше, говорил Бертран, когда люди были заняты игрой и выпивкой. Или позднее, когда они просыпались, лязгая своими доспехами и горшками.

— Нет, — настаивал хирург. — Обратите внимание на расположение этих разрезов. Посмотрите на ткани вокруг раны. Удар вертикально прошел между сухожилия-

ми и кровеносными сосудами шеи. И когда лезвие уперлось в позвоночник, кровь растекалась между позвонками.

— И что же это, по-вашему, означает? — хмуро спросил Бертран.

— Это не норманнский нож с тупыми краями. Им можно бриться. Оно было в руках человека, способного вытащить желчный пузырь у вас из живота, а вы ничего не почувствуете.

— Итак?

— Вы же военный человек, сэр Бертран. Вам понятно искусство боя, когда вы сбрасываете с седла вооруженного и одетого в доспехи воина. Ассасин, убийца, который держал этот нож, знал о костях, мускулах и кровеносных сосудах не меньше хирурга. Он знал, как пронзить кинжалом — очень острым кинжалом — спящего человека, чтобы тот не проснулся.

— Но как же он проник в эту палатку?

— Он крался в тени. Он следил, чтобы не наступить на оружие, которое ваши люди раскидывают между палатками. Человек может двигаться, не поднимая шума.

— Домыслы, — фыркнул Бертран. — Никаких сарацин здесь не было. Этот убийца из лагеря. Может быть, он мстил сэру Торвальду из-за каких-то прошлых дел.

— Вы лучше знаете ваших людей.

— Конечно. И мы лучше проведем осаду, если вы не будете рассказывать сказки о крадущихся ассасинах.

— Конечно, — хирург склонил голову. — Вы лучше меня осведомлены об этих вещах.

И врач покинул Бертрана дю Шамбора, чтобы приказывать оруженосцам рыть могилу.

Хасан ас-Сабах полз по камням. Те, что шевелились, он вбивал в сухую почву своими голыми ногами. Пальцы ног были длинные и крючковатые. Кожа вокруг кривых и ороговелых ногтей была собрана белыми полукружиями. Сто двадцать девять лет исполнилось этим пальцам. Они видели дорог, в башмаках и без них, больше, чем ноги самого старого верблюда на Дороге Пряностей. Несмотря

на это ноги Хасана были ногами молодого человека, с сильной стопой, хорошо оформленными мускулами и правильно расположенными костями.

Его лицо с пышными усами и глубоко сидящими глазами было бы лицом молодого человека, если бы не многочисленные морщины. Густые черные волосы вились, как у юного пастуха. Мускулы играли, когда он спускался по скалистому склону, перебирался через медленный поток по камням, пробираясь в лагерь христиан.

Это была седьмая ночь осады Аламута. Хотя шейх Синан приказал ему самому следить за пришельцами, Хасан перепоручил эту работу подчиненным гашишии-нам — до сегодняшнего дня, когда он сам решил увидеть этих людей.

И не покидая Орлиного гнезда, он знал, что скоро наступит время утрашения. Запертые в долине из-за своего собственного упрямства и ложного понятия доблести, христианские рыцари победят себя сами. Жара, жажда, соленый пот и подавленное желание действовать любой ценой несомненно сделают свое дело. Оставленные на три недели в этой узкой долине, они могут съесть себя живьем.

Но Хасан, почти столетие тайный глава гашишиинов, хотел подтвердить свою репутацию. Человек может сойти с ума в этих местах, и этому никто не будет удивляться. Но счесть себя побежденным ночным ветром, укусом скорпиона и по приговору духов — это уже легенда.

В какой же шатер заглянуть? Выбрал ли христианский военачальник самый большой для себя и своих слуг, как поступил бы сарацинский? Или он выбрал самую маленькую палатку для собственных нужд и разместил своих людей с относительными удобствами? Это вполне могло быть в духе их странных представлений о братстве и равенстве.

Хасан ас-Сабах выбрал самую маленькую палатку, вытащил свой кинжал и поднял ее край.

Кислый запах мужских тел, непривычных к ежедневному ритуалу омовения и очищения, ударил ему в лицо. Гашишиин отвернулся, стараясь дышать маленьки-

ми глотками и прислушиваясь к тому, что происходило внутри.

Храп, издаваемый в двух ритмах, то совпадал по фазе, то расходился, как два колеса разного размера, едущие по одной дороге. Определенно здесь два человека. Может быть, начальник и его оруженосец?

Хасан поднял край повыше и полез в палатку. Глаза быстро привыкли к темноте. Он различил две фигуры. Один христианин спал, вытянувшись на низкой походной кровати из деревянных перекладин и веревок. Другой прикорнул у него в ногах. Господин и слуга, на норманнский манер?

Гашишиину не хотелось убивать обоих, по крайней мере на этой стадии осады. Необходимость устрашения перевешивала необходимость уменьшения числа врагов. Пробуждение рядом с мертвым с неизбежной мыслью: «Почему он? Почему не я?» — что может быть страшнее?

Но кого же выбрать — для большего страха? Мертвый полководец с запуганным рабом, бормочущим о своей невинности каждому, кто захочет слушать... Это открывает интересные возможности для разрушения христианской армии. Или запуганный начальник, проснувшийся в ужасе от смерти, столь близкой к его ложу... Какой путь лучше, чтобы посеять страх и смущение среди тех, кто стоит лагерем под Орлиным гнездом?

Хасан навис над слугой, спавшим у ног хозяина. Он лежал с откинутой назад и повернутой налево головой, рот его закрывался и открывался при каждом вздохе. Гашишин прислушался к ритму его храпа. Как набегающие на берег волны, седьмой всхрап был всегда самым сильным. Казалось, он колеблет ткань палатки и сотрясает голову человека на его плечах. Хасан суставом пальца отмерил расстояние от мочки и приставил к коже нож с изогнутым лезвием. Кончик ножа мягко двигался в такт дыханию. Хасан неподвижно ждал седьмого всхрапа. Как только звук достиг наибольшей силы и начал стихать, кинжал прорезал кожу шеи и вошел между костями. Храп прекратился, когда спинной мозг был перерезан.

Хасан поднял и опустил ручку ножа — для уверенности — и вытащил лезвие. Еще один храп по-прежнему мирно раздавался в закрытом пространстве. Гашишин опустился на колени и пополз обратно к открытому краю палатки. Руку с ножом он подогнул под себя, не желая запятнать ткань палатки кровью.

Оказавшись снаружи, Хасан возвращался среди теней, через ручей по скользким камням. Его ноги сами находили правильный и бесшумный путь.

Бертран дю Шамбор не видел крови. В палатке было темно, поскольку утро никогда не приходило в эту долину одновременно с рассветом. Для этого всегда требовалось несколько часов.

Он сел, потянулся, откашлялся и сплюнул, ожидая, что его слуга Гийом поспешит с чашей и мыльной пеной, бритвой и полотенцем, едой и вином. Вместо этого ленивый каналья все еще лежал и спал. Бертран толкнул его.

Голова почти отделилась от шеи Гийома. Облако черных мух взмыло в воздух. Бертран вскрикнул, словно женщина. Весь лагерь слышал его.

На тринадцатый вечер осады Аламута Бертран был в полном отчаянии. Из пятидесяти вооруженных рыцарей и сотни йоменов и слуг, которых он привел в долину, осталось шестьдесят душ. Остальные были найдены мертвыми в своих постелях или среди скал. Чем больше людей он ставил вечером наблюдать за холмом, тем больше терял.

Из шестидесяти оставшихся не более десяти были крепки разумом или могли уверенно держать в руках оружие.

Он сам не был в числе этих десяти, и знал это. В слабом свете свечей он делал то, чего не делал с детства. Он молился. Так как рядом не было священника, чтобы направить его, Бертран молился Богу, повторяя вслед за воином, у которого на рукавицах были нашиты красные кресты, — тамплиером, знавшим несколько псалмов и сходявшим за святого человека в этих проклятых местах.

— Господь — свет мой и спасение мое: кого мне бояться? Господь — крепость жизни моей: кого мне страшиться?*

Голос старого тамплиера скрипел, Бертран повторял за ним.

— Если будут наступать на меня злодеи, противники и враги мои, чтобы пожрать плоть мою, то они сами преткнутся и падут.

Если ополчится против меня полк, не убоятся сердце мое; если восстанет на меня война, и тогда буду надеяться.

Бертран закрыл глаза.

— Одного просил я у Господа, того только ищу, чтобы пребывать мне в доме Господнем во все дни жизни моей, созерцать красоту Господню и посещать храм Его.

Ибо Он укрыл бы меня в скинии Своей в день бедствия, скрыл бы меня в потаенном месте селения Своего, вознес бы меня на скалу...

Голос тамплиера внезапно прервался, словно для того, чтобы перевести дыхание, но больше не возобновился.

Глаза Бертрана были плотно закрыты, он молчал, не зная слов. Он слышал, как тамплиер издал звук — неровный, влажный, и как хрустнула и звякнула кольчуга на его теле, будто он укладывался отдохнуть. Бертран все еще не открывал глаз.

— Ты можешь посмотреть на меня.

Голос говорил по-французски с легкой шепелявостью. Бертран медленно приоткрыл глаза, уставясь на лезвие тонкого кинжала, приставленного к его носу. За ножом и рукой, держащей его, виделось темное лицо с густыми усами и горящими глазами.

— Знаешь ли ты, кто я?

— Нет.

— Я Хасан ас-Сабах, основатель Ордена ассасинов, чью землю ты насилуешь своим длинным мечом.

* Здесь и далее цитируется Псалтырь, псалом 26.

Бертран издал сдавленный стон.

— Мне тысяча, две сотни и девяносто ваших лет. Я старше вашего Бога Иисуса, не так ли? И я все еще жив. — Губы ассасина улыбались, произнося это богохульство, — Каждые сорок лет или около того я играю сцену смерти и удаляюсь на время. Затем возвращаюсь и вступаю в Орден как молодой человек. Вероятно, твой Бог Иисус делает то же самое.

— Господь — спасение мое, — пропихнул Бертран.

— Ты не понимаешь того, что я говорю?

— Пощади меня, господин, и я буду служить тебе!

— Пощадить?

— Дай мне жить! Не убивай меня! — Бертран бормотал, вряд ли понимая, что говорит.

— Только Аллах может дать жизнь. И только Ариман может сохранить ее дольше положенного времени. Но ты не можешь знать этого.

— Я буду делать все, что ты захочешь! Пойду, куда ты велишь. Буду служить тебе так, как ты пожелаешь.

— Но мне ничего не нужно, — довольно сказал Хасан. И с улыбкой на губах он вонзил лезвие в левый открытый глаз Бертрана. Хватка его руки усиливалась по мере того, как кинжал входил в мозг и голова христианина, содрогаясь, отклонялась назад. Хасан подхватил тело за шею, вертикально удерживая его. Из тела вытекли нечистоты, портя воздух.

Когда судороги стихли, он положил тело христианина рядом с его другом-тамплиером. Тамплиер, с горечью отметил Хасан, умер достойнее, без потока слов и обещаний. Он просто с ненавистью смотрел на своего убийцу.

На этот раз Хасан наклонился, чтобы вытереть кровь с клинка об одежды мертвого человека. Дело этой ночи было не террором, а простым убийством. В свете свечи он уловил движение. Кромка шатра медленно приближалась к земле.

— Стой, друг, — сказал Хасан. Ткань медленно поднялась.

За ней виднелась пара блестящих глаз.

— Почему ты назвал меня «друг»? — спросил старческий голос. Это был ассасин, которому следовало оставаться в Аламуте и наслаждаться прелестями Тайного Сада. Вместо этого он двинулся через стены на запах резни.

— Разве ты не Али аль-Фаттах, погонщик верблюдов, который некогда шутил вместе с Хасаном?

— Из моего рта не раз выходили глупости, чтобы отвлечь старика и облегчить его боль. Я был просто нахальным мальчишкой, и дым делал меня легкомысленным.

— Это были хорошие шутки, Али.

— Никто из ныне живущих не помнит о них.

— Я все еще помню.

— Нет, господин. Ты не живешь, так как мы погребли тебя в песке на расстоянии полудня пути отсюда. Я сам оборачивал полотно вокруг твоих ног.

— Ног нищего. Ног какого-то отверженного.

— Твоих ног, мой господин Хасан. Я хорошо знал твои ноги, ты достаточно часто пинал меня.

— Только чтобы улучшить твои мозги, Али.

— Ты не пинал меня в голову, господин.

— Я знаю. Твоя задница была мягче, чем голова.

— Сейчас это не так, — старик посмеялся над собой.

— Вспомни меня, Али.

Человек вглядывался в глубь палатки, где за поверженными телами виднелась стройная фигура Хасана и его большая тень на стене.

— Нет, господин. Я не должен запоминать эту ночь. Это не неуважение к тебе, но если я запомню, я расскажу. А если я начну рассказывать, они скажут, что мой мозг размягчился, как масло. И тогда ничего хорошего для меня не будет.

— Ты мудро говоришь.

— Никогда не умирай, Хасан. И никогда не рассказывай мне, как ты живешь. — Рука отпустила ткань, и старик исчез. Хасан слышал, как его туфли шаркали по песку.

Прямо перед рассветом следующего дня эскадрон сарацинской кавалерии под командованием молодого капитана, некоего Ахмеда ибн Али, ехал по дороге на Тирзу. Они двигались с востока. Когда первые лучи солнца осветили их спины, Ахмед увидел загадочную картину.

Свет падал на глубокую расселину в горе, к северу от дороги и справа от Ахмеда. Как только яркие солнечные лучи осветили ее, воздух наполнился стонами сумасшедших. То были христиане, одетые в белые плащи с красным крестом, на лошадях и пешие. Некоторые были вооружены, многие с обнаженными головами, и двое совсем голые, обмотанные белыми плащами вокруг бедер.

По слову Ахмеда, его воины вытащили мечи и поскакали, чтобы пересечь дорогу сумасшедшим и окружить их. Христиане не сопротивлялись. Те, что бежали, упали на колени, а конные спешились. Ахмед построил их в два ряда при помощи жестов и похлопывания широкой стороной меча и отправил пленных по дороге на Балатах, где находился временный лагерь Саладина.

— Господин!

Саладин не сводил глаз с молодого жеребца.

Тренер, юноша лет шестнадцати, который в лучшие времена мог быть главным конюшим Саладина, едва касался хлыстом ног лошади. Саладин заметил, что тренер выдерживает время между своими касаниями и жеребец понимает это как намек. Причинял ли тренер боль лошади, чтобы сделать ее такой умной? Или ей самой нравится это?

Вот самый важный вопрос, который может быть задан всякому, кто дрессирует животное. Но Саладин не хотел задавать его. Юноша знал, как ответить, и его ответ мог быть ложью. Поэтому Саладин сам искал отгадку.

— Господин!

Саладин оторвался от созерцания жеребца и его тренера, подняв глаза на вестника.

— Да?

— Ахмед ибн Али привел пленных из Тирзы.

— Пленных? В какой же битве он их взял?

— Битвы не было, господин. Они сдались по дороге.

— Очень странно. Они были пешие? Вероятно, потеряли свое оружие?

— Они бежали, спасая свои жизни.

— От Ахмеда?

— Из-под Аламута — так они сказали.

— Аламута? Даже норманны не столь глупы, чтобы пытаться захватить эту крепость. Это какая-нибудь команда?

Саладин видел, что юный воин обдумывает вопрос, чему Саладин старался научить своих подчиненных.

— Нет, господин. Ахмед сказал, что это были наемные рыцари и полукровки. Они бежали, как свора испуганных собак. Всадники во главе, пешие тащились сзади и зывали о помощи.

— Гашишиины гнались за ними?

— Никто их не видел.

Саладин вздохнул:

— Приведи их ко мне через два часа.

В назначенный час норманны и их слуги сидели и лежали на плотно утрамбованной площадке между палатками. Страдая от солнца, они откинули свои капюшоны из железных колец и шерстяные головные покрывала. Саладин запретил давать им воду до тех пор, пока не решит, что может от них потребовать.

Стоя перед палаткой, сарацинский военачальник смотрел на два десятка человек, расподожившихся перед ним.

— Есть ли среди вас тамплиеры? — спросил он на чистом французском. Пленные, шуря глаза от яркого света, уставились на него. Судя по снаряжению и бородам, человек восемь из них точно были воинами по норманнским стандартам. Шестеро из них собрались с одной стороны и не сидели на своих задницах, не топтались беспорядочно по грязи, а настороженно сидели на корточках. Это были воины, которые взвешивали свои шансы во внезапной

рукопашной схватке. Тамплиеры, или Саладин не знает европейцев.

— Те из вас, кто рассчитывает на выкуп, станьте здесь. Я приму плату в обмен на доблестно сражавшихся воинов...

Шестеро тамплиеров немедленно встали, уверенные в том, что Орден сможет их выкупить.

— Тамплиеры могут заплатить выкуп, господин, — сказал самый крупный из них, определенно старший. Другие норманны, не столь уверенные в своих возможностях, поднялись помедленнее.

— Остальные будут проданы в не слишком обременительное рабство, из которого могут со временем освободиться. Кроме, конечно, тамплиеров. Я поклялся отомстить этим фанатикам, которые столь яростно сражались против меня. Эти, — он показал на шестерых, стоящих отдельно, — будут преданы смерти.

Он видел их сжатые кулаки и напряженные колени, готовые к прыжку.

«Сделайте это, — мысленно пожелал он. — Мои телохранители нуждаются в небольшой практике».

Но в конце концов никто из шестерых не двинулся.

— Не повезло, Анри, — громко сказал один.

— И как же здесь казнят? — так же громко ответил другой. — Вешают? Или отрубают голову?

— Они засунут тебя в мешок со своей матерью и собакой. Вопрос в том, кого трахнут первым.

Саладин, единственный из присутствующих, кто мог оценить эту шутку, сдержал свое негодование и холодно посмотрел на тамплиеров.

— Теперешний способ — привязать к копытам диких жеребцов. Но для вас мы используем медлительных ослов.

Какой бы реакции ни ожидал Саладин, он был разочарован. Тамплиеры зашлись от смеха, и ни в одном из них не было признаков безумия.

ФАЙЛ 02

“ВАЛЬС НА ФОРТЕПИАННЫХ СТРУНАХ

*Честь запятнать или память одержать,
Не помолиться иль не погулять,
С душою вместе потерять надежды —
Или колье случайно потерять.*

Александр Поп

Тишина за дверью остановила Тома Гардена. Это была не тишина пустого, но обитаемого жилища — шум мотора холодильника, бульканье водопровода, тиканье часов. Это было напряженное молчание тела, находящегося в боевой готовности. Он чувствовал это через толстую дверь.

Гарден остановился с ключом в двери, готовый открыть замок. Вместо этого он жестом показал Сэнди на холл и обдумал свои возможности: может, уйти отсюда и пообщаться с ней где-нибудь еще, обманув ее, что это не та дверь, не то здание. Ответа не было. Замерзшая Сэнди стояла под коридорным плафоном и с удивлением смотрела на него.

Квартира была оставлена ему приятельницей, которая на три месяца уехала в Грецию. Плата была очень

низкой, поскольку Гарден согласился поливать ее цветы, кормить шестью видами пищи по трем расписаниям ее рыб и периодически очищать почтовый ящик. Здание было удобным, в нескольких минутах ходьбы от Харбор-Руст, где Гарден нашел работу — игра вечером в подходящее время перед обедающей публикой вместо выпивох. И никто из его клуба не окажется ближе чем за сотню километров от этого места.

Но почему за закрытой дверью чувствуется чье-то присутствие? Это не могла быть Рони, вернувшаяся с Эгейского моря. Она уж будет там до тех пор, пока у ее приятеля не выйдут деньги. И Рони передвигалась бы не таясь или валялась бы в постели после изрядной дозы спиртного.

Назад. Слова эти он отчетливо слышал в голове, как будто Сэнди шепнула их ему в ухо. Из-за упрямства он решил сделать наоборот. Гарден вытащил звуковой нож из кармана пиджака и сдвинул предохранитель. Затем повернул ключ в замке и резко толкнул дверь. Она распахнулась, и Том прыжком заскочил внутрь. Он принял позу сейунчин в открытой прихожей и провел вокруг своим молчаливым ножом. Никого. Он видел лишь коридор, который был пуст на тех трех метрах, что вели из прихожей к закрытой двери спальни. Дверь в ванную также была закрыта. Гарден пытался и не мог вспомнить, закрывал ли он ее утром.

Сейчас это может убить его. Второй коридор был с поворотом на полпути. Туда выходили двери в кухню и прачечную, там же располагались ниши с батареями отопления. Если недруг не ждал за поворотом, тогда он/она/оно спряталось в кухне. Оттуда можно было через столовую попасть в шестиугольную гостиную с аквариумами, которая была центром этой квартиры и выходила в прихожую.

Через арку Гарден попытался взглянуть в комнату. Подсветка аквариумов освещала одну стену и отражалась на противоположной. Прямо напротив прихожей находилось окно, сейчас скрытое за портьерами. Книжные переплеты на полках, тянущихся вдоль остальных

трех стен, поглощали свет, лишь блестели золото и серебро заголовков.

Любой мог спрятаться за низким диваном. На Гардена накатила жаркая волна. Он прошел в арку.

— Сзади! — вскрикнула Сэнди.

Гарден повернулся вполоборота, чтобы встретить нападение из коридора — на левую руку и бедро. Мужчина ударил его в грудь, перевернув Тома через его собственный центр тяжести. Гарден тяжело упал на правое плечо, перекатился и встал на четвереньки.

Нападающий — один из тех коротких, плотных личностей, что опекали его последние три недели, — неуклюже пытался встать там, куда по инерции сам упал после удара.

Том нажал кнопку звукового ножа и направил его в спину мужчины. Приподнявшись на одной руке, нападавший откатился в сторону, прочь от невидимого луча. Вспыхнул и задымился синтетический ковер. Гарден повернулся вслед за мужчиной, переводя нож на уровень талии. Луч прошелся по аквариуму, и вода закипела на его пути. Рыбы метнулись к дальним углам и замерли там.

Мужчина уже поднялся, держа наготове свой собственный нож. Это была тонкая треугольная полоска стали. Когда Том вновь попытался пустить в ход свое оружие, мужчина увернулся. Гарден попал в аквариум позади него, одна стенка которого треснула, не выдержав перепада температуры, и сотня галлонов соленой воды вместе с водорослями хлынула в комнату.

Мужчина покатился, как мяч, чтобы избежать воды и осколков стекла. Том повернулся к нему, но нападавший сбоку ударил ногой по его вытянутой руке. Звуковой нож вылетел из онемевших пальцев. Луч поджигал все на своем пути — диванные подушки, переплеты книг, ковры. Ткань на рукаве Тома расплавилась и прикипела к коже.

Он вскрикнул от боли — в тот же миг человек оказался перед ним. Лезвие ножа прошло в двух сантиметрах от его горла, затем последовал удар коленом в пах.

Этот достиг цели. Том скорчился от боли, поскользнулся на мокром ковре и упал. Сверкая глазами, нападавший поднял нож для завершающего удара.

Чирр-свип!

Глаза, блескующие в свете аквариумов и горящих книг, закатились. Нож выпал из пальцев. Руки нападавшего потянулись к горлу, белую кожу которого вспорота тонкая линия, и окрасились кровью. Он с усилием приподнялся на цыпочках. Струя крови, брызнувшая из горла, запачкала лицо. В тот же момент темное пятно расплылось на его брюках. Тело качнулось вправо — влево. Сначала ноги вели этот вальс, будто пытаясь найти точку опоры. Затем остановились. Тело завалилось — на колено, потом руку, бедро, грудь. Наконец он уткнулся лицом в пол. За нападавшим стоял другой человек. Его руки все еще держали пару деревянных брусков. В брусках были проделаны отверстия, через которые продета жесткая проволока, спирально обернутая другой, более тонкой. Фортепианная струна. Том узнал ее.

Гарден устоял на орудие казни, затем на человека, державшего его.

— Я — Итнайн, — его спаситель застенчиво улыбнулся. — Сосед. По коридору.

Гарден вытянул ноги, стараясь уменьшить боль в паху.

— Я услышал шум борьбы и пришел посмотреть.

— Да-да. Где девушка? Сэнди!

— Здесь, Том. Я не знала, что... — она осторожно вошла в комнату, обходя лужи и обгорелые пятна на полу.

— Ты в порядке?

— Да. Я здесь ничего не могла сделать, правда? Так что осталась снаружи.

— Ты предупредила меня.

— Слишком поздно. Я не видела его, пока он не оказался напротив тебя.

Гарден повернулся к своему спасителю:

— Я обязан вам жизнью.

— Не стоит. Это моя профессия.

— Профессия? — Гарден приподнялся на локтях. — Я не понимаю.

— Я был солдатом палестинской армии. Коммандос.

— И так случилось, что у вас наготове был этот кусок фортепианной струны?

— Старая привычка. Улицы не всегда безопасны, даже в таком прекрасном городе.

— Да, я полагаю, вы правы.

— Если вы позволите, я должен идти по делам.

— А как насчет закона... Здесь же убит человек!

— Человек, который пытался убить вас: это ваша проблема.

Не сказав больше ни слова, палестинец поклонился и направился к выходу. Гарден жил в этом доме меньше недели, но был уверен, что никогда прежде не видел мистера Итнайна. Пока он собирался окликнуть его, тот ушел.

В то время как Гарден старался привести в порядок свои ноги и свой ум, Сэнди обошла вокруг комнаты с кучей мокрых водорослей из разбитого аквариума и загазила дымящиеся пятна на книгах и занавесях. Она нашла звуковой нож и принесла его Гардену. Он вышел из строя, его заряд кончился.

— Что же нам делать с этим? — спросила она, слегка касаясь мертвого тела носком туфли.

Чинк.

Гарден сосредоточился на теле и металлическом звуке, раздавшемся, когда она его задела. Он перекатился вперед и, стараясь не касаться кровавой линии вокруг шеи, расстегнул длинный плащ. Блеснул воротник из тонких стальных колечек.

— Да на нем кольчуга!

— Это могло помешать твоему ножу? — спросила Сэнди.

— Наверное, она рассеивает энергию и уж точно предохраняет от обычного ножа.

— Есть ли у него какие-нибудь документы?

Гарден дернул за плащ, чтобы повернуть тело, и осмотрел его — ни бумажника, ни документов.

— Ничего, кроме кастета.

Том потянулся и застонал от боли в позвоночнике и в основании черепа.

— Все еще болит? Позволь-ка мне принести тебе что-нибудь. — Сэнди повернулась и вышла, обходя лужи.

Гарден откинулся на диванные подушки. Через минуту она вернулась со стаканом воды и двумя таблетками. Сэнди дала ему лекарство, и он проглотил его, даже не посмотрев.

Когда она протянула ему стакан, Том чуть не выпустил его из рук, будто электрический разряд прошел по его руке и вонзился в нерв — через правое плечо, левый пах и дальше вниз, до ступни через все тело. Ощущение прошло так же быстро, как и возникло, но воспоминания о нем долго будут будить его среди ночи. Недоумевая, он приписал это последствиям удара в промежность.

Он выпил воды.

— Лучше? — спросила Сэнди.

— Да... Да, действительно. Я чувствую себя лучше. Что ты мне дала?

— Аминопирин. У меня есть рецепт.

— Не знаю, на что он еще годен, но по яйцам бьет как лошадиное копыто.

— Беденький, — она мягко коснулась его лба и потянулась, чтобы забрать стакан.

Что-то в нем привлекло внимание Гардена. Он удержал ее руку и поднес стакан к глазам.

— Где ты взяла его?

— На кухне.

— В этой квартире?

Чем дольше Гарден смотрел на стакан, тем больше проникался уверенностью, что никогда прежде его не видел.

— Да.

— Из шкафа?

— Да... А в чем дело?

— Раздвинь занавески, пожалуйста.

Он вытянулся на софе и рассматривал стакан в лучах утреннего солнца. Это был самый обычный стакан с прямыми стенками. Он был сделан из чистого стекла без каких-либо пузырьков или вкраплений — за исклю-

чением толстого стеклянного дна. В нем он увидел какое-то пятно, коричнево-черное с красным. Форма пятна ничего ему не говорила. Однако цвет был очень знаком — агат, оникс, гелиотроп, что-то в этом духе. Это было странно — такой дефект не прошел бы мимо контролера качества, если не был сделан специально.

Однако стакан был в его руках.

— Все в порядке?

— Да, конечно. Я просто задумался, что это за штука на дне моего стакана.

— Я что, дала тебе грязный стакан?

— Нет, я не это имел в виду...

— Мужчины! Вы живете, как свиньи в хлеву, а потом обвиняете женщин, если что-нибудь в доме не сверкает чистотой.

— Да я не о том, Сэнди...

— А чья это квартира? — Сэнди уселась на подушки и игриво пнула его ногой. — Слишком опрятная, чтобы быть мужской, и слишком маленькая, чтобы делить ее с кем-то.

— Рони Джоунс. Это одна моя знакомая.

— От которой мне лучше держаться подальше.

— Не беспокойся. Когда она вернется и обнаружит, что мистер Мертвец здесь наделал, она будет готова кормить меня своим пираньям. Предполагалось, что я буду ухаживать за ее проклятыми рыбами.

— Пираньи? — Сэнди взвизгнула и подпрыгнула. — Где?

— Последний аквариум справа. Слава Богу, он не разбился.

Она подбежала и уставилась на него. Три заостренные серебряные рыбы покачивались в ожидании.

— Чудесно! — вздохнула Сэнди. — Какие челюсти! Какие зубы! Рони уже больше нравится мне. Она женщина моего типа.

— Ага. Пираньи придают величие невинному увлечению держать домашних животных — если не считать того, что нужно надевать стальной жилет, когда чистишь этот аквариум, и резиновые перчатки, если на руках есть порез или ты держал сырое мясо. В следующий раз ты

можешь почистить его, если тебе так хочется. Кстати, о чистке, — продолжал он, глядя на начавшего остывать убийцу. — Не думаешь ли ты, что мы должны скормить его рыбам? Это позволило бы избежать многих неприятностей.

— Они плотоядные животные, но не волшебники. Эти рыбы могут сожрать труп, если они на свободе и их много. Каждая из них съедает всего лишь несколько унций мяса.

— А что же нам делать с этим?

— С рыбами?

— С телом.

— Я думаю, лучше всего оставить его на месте.

— Но, — смешался он. — Как? Где?

— Пусть эта Рони обнаружит его, когда вернется.

Где она сейчас?

— Путешествует по Греции.

— Не имеет значения.

— А ты и я — куда нам деваться?

— Я знаю место. Собирай свои вещи. Я подожду.

— А как насчет моей работы?

— Позвони и откажись. Мы найдем тебе другую, дорогой.

Том Гарден долго смотрел на труп, лежащий в луже воды из аквариума, посреди водорослей, одетый в длинный плащ и кольчужную рубашку, с головой, наполовину отрезанной фортепианной струной. Он представил себе объяснения в полицейском участке: присутствие этого тела в квартире, где он официально не живет и почти никому не известен, так как днем обычно спит. Спасен он был таинственным соседом по имени Итнайн, что по-арабски означает «два», то есть это вообще не имя. Ранее он его никогда не видел. Имя его занесут в компьютерную базу криминальной полиции. Предложение Сэнди начало обретать смысл.

— Я сейчас соберусь.

Элиза. Доброе утро. Это Элиза 536, сотрудник Объединенной психиатрической службы в зоне Босуш Метрополитен. Пожалуйста, считайте меня своим другом.

Гарден. Канал 536? Что случилось с тем голосом, с которым я разговаривал раньше?

Элиза. Кто это?

Гарден. Том Гарден. Я разговаривал с Элизой — одной из Элиз, вчера утром.

(Переключение. Ссылки: Гарден, Том. Переадресовка 212.)

Элиза. Привет, Том. Это я — Элиза 212.

Гарден. Ты должна мне помочь. Один из этих незнакомцев пытался убить меня. На этот раз ножом. Он бы прикончил меня, не появившись другой, какой-то араб, который убил его. Так что Сэнди и я живы, а это тело остывает в моей прежней квартире.

Элиза. Ты хочешь, чтобы я уведомила полицию или другие власти? Они могут помочь тебе справиться с этими нападениями и опознать тело.

Гарден. Нет! Я не видел от них ничего, кроме болтовни. На этот раз они, пожалуй, задержат меня за убийство.

Элиза. Но если ты все расскажешь, тебе нечего опасаться.

Гарден. Слабовато для психолога. Что касается закона и его исполнителей, тебе следует подучиться.

Элиза. Отмечено, Том... Кто эта Сэнди?

Гарден. Мы живем вместе. Вернее, жили когда-то.

Элиза. Где вы теперь?

Гарден. Направляемся на юг.

Элиза. На юг? На юг откуда? Откуда из Босуоша ты звонишь?

Гарден. Разве ты не можешь определить?

Элиза. Тысяча километров для оптической связи не длиннее, чем тысяча метров. Пока ты не наберешь вручную код, у меня нет способа узнать, где ты находишься.

Гарден. Мы в Атлантик-Сити, на побережье.

Элиза. Пока в пределах моей юрисдикции. Но куда вы направляетесь?

Гарден. Я не могу сказать этого по телефону.

Элиза. Том! Это защищенная линия. Мои записи охраняются законом 2008 года и теперь пользуются

такой же неприкосновенностью, как и врачебная тайна. Даже более строгой, поскольку я не могу разгласить содержимое файлов из-за особенностей программы. То, что ты мне скажешь, никто другой не узнает — это часть нашего контракта.

Гарген. Хорошо. Мы собираемся на один из внешних островов в Северной Каролине. Гаттерас, Окраоук — один из них.

Элиза. Это... строго говоря, вне моей юрисдикции. Я не могу тебя отговорить? Конечно, ты сможешь звонить оттуда, но для меня будет незаконным принять вызов и выполнять мои функции в рамках Универсального медицинского соглашения.

Гарген. А что, если я просто был в деловой поездке и почувствовал необходимость поговорить с тобой?

Элиза. В этом случае можно вызвать местную Элизу. В Каролине это функция Среднеатлантической медицинской системы. Если ты вызовешь меня, я смогу разговаривать с тобой только в пределах кредитного соглашения, автоматически подтверждающегося, когда ты идентифицируешь себя, прикладывая большой палец к опознавательной пластинке. Но ты не должен сам платить за мои услуги. Это очень дорого.

Гарген. Предположим, я должен буду сообщить тебе номер моей кабинки.

Элиза. Зачем?

Гарген. Только затем, чтобы подтвердить, что я действительно звоню из зоны Босуош. Разве несколько переключений кое-где на линии не сообщат тебе, что я вру?

Элиза. Конечно, нет, пока я не сравню шум твоей линии с особенностями клавиатуры кабины. А я, вероятно, не буду делать этого.

Гарген. Ну, Элиза, ты только что сказала мне, как обойти твою собственную систему. Интересно... Почему ты так настаиваешь на том, чтобы поддерживать со мной связь?

Элиза. При первом разговоре ты сказал: «Люди, пытающиеся войти внутрь моей жизни, чтобы... вытолк-

нуть меня». Я запрограммирована на странности и хотела бы узнать побольше об этих людях.

Гарден. Я вижу сны.

Элиза. Все видят сны, и большинство людей могут вспомнить их. Это неприятные сны?

Гарден. Нет, не всегда. Но они так реальны. После пробуждения они иногда приходят ко мне, когда я играю.

Элиза. Это сны о других людях?

Гарден. Да.

Элиза. А ты в них присутствуешь?

Гарден. Да, я присутствую в них или, по крайней мере, ощущаю их, но я не думаю, что мое имя в этих снах — Том Гарден.

Элиза. И кто же ты?

Гарден. Первый сон начался во Франции.

Элиза. Это было, когда ты ездил туда?

Гарден. Нет. Сны начались намного позже, после путешествия. Но первый из них был о Франции.

Элиза. Действие происходило в тех местах Франции, где ты путешествовал?

Гарден. Нет, ни в одном из них я не был.

Элиза. Расскажи мне свой сон с самого начала.

Гарден. Я — ученый, в пыльной черной мантии и академическом колпаке из голубого бархата. Этот колпак — мое последнее расточительство...

Пьер дю Борд почесал под коленом и почувствовал, что перо попало в дыру, проеденную молью в его шерстяном чулке. Шелк более соответствовал бы моде, и к тому же прочнее. И, разумеется, дороже, чем мог себе позволить молодой парижский студент, совсем недавно получивший степень доктора философии.

Тем более в это бурное время. Народ разбужен; Национальный Конвент заседает почти непрерывно; короля Людовика судили и приговорили к смерти. В такой атмосфере многие люди со вкусом, умом и деньгами уехали. А те, что остались, не имеют возможности оторваться от повседневной суеты, чтобы вручить образование

своих сыновей и дочерей в руки Пьера дю Борда, академика.

Нищего академика. Пьер обмакнул перо, чтобы написать новую строку, но остановился, перечитывая написанное. Нет, нет, все не так. Его письмо гражданину Робеспьеру было неуклюжим, сумбурным и детским. Он страстно желал получить пост в правительстве, но боялся попросить об этом прямо. Потому, не имея ни опыта, ни таланта администратора, Пьер ограничивался прославлением свободы и одобрением решения Национального Конвента о казни Людовика. Хотя согласно идеалам Робеспьера и других монтаньяров, в новой Франции не будет места рабству, имущественному неравенству и смертной казни — во всяком случае, так писалось в их памфлетах, которые были разбросаны по всем канавам. И не подобало Пьеру дю Борду восхвалять цареубийство перед такими гуманными, идеалистическими законодателями.

Он потянулся, чтобы придвинуть свечу поближе. Подсвечник Клодин выменяла у белокурой гугенотки, что жила этажом ниже. Когда он качнул его, один из украшавших подсвечник кристаллов впился в палец.

— Ааа! — Боль затопила его, проходя по нервам в запястье, локоть и выше, вверх по руке, хотя задел был лишь палец. Пьер уставился на порез и увидел, как набухает капля крови.

— Клодин! — Он раздвинул края раны, чтобы посмотреть, насколько она глубока, и капля крови упала на письмо, окончательно испортив его. Пьер засунул палец в рот. — Клодин! Принеси кусок материи! — крикнул он.

Острая боль в руке перешла в тупую, и он почувствовал онемение. Ясно, кристалл перерезал нерв.

Он вглядывался в подвески, ожидая обнаружить отбитый край или торчащий угол. Стекло было чистым, но не отполированным, а остро обрезанным. Вероятно, какая-то уловка для того, чтобы усилить игру стекла на свету.

Но что это было? Капля крови засохла на стекле — похоже, засохла прежде, чем он порезался. Дю Борд

взял кристалл, стараясь не пораниться снова, и потер его большим пальцем. Пятно не поддавалось. Он потер его указательным. Безуспешно.

Он нагнулся ближе. Красно-коричневое пятно было внутри стекла.

— Клодин!

— Я здесь, что вы так кричите? — Довольно хорошенькая головка дочери драпировщика просунулась в дверь.

— Я порезался. Принеси мне ткань, чтобы перевязать рану.

— У вас есть шейный платок. Он намного лучше тех тряпок, что я называю своим бельем. Перевяжите себя сами! Ох уж эти мужчины!

— Женщина! — пробурчал дю Борд, размотав платок и наложив его на сведенные края раны. Прежде чем завязать, он остановился, поднял ткань и опустил больной палец в стакан с вином по самый сустав, почувствовав жгучую боль, что, вероятно, было к лучшему. Затем оторвал полоску ткани и перевязал свою рану.

— Друзья! Мои верные друзья! — дю Борд упрашивал толпу.

— Пошел прочь, профессор!

— Нам не нужна твоя математика!

— Ты нам не друг!

Пьер попытался снова:

— Сегодня солнце увидело поднимающуюся страну. Сейчас Год номер Один, первый год Новой Эры Свободного Человека. Мы видим, — он остановился, чтобы перевернуть страницу написанной речи.

— Мы видим дурака!

— Иди к своим дамам и господам!

— На виселицу аристократов!

— На виселицу аристократов!

Таков был обычный клич этих дней, подхватываемый толпой на улицах. Пьер дю Борд внезапно подумал о большом парфюмерном магазине за рекой, на Монмартре,

не более чем в двухстах метрах от этого самого места. Магазин был закрыт и заколочен, пудра и ленты сейчас не находили покупателей. Но во время своих длинных полуночных прогулок по городу дю Борд видел, что задние комнаты были освещены. Кто-то прятался там. Кто, кроме ненавидимых аристократов, 'неспособных найти более безопасное место или покинуть страну?

— Я знаю, где спрячутся аристократы, — сказал он.

— Где?

— Скажи нам! Скажи нам!

— Следуйте за мной! — Дю Борд спрыгнул со скамьи, которую он использовал как подиум, и проложил себе путь сквозь толпу. Ближайший мост через реку был правее, и, когда он повернул к нему, толпа последовала за ним, как цыплята за курицей. Несколько солдат в новых республиканских кокардах незамеченными присоединились к народу.

Еще больше людей он собрал, поднявшись на каменный мост. И к тому времени когда Пьер пришел в нужное место, вокруг него было более сотни шумных парижан. Он остановился перед темным зданием магазина и указал рукой на высокое окно, в котором можно было разглядеть слабые отблески света.

Камень из мостовой пролетел над головой Пьера и ударился в доски, которыми крест-накрест была заколочена дверь.

Свет мигнул и погас. А улица внезапно осветилась факелами, которые зажгла толпа.

Полетели камни, разбивая стекла нижних окон и обивая штукатурку.

— Выходите! Выходите! Аристократы!

Дю Борду казалось, что любая толпа носит с собой все эти свои орудия: факелы, толстые дубинки, гнилые овощи, толстые бревна для тарана. Без единого слова с его стороны она начала осаду, действуя как регулярная армия: разбивая двери, окна, даже оконные рамы; запугивая обитателей шумом и криками.

После десяти бешеных минут трое престарелых людей были вытащены из дома. Судя по их одежде и

бородам, они могли быть кем угодно — аристократами, нищими или же семьей владельца магазина. Но в свете факелов они выглядели очень подозрительно, так что их несколько раз ударили дубинками и передали солдатам.

Шестеро гвардейцев подхватили их и быстро увели. Капитан повернулся к Пьеру и положил тяжелую руку на его плечо.

— А теперь вы, господин. Кто вы такой, и что вы знаете об этих людях?

— Я Пьер д... — Частица «дю», придававшая ему дух аристократизма, застряла в горле. — Я гражданин Борд. По профессии ученый. По вере — революционер.

— Пройдите с нами, гражданин Борд. У нас есть инструкции относительно таких, как вы.

Они привели Пьера Борда в какое-то помещение в Консьержери. Темные, обитые деревом стены и тяжелые парчовые драпировки были освещены множеством ламп с вывернутыми до предела фитилями. Какая чрезмерная трата масла в такое тяжелое для нации время!

В круге света находился маленький человек, аккуратный и чопорный, одетый в шелковый сюртук и темные обтягивающие штаны. Он поднял голову от бумаг, которые держал в руках, и по-совиному посмотрел на Борда и его эскорт.

— Да?

— Этот человек выследил семейство де Шене. Мы привели его сюда прямо из толпы, которую он возглавлял.

— Настоящий зачинщик, да? — аккуратный маленький человек посмотрел на Пьера более внимательно. Его глаза сузились и, казалось, отражали свет ламп. — Может ли он убеждать?

— Могу, ваша честь, — ответил Пьер.

— Не честь, парень. Мы теперь отошли от этого.

— Да, сударь.

— У вас академическое образование, не так ли? Вы юрист?

— К сожалению, нет, сударь. Классические языки, латынь и греческий, по преимуществу греческий.

— Не имеет значения. Мы поднялись над условностями старых темных времен Людовиков. Итак, вы желаете его?

— Желая чего, сударь?

— Места в Конvente. У нас есть вакансии среди монтаньяров и три из них — мои, как плата за талант руководителя.

— Я желаю его более, чем чего-либо другого!

— Тогда приходите сюда завтра к семи. Мы начинаем работать рано.

— Да, сударь. Спасибо, сударь.

— «Сударь» тоже не наше слово, мой друг. Достаточно простого «гражданин».

— Да, гражданин. Я запомню.

— Я уверен в этом; — человек улыбнулся, показав мелкие ровные зубы, и снова углубился в свои бумаги.

Капитан слегка стукнул Пьера по плечу и кивком указал на дверь. Гражданин Борд кивнул и последовал за ним.

В коридоре Пьер набрался храбрости и спросил:

— Кто это был?

— Как, это гражданин Робеспьер, один из вождей нашей революции. Неужели вы не знаете его?

— Я знал имя, но не человека.

— Теперь вы его узнали. А он узнал вас.

Пьер вспомнил эти оценивающие глаза и понял, что это правда.

— Я не могу поддержать это, Борд. Ты просишь слишком много. Он просит слишком много, — Жорж Дантон откинул свои длинные волосы назад и с шумом втянул воздух.

Борд нетерпеливо топнул ногой. Этот медведь со своей популярностью, которая висела на нем так же небрежно, как и его одежда, собирался остановить его начинание.

— Неужели ты не видишь, что всеобщая воинская повинность — это лучший способ справиться с внешними врагами? — запинаясь, проговорил Борд. — Черт побери! Это республика, а не монархия. Что может быть более естественным, чем объединение народа для защиты своей страны?

— По прихоти нашей Маленькой Обезьянки? — парировал Дантон. — Именно ему мы обязаны этой войной с Англией и Нидерландами.

— Война была неизбежна, поскольку у нас есть эта Габсбургова шлюха. Конечно, ее братец Леопольд будет стараться сберечь королеву. И втянет в это немецких принцев, которые сидят на английском троне. Так что министр Робеспьер не мог предложить лучшей альтернативы, чем атака. Неужели это не ясно?

— Ясней ясного. Крошка Макс хотел войны, и он получил ее.

Пьер Борд вздохнул:

— Министр желал бы, чтобы ее не было. У него столько врагов здесь, дома...

— Врагов? Никого, кроме тех, кого он сотворил сам своими руками и длинным языком!

— В последний раз спрашиваю: ты поддержишь всеобщую воинскую повинность?

— В последний раз отвечаю: нет.

Борд кивнул, повернулся и пошел к выходу из комнаты. Лакей в небрежно сидящей ливрее проводил его до дверей.

Борд вышел на темную улицу. Со времени своего основания в начале апреля 1793 года Комитет общественного спасения обнаружил в Париже многое, что нарушало спокойствие. Последние его постановления касались нищих и бездомных, которые сделали своим домом улицы. Прогуливаться по улицам после наступления комендантского часа означало возможную встречу с грабителями, а то и с кем похуже. Гражданин Борд проделал свой путь от дома Дантона без сопровождения, которое полагалось ему, как члену Конвента.

Его охраняли наблюдатели. Борд чувствовал их присутствие с тех пор, как начал входить в силу в Конвенте. Тени двигались вместе с ним в свете факелов; он ощущал это. Мягкие шаги сопровождали стук его каблучков; он слышал это.

Однажды, в Булонском лесу, когда банда моряков остановила его экипаж — вероятно, чтобы съесть лошадей! — наблюдатели обнаружили себя. Приземистые фигуры, как тролли, выскочили откуда-то снизу с обнаженными клинками и грязными ругательствами. Кучер в панике перелетел через головы лошадей.

Схватка вокруг экипажа продолжалась не более минуты. Борд наблюдал за ней в свете фонаря, считая вспышки света на стальных клинках и свистящие тени узловатых дубинок. Когда все было кончено, вокруг экипажа лежали только неподвижные тела, а приземистые тени растворились в кустах. Все, кроме одного, который стоял возле лошадей.

— Вам нужен кучер, — сказал человек. Это было утверждение, а не вопрос. У него был заметный акцент, голос крестьянина, а не горожанина.

— Да. Мне нужен кучер, — согласился Борд.

Мужчина проскользнул в коляску. Когда он двигался против света, полы его плаща разошлись, и Борд смог разглядеть блеск кольчуги. Он услышал легкое позвякивание. Возможно, этим объяснялась их победа над разбойниками.

Мужчина довез его до дома. Когда они приблизились к порогу, он притормозил и выпрыгнул из коляски прежде, чем она остановилась. И растворился в темноте.

Наблюдатели были такими. Потому, после неудачных переговоров с Дантоном по поводу поддержки войны против Англии и Нидерландов, Борд не чувствовал страха, идя по улицам без охраны.

На ходу он размышлял о своем успехе. В течение пяти месяцев непрерывных разговоров и осторожных продвижений Борд оказался в центре революции. Советник по делам нового Республиканского монетного двора, пламенный оратор в Национальном Конвенте, посредник

в министерстве юстиции, агент по продаже имущества осужденных, правая рука министра Робеспьера — Борд успевал везде. В некоторых кварталах его называли «Портной», так как он шивал с помощью своей логики мешок для всех отступников революции.

Однако он чувствовал, что просто обязан выступить против одного дела монтаньяров. И, шагая по темным улицам, охраняемый невидимыми наблюдателями, он продумывал свои доводы.

— Граждане! — Борд поднялся со своего места среди скамей высоко в левой части зала. — Это наиболее необдуманное предложение из всех, которые были изложены перед нами. — Пьер Борд спустился между полустылыми скамьями, чтобы ступить на пол в лучах утреннего солнца. Он знал, что так он выглядит как ангел на иконе и тем самым внушает благоговение зрителям на галерке. — Одно дело пересмотреть календарь по отношению к именам: искоренение мертвых римских богов и замена римских порядковых номеров словами, понятными народу, заимствуя их у названий сельскохозяйственных сезонных работ. Это очень полезное дело, которое я всецело поддерживаю. Но перевод календаря в метрическую систему — это совсем другой вопрос. Кто сможет работать в течение недели из десяти дней, в которой последний день отдыха уничтожен из атеистических соображений? Разве переутомленный крестьянин сможет хорошо работать? Этот новый календарь ужасен и состряпан на скорую руку. И что же дальше? Может быть, вы хотите, чтобы мы молились пять раз в день в течение этих стоминутных часов республиканским доблестям — Работе, Работе и еще раз Работе?

Это было встречено лишь скромным смешком.

— Нет, граждане. Такой календарь посеет разброд в народе, дезорганизует работы и разрушит экономику Франции. Я надеюсь, что вы, каждый и все вместе, отвергнете его.

Хлоп, хлоп... хлоп. Новый календарь при голосовании прошел почти единогласно, кроме шести голосов. Робеспьер подошел к Борду.

— Хорошо сказано, гражданин Борд, — улыбка, хлопок по плечу казались вполне искренними. Борд постарался улыбнуться.

— Доводы благоразумия побудили меня выступить против твоего предложения, гражданин.

— Ничего, ничего. Ты же знаешь, что каждая хорошая идея нуждается в испытании. А как же иначе люди оценят ее величие? И твой маленький мятеж был только на пользу.

— Да.

— Ну, теперь можно и поужинать.

— Могу ли я присоединиться?

— А! — тонкие брови сморщились, решая. — Боюсь, другие потребуют моего внимания, Пьер. Это будет неудобно.

— Я понимаю.

— Надеюсь, что да.

В полночь раздался стук в дверь. Суд настал на рассвете, двумя месяцами позднее. Это были два долгих месяца, которые Пьер Борд, теперь снова «дю Борд», провел в сочащейся сыростью клетке ниже уровня реки. Пространство было в метр шириной и высотой — нововведение Конвента для отступников — и два метра в длину. Он лежал в нем как в гробу, руками отгоняя крыс, которые пытались съесть его скудный рацион из черствого хлеба. Он лежал в собственных нечистотах, пытаясь хоть как-то очиститься руками. А что касается воды, здесь выбор был жестокий — потратить чашку на утоление жажды или на гигиену.

На шестьдесят шестой день деревянная дверь на несколько секунд отворилась — чтобы выпустить его. Когда Пьера доставили в суд, небритого и немывтого, со ртом, покрытым язвами от плохой пищи, он не смог ничего сказать в свое оправдание.

Обвинения были абсурдными: ученый Пьер дю Борд при старом режиме обучал детей того самого маркиза де Шене, которого он выдал властям. Обучать аристократов во время их правления значило то же, что и прославлять преимущества, добродетели и справедливость аристократии — нечто в этом духе.

Тем же утром его повезли на красной телеге на площадь Революции. Позади стоял священник и гнусаво бормотал молитвы, дабы не лишать осужденного последнего утешения.

Пьер держал голову опущенной, чтобы хоть как-то избежать града гнилых фруктов и овощей, которыми его забрасывали. Когда он изредка поднимал ее, чтобы посмотреть вокруг, гнилое яблоко или тухлая рыба попадали ему в рот или глаза. Но он все же пытался смотреть вокруг, выискивая наблюдателей.

Наблюдатели, которые так много месяцев оберегали его, должны спасти его снова. Пьер был уверен в этом.

Бросив быстрый взгляд по сторонам, он решил, что видит темную приземистую фигуру среди толпы. Человек не кричал и ничего не бросал, просто наблюдал за ним из-под полей широкой шляпы.

Даже наблюдатели ничего не могли сделать в этой толпе. Рядом с эшафотом, стоящим в центре квадрата, солдаты с нарукавными повязками и розетками Комитета общественного спасения сняли его с телеги, оставив руки связанными. Они подняли его на эшафот, потому что ноги его неожиданно стали до странности слабыми, привязали на уровне груди, живота и колен к длинной доске, доходившей ему до ключиц. Но Пьер вряд ли заметил это. Он не мог оторвать взгляд от высокой, в форме греческой буквы «пи», рамы с треугольным лезвием, подвешенным сверху.

— Это не больно, сын мой, — прошептал священник, — и это были первые слова, произнесенные им не по-латыни с тех пор, как началась их поездка. — Лезвие пройдет по шее, словно холодный ветерок.

Пьер повернулся и уставился на него:

— Откуда вы знаете?

Солдаты наклонили доску горизонтально и понесли ее к гильотине.

Пьер дю Борд мог рассмотреть лишь стертые волокна деревянного ложа этой адской машины, за которым виднелась тростниковая корзина. Тростник был золотисто-желтым. Пьер уставился на него, пытаясь отыскать красно-коричневые пятна — такие же, как и дефект в том кристалле, которым он порезал палец.

Когда это было?

Месяцев семь назад?

Но эта корзина была новой и незапятнанной — честь для него, любезность его друга, Максимильена Робеспьера.

Священник ошибся. Боль была острой и бесконечной, как и боль от пореза кристаллом. А затем он начал падать, лицом вперед, в корзину. Ее тростник ринулся ему навстречу, стукнув в нос.

Золотой свет вспыхнул перед глазами и померк, став таким же черным, как его длинные гладкие волосы, упавшие на лицо и закрывшие глаза.

— Где же твой приятель?

— Он должен позвонить своему агенту или что-то в этом духе. Он сказал, что может задержаться.

— Отлично. Нам нужно многое обсудить.

— Да уж, действительно. Лягушки теперь пытаются убить его, чего раньше не случалось.

— Как так? — темные глаза мужчины блеснули. Затем веки его слегка прикрылись, сомкнулись гладкие шелковистые ресницы, не оставив никакой щели или линии. Каждая ресница была изогнута, как шип из черного железа. — Объясни, пожалуйста.

— Один из них поджидал у него на квартире, когда Том вернулся. Он пытался убить его ножом — одним из тех ножей. Я была вынуждена призвать на помощь моего телохранителя, Итнайна.

— И?..

— Мы оставили тело в квартире, смылись в неразберихе.

— Не тело Итнайна?

— Нет, другого. Вероятно, это был профессиональный убийца, но не столь искусный, как Итнайн.

— Гарден хорошо разглядел Итнайна?

— Да нет, не особенно. — Александра выскользнула из-под пледа и положила его на кровать. Затем села сама. — Том в этот момент отходил после удара коленом в пах.

— Отлично, значит, я еще смогу использовать его с Гарденом.

— Использовать Итнайна? Для защиты Гардена? — она начала по одному стаскивать ботинки. Хасан наклонился, чтобы помочь ей с пряжками.

— Нет. Я хочу использовать его, чтобы обострить чувствительность Гардена. Я начал снабжать нашего молодца... э-э-э, «опытом». Доступ к его прошлому через сны оказался недейственным или слишком медленным. А лишение его твоих прелестей, — Хасан снял ее ботинок и повел руку вверх по ее ноге, — похоже, только оставляет ему больше времени для игры на фортепиано. Видимо, нужно изменить направление.

Он встал и мягко толкнул ее в грудь. Она податливо упала на постель.

— Если Гарден должен будет бороться за свою жизнь, — сказал Хасан, — даже совсем немного, это поможет, так сказать, «координировать» его внимание, что, в свою очередь, будет служить его пробуждению. Это именно та сцена, на которую вы с Итнайном наткнулись.

Хасан опустился на пол у ее ног. Александра с трудом стаскивала с себя платье, поднимая подол выше колен. Он стал помогать ей.

— Жаль, что ты не сказал мне все раньше, — она вздохнула. — Я не думала, что твой человек был одним из этих французов. Иначе я велела бы Итнайну быть с ним

поосторожнее. Мы теперь потеряли одного из наших агентов.

— Не волнуйся. У меня их достаточно.

Она закинула руки за спину. Локоть задел покрывало; оно зашуршало.

— Подожди! — воскликнула Александра, изгибая спину и откидываясь на подушки.

Руки Хасана покорно замерли между ее ног.

— Мы же не знали точно, где Гарден остановился, разве не так?

— Нет, — прошептал он.

— Так как же этот ассасин мог быть твоим?

Он поднял голову поверх складок ее платья и посмотрел в ее глаза.

— Этого... не могло быть.

— Так что это все же было нападение наблюдателей.

— Интересный поворот. — Хасан надул щеки. Его усы оцетинились, как гусеницы в опасности. Он опустил лицо между ее коленей и начал щекотать ее усами.

— А я, похоже, ускорила события, — прошептала она.

— Гмм-мм?

— Когда Гарден приходил в себя после удара, я дала ему возможность соприкоснуться с кристаллом.

Голова Хасана поднялась так быстро, что его подбородок стукнул ее по бедру, попав в нервную точку между мускулами. По животу прошла волна боли.

— Я не приказывал тебе делать это! — прошипел он.

— Конечно, нет, Хасан. Но ведь у меня должна быть некоторая свобода в принятии решений.

— Как Гарден прореагировал на это?

— Очень сильно. Я видела, как дрожь прошла по нему, гораздо более сильная, чем когда-либо ранее.

— Слишком много стрессов, — сказал он, мысленно взвешивая информацию. — Сам по себе кристалл может разбудить Гардена быстрее, чем мы ожидаем.

Она сделала попытку сесть, но он толкнул ее и погрузил лицо в шелк белья. Его руки искали кнопки,

которые держали вместе две половинки бюстгальтера. Она пришла ему на помощь.

— Слишком проснувшись, — размышлял Хасан, — этот человек может быть страшнее, чем слишком сонным.

— Разбуди его и всех наблюдателей вокруг него, — она притянула к себе голову Хасана. — Ведь это игра.

— За исключением того, что сейчас наблюдатели играют, как будто и они — гашишинны.

— Ассасины, — повторила Сэнди, вздыхая. — Или, может быть, они перевели игру на совершенно новый уровень защиты.

— Профилактическое убийство? Могли убить его, чтобы сбить нас со следа еще на тридцать или сорок лет?

— У тебя есть время.

— Однажды, когда события развивались своим ходом в этой части мира, у меня действительно было время. Теперь; — он опустил ее на нее, — я хочу результатов.

— Как и все мы.

Она отталкивала его руками, извиваясь и стаскивая его одежду. Несколько минут они ничего не говорили. Потом некоторое время уже больше нечего было говорить.

Наконец он поднял голову.

— Ты уверена в его реакции на кристалл?

— Самая сильная. Я уверена в этом.

— Наблюдатели, должно быть, тоже. Потому и старались убрать его.

— Они могут прийти и использовать его, прежде чем это сделаешь ты. В конце концов они обязательно попытаются это сделать.

— Не с той охраной, которую я создал.

Расслабленное тело Хасана скатилось с нее. Александра положила голову ему на грудь.

— Сможем ли мы поднять его достаточно высоко, чтобы он выдал тайну, которую ты хочешь получить, но не так высоко, чтобы он присоединился к нам?

— Мы должны играть с ним, Сэнди. Как рыбой на леске, — палец Хасана водил по ее мягкому соску. —

Вытащить его на поверхность, но не дать ему выпрыгнуть на свободу, — палец двинулся вверх. — Позволить ему уйти на глубину, но так, чтобы он не накопил сил для побега, — палец двинулся вниз. — Играй им, тяни время. Но осторожно, — ее сосок отвердел от его прикосновения.

— Хорошо, — она оттолкнула его руку. — Мы играем с ним. А когда ты выведаешь секрет Камня? Что тогда?

— Мы используем его, как обещал Аллах.

СУРА 3

ЗА ЗАКРЫТЫМИ ДВЕРЯМИ

*Кувшины на полу стоят и жгут,
Огни — когда же в них вино нальют,
Другие — полные — с тоскою ожидают,
Когда же наконец вино их разольют.*

Омар Хайям

Тамплиеры почти никогда не шли в торжественных процессиях, разве что на коронации — да и то если поддерживали короля. Когда на трон Иерусалима возводили Ги де Лузиньяна, тамплиеры участвовали в шествии.

Блестящая кольчуга чужеродно смотрелась на Томасе Амнете, поскольку для него привычной одеждой были лен и шелк советника, который проводит время в покоях и решает вопросы финансов и организации работ. Сталь давила на плечи, а швы кольчуги, лишь слегка смягченные жилетом из грубой белой овечьей шерсти, впивались в ребра.

Плащ, тоже из овечьей шерсти, был бы очень хорош для холодной ночи в пустыне, но здесь, во дворе иерусалимского дворца, под палящим солнцем, это было чересчур жаркое одеяние. Пот двумя ручейками струился

из-под конического стального шлема по шее, соединяясь вместе, словно соленые потоки Тигра и Евфрата, чтобы низвергнуться в ложбину спины.

Так было, когда он молча стоял со своими братьями-рыцарями. Когда же они двинулись вперед, новые потоки влаги заструились из-под его подмышек и потекли по бокам. Кожаные сапоги, подбитые гвоздями, походили на булыжники и растягивали сухожилия намного сильнее, чем мягкие туфли, к которым он привык. Эхо слаженного топота двухсот пар других сапог отражалось от высоких каменных стен и пробивало себе путь наружу между рядами базара.

Амнет представил, какое действие это оказывало: перешептывания за темными ладонями, вращающиеся глаза, повернутые головы верблюдов и их погонщиков. Звуки марширующих шагов, доносящиеся из христианской цитадели, могли посеять волнение среди жителей Иерусалима. Не выступил ли Орден для военных действий против населения? Никто из местных жителей не был уверен в противном.

Пустая видимость пышной церемонии, во время которой священник в митре держал корону над головой короля — сарацинские дервиши никогда не смогут постичь этого. Тамплиеры маршировали по мощенной булыжником мостовой и по ступеням лестницы, ведущей в просторную трапезную дворца. По правилам, церемония коронации должна проходить в кафедральном соборе, но ни одна церковь в городе не была столь удобна для обороны, как эта. На самом деле водружение золотого обруча на голову Ги было совершено во дворцовой часовне, в присутствии ближайших советников.

Один из них ожидал сейчас в передней прибытия тамплиеров. Рейнальд де Шатильон, принц Антиохии, представлял собой заметную фигуру в своих красных и золотых шелках и бархате, с легким мечом, висящим на перевязи из золотых пластин. Как только колонна потных крестоносцев приблизилась к порогу, он поклонился с насмешливой улыбкой, будто играл в распорядителя церемонии. Пятясь перед ними, провел их в главный зал.

Его поклон стал более глубоким, когда он приблизился к столам.

Томас Амнет и братья-тамплиеры заполнили трапезную.

— Это отвратительно! — проревел чей-то голос в тишине, внезапно наступившей после марша. Все здесь знали этот голос — Роджер, Великий магистр Ордена госпитальеров, главный соперник тамплиеров в политике и военных действиях в этой стране.

— Будьте добры, господин! Ваше поведение непозволительно! — это был шепчущий, умиротворяющий голос Эберта, настоящего распорядителя во дворце, всегда служившего тому, кто был на троне.

Амнет вытянул шею. С того места, где он находился, вблизи передних рядов Ордена, во главе стола, видна была только плотная фигура магистра госпитальеров, залитая солнечным светом. За ним, во дворе, виднелись головы многих рыцарей — госпитальеров. Рядом с ним, съезжившись от страха, стоял Эберт, худой человек в парчовом кафтани. Шум тамплиеров в зале поглотил дальнейшие протесты Эберта, но не Роджера.

— Король! Этот кусок окровавленной тухлятины недостойн сидеть на моей лошади — пусть сам себя коронует!

— Господин госпитальер! Ваше мнение совершенно...

Последний ответ Эберта был прерван выкриками и шумом тамплиеров, собравшихся в трапезной.

Амнет сделал два шага назад, выбираясь из первых рядов, и за их спинами поспешил к двери. Он услышал шаги за спиной и, полуобернувшись, увидел Жерара де Ридерфорта, спешащего в том же направлении.

Первым дойдя до передней, Амнет уперся руками в створки дверей и толкнул их. Когда они раскрылись, Жерар прошел между ними, и они захлопнулись у него за спиной.

Амнет уже повернулся, чтобы разобраться с распорядителем и разгневанным госпитальером.

— Что здесь за шум? — он адресовал вопрос Эберту, а не магистру.

Роджер повернулся к нему, как бык, которого кусает шавка:

— Не суйся не в свое дело, тамплиер.

— Если у вас есть возражения против кандидатуры Ги, вы должны были изложить их на собрании, где его выбирали, — возразил Амнет.

— Я говорил то же, что и многие другие, но...

— Ваши возражения были отвергнуты, насколько я помню. Повторять ваши доводы теперь, когда корона венчает голову Ги, — лишь напрасная трата времени.

Во время этого разговора Амнет чувствовал за собой каменное присутствие Жерара. Он мог проследить это по движению глаз Роджера.

— Что скажешь ты, Жерар? — спросил госпитальер.

— Сэр Томас говорит правду. Ги — король с сегодняшнего дня.

— Дьявол!

— Вы богохульствуете, сэр?

— Здесь не церковь! Коронация не может считаться законной!

— Корона на голове Ги отмечена святым маслом с отметкой собственного пальца епископа, — сказал Амнет. — Дело сделано.

Толстые руки Роджера сжимали ключ от его монастыря, висящий на цепи на шее. В ярости он повернул его и дернул. Тяжелые золотые звенья цепи не поддавались. Тогда он сорвал цепь через голову.

— Дьявол забори всех тамплиеров! — прогремел магистр и бросил ключ в ближайшее узкое стрельчатое окно. Цепь, пролетая через амбразуру, звякнула о ее край. Отдаленный звон раздался, когда ключ с цепью упали на камни внизу.

Во дворе среди одинаковых конических шлемов ожидающих госпитальеров выделялись другие головы. Они были обнажены, но под ними виднелись плечи, облаченные в одежды более богатые, чем белые плащи госпитальеров с плоскими красными крестами. Очевидно, христианские бароны тоже прослышали о коронации.

Амнет повернулся к Жерару:

— Нам лучше уйти, господин.

Магистр тамплиеров кивнул и шагнул к двери в трапезную. Он взялся за железное кольцо и налег всем телом, чтобы открыть ее. Массивная дверь поддалась, и оба тамплиера проскользнули внутрь. За ними быстро последовал Эберт. Амнет перехватил дверь, когда она начала открываться слишком широко, и снова закрыл ее.

Схватившись за внутреннее кольцо, он удерживал дверь.

Бум!

— Откройте!

Бум! Бам!

— Откройте во имя Христа!

Жерар позвал других тамплиеров, которые помогли Амнету удержать дверь и в конце концов заложили ее бревном. Бароны стучали снаружи в знак протеста. Раздался звук марширующих ног, и Роджер увел своих госпитальеров из дворца.

— Ну а теперь, хвала святому Бальдру, мы можем принести свои поздравления королю Ги, — пробурчал Жерар де Ридерфорт Томасу, когда они большими шагами шли по залу. Им пришлось идти за спинами рыцарей, освободивших место для церемонии.

— Бальдр не был святым, господин, — прошептал Амнет.

Жерар остановился, озадаченный.

— Неужели?

— Бальдр был одним из старых северных богов, любимый сын Одина и Фригг. Его брат Хед убил его с помощью советов Локи — пронзил веткой омелы его сердце. И это было началом проклятия Локи — по крайней мере так говорит легенда.

— О да. Для меня Бальдр был святым, — мрачно сказал Жерар, продолжая идти.

Когда они добрались до своих мест во главе собрания, Амнет сделал знак Эберту, который, в свою очередь, просигналил трубачу на галерее менестрелей.

Трубач проиграл приветствие, и процессия с королем во главе прошла в зал через кухонный проход.

Пурпур хорошо смотрелся на Ги де Лузиньяне. Плащ из слегка присобранного шелка скрывал ширину его плеч и толщину живота, который выпирал выше и ниже украшенного золотом пояса. Тяжесть короны собирала в складки кожу на лбу и придавала ему чудаковатый вид. Ги выпятил вперед челюсть и шел осторожно, стараясь удержать на голове золотой обруч.

Грегори, епископ Иерусалимский, шел за ним неверной походкой. Чтобы не упасть, старик одной рукой держался за складки его плаща. Ходили слухи, что Грегори почти совсем слепой, хотя он всегда держал свои подернутые пленкой глаза широко раскрытыми, будто видел все вокруг в первый раз после легкой дремоты. Даже если он был слепым, он еще мог прямо смотреть на человека, с которым разговаривал.

Рейнальд де Шатильон ожидал у возвышения, низко склонившись перед сувереном, вытянув одну руку вперед, другой придерживая складки плаща. Тамплиеры, последовав его примеру, также склонились.

Долгое томительное мгновение все головы, за исключением Ги и Грегори, были опущены долу. После трепетной паузы все вернулись в прежнее положение.

Единственной персоной, уклонившейся от этой демонстрации власти, была Сибилла, старшая дочь короля Амальрика и нынешняя жена Ги. Фактически она была королевой Иерусалима и держала власть в своих собственных руках.

Совет баронов, в котором были обильно представлены ордена тамплиеров и госпитальеров, пришел к выводу, что военная обстановка в настоящий момент и в обозримом будущем слишком неустойчива, чтобы позволить женщине иметь реальную власть. Поэтому было решено, что тот, кого Сибилла выберет в мужа после смерти своего прежнего супруга, Вильяма де Монферрата, будет коронован, вместо того чтобы быть просто мужем королевы.

Рейнальд де Шатильон добивался благосклонности Сибиллы. То, что она все-таки выбрала этого Ги де Лузиньяна, было результатом длительной борьбы.

Только Бог да Томас Амнет знали, сколько стальных мечей и ларцов с золотом из сокровищниц тамплиеров повлияло на решение королевы — и на последующее решение совета.

В бессвязной речи епископ Грегори представил короля Ги Богу, христианам Иерусалима, королям Англии и Франции, Святому императору Римскому и императору Византии. Когда речь окончилась, принц Рейнальд выступил вперед и сжал руки Ги, скрепляя согласие между ними.

Один за другим тамплиеры выходили вперед и предлагали свою доблесть и свои мечи на службу Христу и королю Ги.

Когда они вернулись на свои места, Жерар повернулся к Амнету и спросил тихо, одним уголком рта:

— Что твой Камень предсказывает теперь?

— Камень темен для меня в эти дни, господин.

— Ты говоришь загадками!

— Он не показывает мне ни одного лица, которое я когда-либо видел во плоти. Появляется лишь какое-то дьявольское лицо с темной кожей и пронзительными глазами, которые смотрят сквозь туман и бросают мне вызов. Больше нет никаких знаков.

— Итак, ты теперь общаешься с дьяволом?

— Камень служит своим собственным целям. Я не всегда понимаю их.

Жерар хмыкнул:

— Лучше договорись с Камнем, прежде чем мы попытаемся советовать королю Ги.

Томас собирался возразить Жерару, что тот ничего не понимает в этих вещах. Но вовремя вспомнил, что Жерар — магистр и Камень, как и Амнет, в его подчинении.

— Да, господин.

Иерусалимский дворец имел выходы во внешний двор, прорытые под ограждающими его стенами. Они

позволяли пройти во дворец, минуя главные ворота, хотя те были открыты всегда, кроме периодов осады.

Рыгая и шатаясь после полудюжины кружек хмельного пива, сэра Бовуар нашел путь, ведущий из трапезной. Его вел зов природы, а его оруженосец — утонченный мальчик знатной французской крови — напомнил ему, что мочиться на камни в коридоре запрещено, особенно, не дай Бог, если за этим вас застанет проныра-сенешаль, Эберт.

Бовуар вышел из освещенного сальными свечами коридора во двор. Как только его ноги коснулись неутрамбованной почвы, он поднял подол своей легкой кольчуги и начал возиться с тесемками штанов. Так велико было его нетерпение, что любой камень в лунном свете казался ему подходящим.

И только он начал мочиться с длинным вздохом облегчения, как от стены отделилась тень и двинулась к нему. Так как руки его были заняты, Бовуар только повернул голову, чтобы посмотреть, кто там идет.

— Могу ли я показать тебе реликвию, о христианский господин? — Голос был певуч, убаюкивал и насмеялся.

— Что это, приятель?

— Кусочек от полы плаща Иосифа. Он был найден в Египте после многих сотен лет, а краски еще сохранились. — Руки держали что-то неясное в лунном свете.

— Подними это повыше, чтобы я мог рассмотреть.

Руки поднялись вверх, над головой Бовуара, прежде чем он смог что-либо сообразить. Камень, завязанный в узел, ударил его в горло и сломал гортань — рыцарь даже не вскрикнул. Последнее, что он видел, прежде чем тени исчезли навсегда, были горящие глаза продавца редкостей.

Вина из долины Иордана были смолистыми, отдавали пустыней и колючками. Томас Амнет подержал вино на языке, пытаясь обнаружить сладость и терпкость, кото-

рую он помнил у вин Франции. Это вино имело вкус лекарства. Он быстро проглотил его.

Остальные тамплиеры были не столь разборчивы. Праздник коронации достиг той стадии веселья, когда добрые христианские рыцари лежат и опорожняют кувшины с вином и пивом в свои глотки. В этом случае вкус вина вряд ли имеет значение.

Амнет посмотрел через стол на сарацинских принцев, которые вынуждены были присоединиться к празднеству — только как гости в этом дворце. Они не пили ничего, кроме чистой воды, которую их слуга наливал им из седельной фляги. Томас, в отличие от многих тамплиеров, знал, что спиртное запрещено их религией.

Сигирет из Небулы был одним из тех, кто никогда не отягощал себя знаниями об обычаях людей, которых собирался убивать. Сейчас, вынужденный сидеть за пиршественным столом рядом с ними, он воспринял воздержание принцев как вероломство.

— Вы не пьете? — взревел Сигирет, приподнимая голову над столом.

Ближайший сарацин, не понимающий норманнского, нервно улыбнулся и прикрыл свой рот тонким платком, которым время от времени вытирал губы.

— Не смей смеяться надо мной, собака!

Два других тамплиера, глядя на объект его ярости, тоже подняли головы.

— Они не пьют, потому что с вином что-то неладно. Посмотрите! Они даже воду принесли с собой!

Амнет, видевший дворцовый водоем после того, как стража поила там лошадей, предпочитал вино. Но остальные за столом обратили внимание на сарацин.

— Может быть, они отравили нас?

— Яд! Именно так!

— Сарацины отравили вино!

— Собаки отравили наши колодцы!

Наблюдая за принцами, Амнет видел, что эти крики проникают даже сквозь их вежливые улыбки.

— Эй! Остановитесь! — воскликнул он, поднимаясь со своего места. — Их пророк строго-настрого запретил

им прикасаться к вину, так же как наш Господь запретил прелюбодеяние. Они пьют воду, более привычную для их вкуса. Вот и все.

Пьяные рыцари примолкли и посмотрели на него с недоверием. Некоторые из них, он знал, хотели бы иметь хоть какое-нибудь оправдание, чтобы прирезать сарацинских принцев прямо там, где они сидят. А некоторые охотно включили бы и Томаса Амнета в число зарезанных.

— Ты знаешь их обычаи, Томас, — в конце концов сказал сэр Брор. Тебе можно верить.

Амнет поклонился ему с холодной улыбкой и опустился на свое место. Остальные тамплиеры потянулись за кубками и кружками.

Один из сарацинских принцев поймал его взгляд.

— Спасибо, сеньор, — отчетливо сказал он.

Амнет кивнул, в свою очередь глядя на него.

— Я слышал об их пророке, — холодный чистый голос послышался с конца стола. Все вокруг Томаса замерло, как молодая мышь в тени сокола. — Судя по тому, что я слышал, их Мухаммед был погонщиком верблюдов и бродягой, и никем более.

Голос принадлежал Рейнальду де Шатильону. Рыцари за столом беспокойно задвигались. Сидящий рядом Жерар де Ридерфорт положил руку на плечо Рейнальда, но тот стряхнул ее.

— Конечно, у него были видения. И он писал плохие стишки. А почему бы нет? Он пьянствовал почти все время.

Сарацинские принцы прищурились, и Амнет был уверен, что они поняли это издевательство. Однако положение гостей обязывало их хранить молчание.

— Он был никем — конечно, до тех пор, пока не женился на богатой распутнице и не смог предаваться своим капризам и — как ты там сказал, Томас? — прелюбодеянию.

Сарацины впились глазами в Амнета, будто внезапно заподозрили его в том, что он расставил для них ловушку.

— Мой господин, — продолжал Рейнальд, обращаясь теперь к королю Ги, — если бы ты захотел смыть

позорное пятно присутствия трупа этого погонщика верблюдов в Святой Земле, я мог бы возглавить поход в Аравию, вырыть его кости и разбросать их по песку, чтобы они проветрились.

Амнет не отрываясь смотрел на принцев. Их глаза сузились до щелочек, белые зубы поблескивали между усами и бородами.

— Кто из рыцарей Ордена тамплиеров присоединится ко мне? — воскликнул Рейнальд.

В ответ на этот вызов раздались нестройные вопли норманнских и французских голосов.

Сарацинские принцы готовы были взорваться, чего и добивался Рейнальд де Шатильон.

— Тьфу на всех христиан! — вскричал один, и оба вскочили из-за стола, опрокинув кубки с красным вином и блюда с едой. Куски пищи полетели на одежду и головы рыцарей.

— Так-то французские господа принимают своих гостей? — спросил второй, адресуя свой вопрос прямо Амнету.

Томас мог только покачать головой и опустил глаза. Сарацины подобрали свои длинные плащи и шагнули из-за стола. Пока они шли к двери в дальнем углу зала, два тамплиера попытались остановить их. Быстрее, чем французы успели среагировать, два кинжала из дамасской стали очутились возле их глоток. Сарацины и тамплиеры повернулись вокруг лезвий, в результате чего принцы оказались ближе к двери. Больше никто не пытался их остановить.

У самой двери один из них задержался.

— Мы знаем этого Рейнальда! — воскликнул он. — Это самозванный принц Антиохии. Пророк отомстит ему.

Выходя, он так хлопнул дверью, что треск прокатился по всему залу. После его ухода воцарилась абсолютная тишина. Внезапно Рейнальд де Шатильон начал смеяться — высоким, чистым, залиvistым смехом. Ги, который хмуро наблюдал насмешки над сарацинскими принцами и их уход, расслабился и тоже начал смеяться. Его смех был

более низким и богатым оттенками. Теперь смеялись и тамплиеры.

Только Амнет не участвовал в этом. Ему внезапно открылось видение: темное лицо, черные крылья усов, горящие глаза, отыскивающие Томаса Амнета среди прочих.

— Я предоставил тебе, Томас, много поблажек из-за твоих особых способностей, — грохотал на следующее утро Жерар де Ридерфорт из глубины своего кресла. — Не заставляй меня применять власть.

— Я не хотел проявить неуважение. Но вы не можете не учитывать тот вред, который Рейнальд нанес нашему положению в этой стране.

— А как ты оцениваешь это?

— Рейнальд намеренно грубо оскорбил гостей короля Ги. Правила гостеприимства свято соблюдаются этим народом. Пригласить сарацинских принцев во дворец и так глубоко оскорбить их религию — это мог сделать только сумасшедший.

— Томас, у меня раскалывается голова и неприятное ощущение в желудке. Ты побуждаешь меня непонятно к чему. Я ничего не могу для тебя сделать, Ги даже слова не скажет Рейнальду.

— Потому что он боится этого человека.

— По многим причинам. Принц Антиохии грубый и необузданный человек. Ни ты, ни я не осмелимся оскорбить его. Король Ги не захочет... Ну и что ты хочешь от меня?

— Готовьтесь. Готовьте Орден.

— Камень сказал тебе это?

— Нет, не прямо.

— Готовиться к чему?

— К войне.

ФАЙЛ 03

СТАДИЯ КУКОЛКИ

Помни о ней.

Она — забывает.

Прах, наполняющий ее уста,

Исходит из нее.

Помни обо мне.

Я — позабыл тебя:

Я ухожу в самую темную тьму —

Навсегда.

Я позабыл, что когда-то

Рожден был на свет.

Дилан Томас

Регистрационная система отеля «Холлидей Халл» рекламировала комнату в Атлантик-Сити как «люкс» и запросила приличную плату вперед, чтобы они могли оценить услугу. Это означало, что санузел — вместо унитаза рядом с кроватью — размещался в отдельном помещении, совмещенном с ванной. В ванну можно было забраться вдвоем, хотя и согнувшись. В комнате не было окон, но голографическое устройство предлагало широкий выбор видов, включая Тадж-Махал, Маттерхорн и безмянные атлантические пляжи, числом 1960. По крайней мере, они не пахли.

Гарден осмотрел электронику: ограниченный доступ, черно-белое изображение, динамик, сломанный предыдущим постояльцем и висящий на одном-единственном оптическом волокне.

На постели была только одна простыня и половина одеяла. Сделанная по трафарету надпись в изголовье гласила, что посетители, предпочитающие пользоваться своими спальными принадлежностями, должны подвергать их химической чистке за дополнительную плату. Комната сдавалась и на полдня, но они с Сэнди заплатили за сорок восемь часов.

— Привет, милый.

Гарден повернулся на звук.

— Привет. Где ты была?

— Нужно было сходить по делу, посмотреть, кое-что проверить. Ты знаешь...

Он действительно знал. Он чувствовал запах этого: аромат любви, пот мужчины, запах только что выделившихся гормонов. Гарден не был уверен, что он всегда мог так свободно читать скрытые знаки в душе и теле. Наверное, эта способность была чем-то новым, обнаружившимся лишь после того, как таинственный мужчина пытался убить его. А может быть, состояние Сэнди было очевидным для любого: женщина, которая недавно получила удовлетворение. Он взял это на заметку — над этим стоило подумать.

— На что же похож этот город?

— Светлый. Немного вычурный. Много изменилось с тех пор, как я была здесь в последний раз.

— Когда это было? — Гарден вспомнил, что она однажды рассказывала ему, что приехала с севера, из французской Канады, а предки ее были из Дании или Нормандии.

— Сто лет назад, — ответила Сэнди, — тогда это был сонный городок на побережье, заполненный детьми и песочными замками, и азартные игры здесь были запрещены.

— Ты смеешься.

— Конечно же. Азартные игры всегда были главным, единственным поводом для того, чтобы приехать в Атлантик-Сити.

— Так, — он остановился, подыскивая выражение. — Все было бы хорошо, но мои финансы сейчас не на уровне. Три сотни в день очень быстро сведут их на нет.

— Что ты собираешься делать?

— Разве я не видел бар с пианино по дороге сюда?

— Я не думала, что ты сможешь плавать и играть.

— Плевать на это. Бассейн не настолько глубок.

Гарден раскрыл свою сумку и достал два ролика. Это было приспособление, которое, будучи заправлено в пианолю, расширяло возможности его игры.

— Не подписывай длительный контракт, — напомнила ему Сэнди. — Мы должны двигаться, помнишь?

Гарден остановился, держа руку на замке:

— Почему? Я думал, мы уже достаточно далеко.

— Мы ведь действительно хотим быть вне досягаемости этой банды убийц. Джексон-Хейтс для Атлантик-Сити всего лишь пригород.

— О! — Он ухитрился сделать растерянный вид. — И на Каролине свет клином сошелся?

— Это место назначения. Вот и все.

— Ну, так я полагаю, у нас есть достаточно времени, прежде чем мы туда отправимся, чтобы несколько порастрастить содержимое кошелька.

— Ну хорошо. Устраивайся на работу. Ты чувствуешь себя одиноко без публики, не так ли?

— Разве мы не все такие? — Он улыбнулся и вышел.

В коридоре — квадратной металлической трубе, разлинованной надоедливой штриховкой и скрытыми источниками света, — Гарден перевел дух.

Всегда ли Сэнди была столь понятной? Когда-то она казалась таинственной, насколько он помнил. Холодная и скрытная, она могла жить по-своему и в своем собственном времени. Это означало, что она могла быть и непостоянной. Когда-то казалось, что она обожает внезапные походы по магазинам, пикники, верховые прогулки. «Это

мой день», — могла сказать она и исчезнуть на полдня в поисках приключений. Но до сих пор ее приключения не распространялись на других мужчин. И она не прибегала к неуклюжей лжи, чтобы скрыть это.

Том Гарден покачал головой и повернул налево по коридору, чтобы найти управляющего отелем.

— Ты умеешь плавать? — спросил его Брайан Холдерн.

— Конечно, я умею плавать. Все умеют.

— Нет, с тех пор, как Акт об охране грунтовых вод запретил использование хлора в искусственных бассейнах и они все заросли водорослями за три недели.

— Почему же ваш бассейн не зарос?

— Это морской бассейн. Они упустили из виду, что можно сбрасывать воду в океан, если она химически чистая и не содержит чего-либо, что может осаждаться или всплывать. Небольшая концентрация хлора за бортом позволяет держать бассейн чистым, — Холдерн перекатил окурок сигары на другую сторону рта.

— Итак, сынок, ты умеешь плавать. Запасись мазью — хорошей безвредной мазью, которая не теряет блеска, — или ищи другую работу. Мне не нужны бледные немочи, выглядящие как провяленный виноград и отпугивающие моих посетителей, понял?

— Да, сэр. Мазаться мазью. Каждую ночь. Ну, так я получу эту работу?

— Конечно, иначе зачем же я теряю с тобой время, объясняя все это?

— Спасибо, мистер Холдерн. — Гарден начал пятаваться к двери.

— Начало в семь тридцать. Три полных часа. И если ты утонешь или сморщишься, ты уволен.

— Да, сэр.

— Получше смажь свои принадлежности.

— Что?

— Получше смажь свой член, сынок. В этом бассейне все в чем мать родила. Никаких одежек. Особенно для официанток и музыкантов.

— Я понял.

- Все еще хочешь эту работу?
- Конечно. Семь тридцать.
- Выше нос, сынок.
- Я постараюсь, мистер Холдерн.

Мазь была плотной и тяжелой, как теплый парафин, но в отличие от него холодила кожу. Он смог разогреть ее, сильно растирая ладонями мускулы бедер, голеней, лодыжек. Казалось, она не втирается в кожу, а ложится на нее, как слой растаявшего желатина.

Гарден начал растирать плечи, стараясь достать и спину. Но ему никак не удавалось равномерно распределить мазь. Может быть, нужно попробовать полотенцем или чем-нибудь еще. Одним из полотенец заведения — в этом была бы справедливость.

На короткое мгновение, пока он растирал тяжелую липкую мазь, он представил кольчугу и тяжесть, с которой она должна давить на плечи и грудь. Та же самая холодная тяжесть. Тяжесть и холод смерти.

Он выбросил образ из головы. Практические вещи. Когда он начнет потеть — как он всегда потел, играя хороший джаз, — потечет ли мазь в воду? И, что более важно, позволит ли эта мазь дышать коже? Он читал о детях в средние века, расписанных золотой и серебряной краской и изображавших ангелов. Они умирали от отравления. Пока эта мазь... А куда делись те пианисты, которые были на этой работе до него?

Вероятно, они не смогли держаться наравне с женщинами.

Гарден продолжал наносить и растирать мазь до тех пор, пока не покрылся ею от кончиков пальцев ног до подбородка. Затем он нашел белый хлопчатобумажный халат и завернулся в него, положив ключ от комнаты в карман. Ролик для пианолы он держал в руке.

Возле бассейна было пустынно и темно. Вода, подсвеченная снизу, отливала зеленью и серебром. Рояль плавал с мелкой стороны.

Сбросив халат, Гарден вошел в воду. Она была чуть холоднее тела. Он скоро узнает все насчет пота. Рояль закачался при его приближении, гоня волны.

Инструмент был прямой сзади и изогнутый в передней части. Крышка поднялась легко, и он подпер ее держателем.

На этом все сходство с роялем кончалось. Вместо железной рамы и стальных струн он обнаружил ряды бутылок, осколки стекла, ковш для льда, сосуды из-под напитков и маринованного чеснока. Два пивных бочонка угнездились у стойки. Внутри рояля вместо молоточков он обнаружил большую двенадцативольтовую батарею.

— Не могли бы вы убрать за собой?

Голос раздался с бортика над ним. Гарден повернулся и увидел молодую женщину, совсем обнаженную и намазанную той же мазью, что и он. Она стояла, гордо выпрямившись, и протягивала ему его халат.

— Посетители не должны спотыкаться о ваше тряпье. Его место в шкафу.

— Я... — начал Гарден.

— Не беспокойтесь. На этот вечер я его приберу.

Гарден перевел дыхание и проскользнул к дальнему краю рояля. Лишь один взгляд на нее вызвал серию произвольных реакций, для контроля над которыми требовалось время.

Она подошла к стене из зеркал и толкнула одно из них. Обнаружилось пустое пространство с крючками и вешалками. Ну а куда же она дела свой халат? Тома предупредили насчет пользования посетительскими раздевалками. Или она пришла сюда голой, лишь намазавшись мазью?

Девушка вернулась, двигаясь плавно и не пытаясь что-либо скрыть. Гарден часто замечал, что женщины без высоких каблуков выглядят коренастыми и топают, как скво. Однако эта двигалась грациозно, как балерина.

— Меня зовут Тиффани, я официантка.

— Я догадался. Том Гарден, пианист.

— Конечно! Это ваша музыка? — Она взяла сверток, развернула его и, казалось, начала читать его. Минуту, затем другую она была захвачена этим.

— Хорошая штучка, — сказала она. — Но вы не сможете играть ее здесь.

— Почему?

— Наши посетители не могут танцевать быстрые танцы — слишком велико сопротивление воды. Они предпочитают медленные. Старые романтические вещи.

— Медленные танцы. Обнаженными. В воде. Я понимаю.

— Думаю, что да. У нас среднее число оргазмов в час равно девяти с половиной, иначе посетители потребуют назад свои денежки. Вы приняли антибиотики, не так ли? — заботливо спросила она.

Тиффани соскользнула в воду и пошла-поплыла к нему. Гарден только теперь заметил, что грим ее нарочит, как у актера: расширяющиеся брови нарисованы на лбу, голубые тени и черные линии глаз подведены до висков, щеки нарумянены, рот увеличен помадой и контурным карандашом. Это скрывало ее сущность надежнее, чем резиновая маска.

Ее волосы были рыжими, прямыми и гладкими. В искусственном свете они блестели, как парик из полиэстера, — это и был парик.

Том Гарден перевел взгляд на рояль.

— Зачем эта батарея?

— Какая батарея? Где?

Он показал на батарею за осколками стекла.

— О, это, должно быть, питание для рояля.

— Это не рояль.

— Ну, для клавиатуры.

Он рассмотрел действующую часть инструмента. Это была шестидесятишестиклавишная «Ямаха клавоника», прикрепленная к плавучему ящику. Весь механизм был подвешен на петлях. Ограничительные перекладки с петлями на запястьях должны были удерживать его на месте, если он переступит в воде. Клавиатура и переключатели были покрыты пластиком, чтобы не пропустить

влагу к электрическим цепям. Микрофон крепился к нижней части крышки, а вторая группа гидродинамиков была расположена там, где обычно находятся педали. Когда Гарден возьмет басовый аккорд, присутствующие ощутят его животом, как землетрясение.

— Хорошо. Питание для рояля. Что же произойдет, если этот ящик промокнет и коротнет, когда мы будем в воде?

— Послушай, для парня, который собирается плавать в бассейне с обнаженными женщинами, ты пессимист.

— Сюда что, не заходят мужчины?

— Как же, «заходят» именно то слово. Но тебе не нужно о них беспокоиться. По крайней мере, о большинстве из них.

Тиффани подтянула к себе поднос, который плавал поблизости, и поставила на него блюдо с высокими краями, заполнив его орехами. Легким толчком она отправила его в центр бассейна.

— А как насчет цен?

— Две выпивки включаются в сто долларовую входную плату. Если больше, я записываю в своем блокноте. — Она показала ему, как привязывает блокнот к запястью. — Это приплюсовывается к счету в отеле. Но сюда никто не ходит за выпивкой. Выпивка только помогает расслабиться.

Она повернулась и поплыла к другому краю бассейна.

— Не мог бы ты помочь мне управиться со льдом?

— Только льда здесь не хватало, — сказал Гарден и последовал за ней.

Мороженица находилась за другой зеркальной панелью. Тиффани вытащила пару изогнутых щипцов, выбирая подходящие. Пока Том держал крышку ящика со льдом, она пристраивала щипцы, чтобы захватить двадцатикилограммовый блок. Все это время она вынуждена была выгибать спину, чтобы не коснуться животом или грудью замороженной металлической окантовки, иначе она могла приклеиться к металлу. Когда ей удалось захватить блок, Тиффани крепко сжала одну ручку и кивком указала ему на другую. Они вместе удерживали крышку

свободными руками, пока вытаскивали блок. Затем оттащили его к бассейну.

— Мы будем буксировать его?

— Нет, если только ты не знаешь людей, которые любят хлор в своей выпивке. Подержи его, пока я подтащу рояль.

Он вынужден был взять обе ручки и широко расставить ноги. В теплой влажной атмосфере холодные испарения ото льда поднимались прямо к промежности. Он почувствовал озноб. Тиффани подтащила рояль к бортику бассейна, наслаждаясь очевидным дискомфортом Тома.

— Опускай его прямо в центр. Прямо в корзину, или его вес перевернет этот ящик и нам придется платить за всю выпивку.

Гарден набрал воздуха, поднял блок, перенес его через бортик, обо что-то слегка стукнув, и медленно опустил — не бросил — в приготовленную корзину. Рояль опустился под его тяжестью на шесть сантиметров.

— Очень хорошо для новичка. В следующий раз держи его подальше от моих волос.

— Да, мэм.

— Хороший мальчик. Уже появляются наши первые посетители. Так что тебе лучше пойти на свое место и начать играть.

Как было условлено, Сэнди вошла в казино на берегу ровно в восемь и подошла к третьему столу слева. Хасана там не было. Некоторое время она наблюдала, как американец в белой кожаной куртке шесть раз ставил по тридцать тысяч долларов, каждый раз удваивая выигрыш, а затем все потерял. С последним поворотом колеса остаток денег исчез.

У Александры не было сомнения в том, что колесо было жульническим. Но чтобы жульничество было столь очевидным, такого она еще не видела.

— Ваши деньги здесь в опасности! — промурлыкал знакомый голос ей в плечо, почти теряясь на фоне окружающего шума.

— Конечно, нет, господин. Но меня удивляет, почему вы назначили это место.

— Меня несет ветер Бога.

— Вашей организации нужны деньги?

— У нас нет в этом нужды, так как есть богатые американские арабы, которые думают, что их пожертвования помогут освободить Святую Землю от неверных. Мне нужно оправдание для имеющихся денег.

— Палестинский плейбой в Атлантик-Сити?

Он улыбнулся краем рта.

— Тебя могут спутать с иранцем в изгнании или с жирным египтянином, — продолжала она, поддразнивая.

— Я человек со множеством лиц.

— И со множеством целей. Зачем ты позвал меня?

Вокруг них опять возник шум, поздравления случайному выигравшему.

Она и Хасан присоединились к аплодисментам.

— Вы с Гарденом болтаетесь здесь. В этом плавучем борделе. Почему?

— Это его идея.

— Ты не можешь занять его?

Александра фыркнула:

— Ему нужно заработать деньги. У него нет денег на поездку.

— Ты могла бы предложить.

— Я предлагала. Но он гордый, он хочет сам оплачивать свое существование. А я не могу торопить его, не вызывая подозрений. Если я начну делать это, он почувствует, что его подталкивают.

Хасан прикрыл лицо рукой, когда за соседним столиком поднялся фотограф. Он ответил из-под руки:

— Ты же знаешь, есть распорядок.

— Твой распорядок — не его, — сказала она ему в затылок. — Гарден должен думать, что путешествие — его идея. Или можешь надеть ему мешок на голову и похитить.

— Похищение предусмотрено на соответствующей стадии. Его тело бесполезно без мозга.

— Тогда позволь мне делать все по-своему.

- В борделе?
- Удовольствие и боль имеют свою пользу.
- Особенно боль.
- Садист! — Она показала ему язык, только кончик, чтобы никто другой не увидел.
- Может быть. Готовь его. И доставь его в нужное место вовремя.
- Хасан отошел в сторону.
- Но куда?.. — Ее вопрос повис в воздухе.

Элиза. Доброе утро. Это Элиза 774, дежурная.

Гарден. Я хочу поговорить с Элизой 212. Это Том Гарден.

Элиза. Соединяю... Да, Том. Спасибо, что вызвал меня. Для тебя не слишком поздно?

Гарден. Не особенно. Я снова работаю — если это можно назвать работой.

Элиза. Я не понимаю.

Гарден. Я работаю в «Холидей Халл» в Атлантик-Сити.

Элиза. Прости, пожалуйста. Оцениваю... Я не знала, что в этом заведении есть рояль.

Гарден. Там его и нет — только клавоника. Но они хотят, чтобы я играл на ней. Между дружескими ныряниями, ощупываниями и щипками. Я весь в синяках от пяток до плеч. Я думаю, они вывихнули мне палец.

Элиза. Ты больше не видел приземистых темных мужчин?

Гарден. Множество — и женщин тоже. Все толстые и уродливые. Но без плащей, револьверов, кольчуг. В этом преимущества работы в нудистском баре.

Элиза. Тебя могут утопить.

Гарден. Только в виде шутки. Кроме того, у меня есть ангел, который держит мою голову над водой.

Элиза. Еще какие-нибудь сны?

Гарден. М-м-м...

Элиза. Что это значит?

Гарден. Один... Плохой.

Элиза. Расскажи мне о нем. Пожалуйста.

Гарден. Это что-то вроде возврата к прошлому. Я вспомнил работу, которая у меня однажды была в Филадельфии. Большой дом в колониальном стиле посредине двенадцати акров газонов и деревьев. Дерево и камень, широкий балкон и четыре толстые колонны. Выглядело как Тара.

Элиза. Тара? Это место?

Гарден. Выдуманное. Дом в «Унесенных ветром» — в старом кино. Из прошлого столетия.

Элиза. Замечено. Продолжай.

Гарден. Я должен был играть на дне рождения в одной семье. Идея вечеринки была из этого фильма. Предполагалось, что все будут одеты в сюртуки и кринолины, хотя получилось некоторое смешение костюмов. У нас были костюмы лет на сто более ранние — мундиры французских гренадеров, оплетенные тесьмой, платья в стиле ампир, брюки со штрипками, платья с бахромой и длинными шлейфами. Они заказали старую музыку. Преимущественно Стивен Фостер. «Лебединая река» — в таком духе. Никакого джаза или страйда, ничего подобного. Так что я отошел от всех современных мелодий и погрузился в музыку прошлого. Тогда все и произошло.

Элиза. Когда ты играл?

Гарден. Да. И еще раз, более сильно, во сне на следующую ночь.

Элиза. Что произошло?

Гарден. Я покинул самого себя и превратился в другого. Не Тома Гардена. В кого-то незнакомого.

Элиза. Расскажи мне об этом.

Луи Бреве пришел в себя. Его подташнивало. Он лежал на спине и ощущал кислый вкус слюны в глотке. Чтобы загордиться от света и успокоить свой желудок, он прикрыл глаза ладонью и перевернулся, стараясь закрыться в подушки.

Его щека наткнулась на грубую ткань матраса, вместо свежего белого белья, к которому он привык. Мерз-

кий запах проник глубоко в ноздри, и Бреве приподнялся на руках, широко открыв глаза.

Голой матрас под ним был грязен от-сальных волос, пятен старой крови, остатков рвоты, засохшей и превратившейся в корку. Койка под матрасом была сделана из железных трубок, когда-то белых, на которые была натянута сетка из крученых конопляных веревок. В щели пола из голых сосновых досок набилась грязь. Грязь медленно колыхалась... это ползали тараканы.

Бреве рассудил: нет дубового пола, нет узорчатого ковра, нет ореховой мебели, простыней, наволочек, подушек. Это не спальня Луи Бреве. *Quod erat demonstrandum**.

Итак, где же он находится? Стараясь не шевельнуть головой, которая раскалывалась от боли, Бреве медленно сел. Он посмотрел налево и направо, избегая солнечных лучей, которые лились в дверь в дальнем углу комнаты. Стены были обшиты сосновыми планками. Квадратные прорезы в них напоминали окна, незастекленные и без занавесок, с решетками из черного железа. Койки стояли в ряд. На матрасах лежали бесформенные тела, облаченные в грубую голубую ткань.

«Луи опять напился и вступил в армию, — была его первая мысль. — Как я это объясню Анжелике?» — тут же пришла вторая.

— Эй вы, лежебоки! Подъем!

Разве в армии не трубят горнисты или нет какой-либо другой стандартной процедуры? Значит, Луи не в армии. Q.E.D.

Люди вокруг него поворачивались и стонали, урчали и выпускали ветры, сморкались и приподнимались. Их головы поворачивались назад и вперед, как у бешеных боровов, ищущих, что бы разнести. Один за другим недобрые взгляды останавливались на Луи Бреве. Голоса зазвучали громче, пока совершался утренний ритуал надевания ботинок, почесываний, приборки постелей.

* Что и требовалось доказать (лат.).

- Кто этот новенький?
- Не знаю. Надзиратели привели. Ночью.
- Они его использовали?
- Нет. На нем нет отметин.
- Может быть, они слишком устали.
- Ну да!
- Может быть, они не захотели беспокоить вас,

леди.

- Или поделить его, ты хочешь сказать?
- Я же тебе сказал, на нем нет метки.
- Кончайте, вы там! — в голосе, прозвучавшем из-за двери, было многое: тупая ярость, ущемленная власть, плохой характер из-за постоянно подавляемых чувств.

Нет, решил Луи, он определенно не в армии. Все еще держа голову неестественно прямо, он встал и начал двигаться по центральному проходу между койками.

- Эй, погоди! — закричал кто-то.
- Послушай! Перрик должен идти первым! — раздалось с другой стороны.
- Он может идти!

В комнате внезапно все стихло.

- Должно быть, он из господ! — последнее прозвучало в тишине и сказано было скорее со страхом, чем сердито.

— Извините! — Луи Бреве повернулся к двери. — Надзиратель, или кто еще, не могли бы вы подойти? Произошла ужасная ошибка.

- Извините! — кто-то пропел в комнате вполголоса.
- Назад! — раздался голос за его спиной.
- Не злите Уингерта!
- Он всех нас пошлет сегодня на дамбу!

Люди возле кроватей медленно двигались вперед по направлению к тому месту, где стоял Луи. Теперь он расслышал тот звук, которому вначале не придавал значения и который посчитал за галлюцинацию, — позвякивание цепей. Стальная цепь от якоря средней величины тянулась от кровати к кровати и между ногами людей. Ноги людей соединялись отдельными цепями, пристегну-

тыми к общей. Оба конца длинной цепи, видимо, были присоединены к первому и последнему человеку.

Когда люди двигались вперед, чтобы загородить путь Луи, их цепи протягивались вдоль кроватей и падали на пол, издавая характерное звяканье.

— Что вы там делаете? — раздался тот же самый голос, вероятно, принадлежащий мистеру Уингерту. В голосе слышались угрожающие нотки. В тишине, внезапно установившейся в комнате, шаги звучали очень громко. В дверном проеме возник силуэт мужчины и загородил свет.

Уингерт был огромен: мощный в плечах, толстый в талии, с широкими, как у женщины, бедрами и полными ляжками. Даже голова у него была огромная. Нечесанные волосы свисали на глаза и воротник.

Его тень была большой и темной — за исключением белеющих глаз, когда он вглядывался в комнату, да блеска золота на среднем пальце правой руки. Золота и чего-то еще, коричневого овала, который мог быть вырезанной печаткой. Странное украшение для охранника спального барака разбойников, подумал Луи. Вероятно, он отнял его у какого-нибудь заключенного. Разрешив эту загадку, он тут же столкнулся со следующей: что он, Луи, здесь делает? Как могло случиться, что он очутился среди бандитов, не имея ни малейшего представления о том, как это произошло?

Бреве вынужден был отложить свои размышления на эту тему. Тучный человек вошел в дверь, двигаясь как тигр, пробирающийся сквозь высокую траву.

Уингерт мог запутать обычных преступников, но не Бреве. Луи начал заниматься боксом с тех пор, как ему исполнилось девять лет. Он тренировался, будучи на военной службе и в колледже, и три года подряд был чемпионом.

Мужчина выглядел большим, но слабым. Его руки, каждая величиной с добрый окорок, казались такими же дряблыми, как сало этого окорока.

Видя, что Луи свободно стоит в середине комнаты, мужчина медленно, с презрительным видом начал под-

ходить к нему. Большие руки скрещены на груди. Колени развернуты, чтобы придать большую устойчивость длинному телу.

Бреве приготовился: принял стойку, расслабил плечи, сжал кулаки, сделал несколько глубоких вдохов, чтобы создать запас кислорода.

— Послушай, Уин, все в порядке. — Маленький человечек, такой же широкий, как надсмотрщик, но на две головы ниже, выступил вперед справа от Луи. Его шаг сопровождался более громким лязгом, чем у других людей. — Он ничего не знает. Просто новый парень, и все.

Массивная голова повернулась в сторону маленького человечка. Прежде чем цепь опустилась, ближайший окорок внезапно двинулся в нужном направлении и вошел в соприкосновение с протестующим. Человек согнулся, как тряпичная кукла, брошенная на спинку стула. Затем распрямился, словно кукла с резиновой спиной, пролетел над кроватями и стукнулся о стену на высоте шести футов, рядом с потолочной балкой. Это движение сильно натянуло цепь с правой стороны комнаты, так что половина присутствующих попадала.

Луи принял более низкую стойку. Подбородок Уингерта повернулся в прежнем направлении и тумбообразные ноги понесли его по проходу. Все было кончено в три удара: Луи нанес прямой левой и правой апшеркот, оба попали в точку. Уингерт, не шелохнувшись, вытянул свою руку и ударил Луи тыльной стороной, как человек, сметающий со стола капусту.

Камень, или что-то другое, что было в руке надсмотрщика, попал в щеку под глазом. Из рассеченной щеки брызнула кровь. От удара шея свернулась на сторону. Сила удара была такова, что Луи полетел назад, через кровать, на колени одного из прикованных людей. Это движение так натянуло цепь, что вся левая сторона попадала, как домино.

Успокоив целый барак двумя ударами, Уингерт пошел к выходу. Он двигался по центральному проходу вперевалку, что было заметно со спины. Луи попытался

подняться. Но когда он встал на колени, один из заключенных ударил его по затылку чубуком трубки, которая до того была тщательно спрятана между матрасом и сеткой кровати.

Луи Бреве упал вперед и потерял сознание.

— О мой бедный, мой милый! — Прохладные сухие пальцы прикасались к его лбу — единственному месту на лице, которое не опухло, не болело или не было забинтовано. Луи лежал на нормальной постели, в нормальной комнате с оштукатуренными стенами, расписанным потолком и толстым ковром, который поглощал звуки приходивших и уходивших докторов, медсестер и сиделок. Клэр с прохладными руками и массой золотых волос ухаживает за ним и притворяется, что его теперешнее состояние ужасно ее огорчает.

Однако скоро Луи почувствовал себя почти хорошо. Конечно, у него болело все — самая сильная боль была глубоко в гортани, — но голова была ясной. В членах не было той свинцовой тяжести, которой всегда сопровождалось похмелье. Может быть, это из-за того, что ему давали лекарства.

— Где я был? — Собственный голос дошел до его ушей, приглушенный бинтами вокруг рта. Ему показалось, что нескольких зубов не хватает.

— Ты дома, дорогой.

— Это не Уиндемер.

— Конечно, нет. Это моя комната в отеле. Я и не подумаю вернуть тебя назад на плантацию к этой женщине.

— Но где я был?

— Несчастный случай. Прошлой ночью. Лошади понесли, как говорит твой возница, такой трус, — и перевернули коляску. Трое из них сильно пострадали, и их пришлось прирезать.

— Это не было дорожное происшествие, Клэр.

— Но... так все говорят.

— Они ошибаются. Который час?

— Начало десятого.

Он изогнул шею, чтобы посмотреть в окно, но оно было завешено тяжелым зеленым бархатом.

— Утра или вечера?

— Вечера. Ты проспал весь день, мой бедный.

— Утром я проснулся в странном месте, в комнате, обитой сосновыми досками где-то в районе болот. Я находился среди бандитов в цепях, хотя и был свободен. Когда я позвал, чтобы кто-нибудь помог мне, вошел громадный мужчина и ударил меня. Я дважды попал по нему, но он уложил меня с одного удара. И вот я здесь.

— Какой ужасный сон тебе приснился!

— Это был не сон, Клэр.

— Что за бред ты несешь, — холодно сказала она. — Люди могут сказать, что твой рассудок поврежден в результате несчастного случая и пьянства.

— А не ты ли это сделала? Поместила меня среди бандюг, показала мне, насколько я пал — или могу пасть?

Она посмотрела на него сузившимися глазами. Когда она так смотрела, ее лицо замыкалось, и Луи знал, что она удалялась от него на миллион миль, ожидая, что он скажет что-нибудь непростительное.

Луи задержал дыхание и осознал, насколько хорошо он себя чувствует.

Это случилось в следующее воскресенье, когда он со своей женой Анжеликой сидел на мессе. Пока священник монотонно пел свою латынь, Дух Святой снизошел на Луи Бреве и уже никогда в земной жизни не покидал его.

— Господь — мой пастырь, — прошептал Луи, челюсть его еще болела. — Он хранит меня, как хранил пасхального агнца иудеев...

Анжелика повернулась к нему с шиканьем, готовым сорваться с ее губ. Она остановилась, увидев блеск в его глазах.

— Как хранил живую кровь Сына Своего, — голос Луи стал громче, — так Он направляет меня и распро-

страняет подобно свету. Он возвышает мою душу и растворяет ее в солнечных лучах.

К нему начали поворачиваться головы соседей с гневом или смущением на лицах.

— Он возвышает меня, как Пророка, и низвергает в адское пламя, как низверг он Князя Воздуха.

Маленькая ручка Анжелики сжала его локоть. Ее пальцы впились в его мускулы, пытаясь причинить боль, но не сумели.

Луи встал, ведомый только Духом, и заговорил громче.

— Но Он снова возвысит меня, Меч Господен поднят высоко...

— О, замолчи же! — взвyla Анжелика и затолкала его в неф, где он остановился. Затем, будто проснувшись, неуклюже преклонил колени, повернулся и медленно пошел к выходу.

Среди шума голосов вокруг него он явственно слышал два слова: «Опять пьян».

Но он не был пьян.

Жара и духота под тентом давили словно атмосфера перед грозой. Напряжение в воздухе порождало нетерпеливое ожидание чего-то — пусть даже исполнения пророчеств о близком конце, лишь бы избавиться от чувства неопределенности.

Частично напряжение исходило от укротителей змей. Текучее движение их раскачивающихся тел, все убыстряющийся танец блестящих от масла рук наэлектризовали толпу до предела. Напряжение должно было прорваться. И оно прорвалось.

— Я была неверна мужу...

— Я хотел украсть лошадь соседа...

— Я избивал свою жену...

— Я был пьяницей, — слова вырвались из горла Луи Бреве. — Вино для меня было другом, сначала добрым и ласковым. Затем оно стало господином, приказывающим и награждающим. В конце концов оно превратилось в

дьявола, издевающегося надо мной и толкающего к дальнейшим безрассудствам.

— Аминь.

— Я был богатым человеком из семейства, известного в этих местах. Моим лекарством были хорошее вино и бренди, привозимые из Франции. Я растратил золотые монеты и любовь порядочной женщины на эти вина. И после этого любое вино стало хорошо для меня.

— Аминь!

— Искушаемый дьяволом, живущим в бутылке, я промотал свое состояние и начал тратить деньги моей доброй жены. У грязи в канаве было больше твердости, чем у меня. Я стал приятелем головорезов и проституток и в конце концов — преступников, прикованных к своим киркам и лопатам, мостящих дороги.

— Аминь!

— Прежние друзья отворачивались, завидев меня. Наш Господь тоже видел все это — но отвернул ли Он свое лицо от меня?

— Нет!

— Нет, Он не сделал этого. Он простер Свою руку и коснулся моего сердца. Маленьким и твердым, как камень, было это сердце. И теперь, от прикосновения Господа, оно расширилось и наполнилось золотым светом, и темная кровь вытекла из него. Господь принял меня в Свое лоно. И я больше не пьяница.

— АМИНЬ!

Волна чувств, сфокусированная радость трех сотен изголодавшихся человеческих существ влилась в уши Луи Бреве. Эйфория от этого была посильнее, чем от любого вина или виски, которые ему довелось пробовать.

— Сын мой, ты нарисовал замечательную картину с этой историей о пьянице. Пусть они идут, ненавидя и любя тебя. «Известное в этих местах семейство» и «растратил золотые монеты» — они проглотили все это за милую душу.

— Это правда, мистер Лимерик. — Луи после службы все еще держал шляпу в руках. Осознав это, он поискал глазами, куда можно было бы положить ее, и, не найдя ничего подходящего, водрузил на голову. Это вряд ли было вежливо — под тентом он был как бы в помещении, — но Луи не хотел держать шляпу, как нищий.

— Конечно, это правда, и вы рассказали так хорошо.

— Спасибо, сэр.

— Слишком хорошо, чтобы такой хозяин, как я, позволил вам уйти. Как насчет пяти долларов в неделю? Конечно, в пути вы будете питаться с моей семьей. — Лимерик кивнул назад, туда, где его дочь Оливия спокойно выбирала банкноты, попавшие в корзину для пожертвований, и сортировала серебро. Ни на минуту не прерывая своего занятия, она подняла голову и улыбнулась Луи.

— Кроме того, если кто-то опустит что-нибудь в ваш карман или шляпу, это ваше. Ясно?

— Это очень щедро, сэр. А что я должен делать, чтобы нести слово Божие?

— Помогать моему мальчику, Гомеру, натягивать тент. Приходить на собрания. И рассказывать вашу историю, как вы это сделали сегодня.

— Пока вы здесь, я обязательно буду приходить.

— А когда мы двинемся в путь? Вы же хотите нести слово Божие повсюду?

— Конечно.

— Считайте, что дело сделано.

В Оклахоме Просвещение в лице его прежней любовницы Клэр пришло к нему и имело разговор с Духом и Луи Брeve.

— Этот Лимерик использует тебя для того, чтобы наживаться, — сказала Клэр. — Со всей его напыщенностью и черным одеянием ему нет дела до Христа и Евангелия. Он даже втихаря пьет вино. Он делает из тебя дурака — даже большего, чем ты сам из себя делал.

— Какими бы ни были его цели, — ответил Луи, — он приводит людей к Господу. Может быть, он не самый воздержанный, но он много работает.

— А деньги?

— Это все для миссии в Африке, как он объяснил.

— Ты когда-нибудь видел хоть клочок письма из этой миссии или кого-нибудь, кто ее представляет? Видел ли ты когда-нибудь хоть один чек о переводе денег туда?

— Нет, я не посвящен в его финансовые дела. Он дает деньги там, где нужно.

— И, похоже, получает больше, чем дает.

— Поскольку он вершит дело Господа среди людей — и я могу помогать ему, — какое это имеет значение?

— Да он просто ловкий пройдоха. Может ли хороший человек так легко попасть под влияние плохого?

— Ливи не считает его плохим. Она его любит. А я люблю ее и доверяю ее простоте и чистоте. Ливи мудра.

— Впервые ты угадал: Ливи простодушна. Она ничего не знает, кроме игры на органе, на котором, кстати, играет плохо, и пересчитывания монет, что она делает медленно.

— Она делает работу для Господа по-своему, как и все мы.

— Твоя вера непробиваема. Назовем это слепотой и покончим с этим.

— Вере, может быть, нужна слепота.

— Тогда мне нечего сказать.

С этими словами Клэр вышла. Луи никогда больше не видел ее.

Это случилось в Арканзасе жарким вечером, когда мотыльки и мошки вились вокруг ламп. Смуглый незнакомец вошел под тент. Он пришел не для молитвы и службы, не из праздного любопытства, как приходили некоторые.

Он раздвинул полотняные занавески и двинулся по проходу, как человек, идущий к виселице. Его глубоко

сидящие глаза не смотрели ни вправо, ни влево. Откинув фалды сюртука, незнакомец сел на последнюю скамью.

Луи, оказавшийся рядом с ним, почувствовал озноб, хотя струйки пота текли из-под его шляпы за воротник, который был когда-то снежно-белым и накрахмаленным, а теперь, спустя месяцы пути, стал мягким и серым.

Холодная угроза исходила от смутлого незнакомца, словно испарения от куска сухого льда.

Глаза мужчины смотрели прямо вперед и, похоже, видели не больше, чем два осколка стекла. Сначала Луи подумал, что человек спит под действием морфия или какого-то другого наркотика, хотя тот и не клевал носом и не качался на своем месте. Заинтересовавшись, Луи уставился на незнакомца, но он даже не заметил этого.

«Интересно, куда он смотрит?» — подумал Луи. Он проследил направление взгляда: поверх пестрой смеси голов, мужских шляп и женских шляпок, поверх широкого пространства перед скамьями, поверх переносного алтаря с открытой Библией и серебряными канделябрами — на Оливию, сидящую за своим походным органом, на котором стояла корзина для пожертвований. ♣

Все время службы Луи наблюдал за мужчиной, следящим за Оливией и корзиной для пожертвований.

Глаза его были неподвижны, только редко мигали, как глаза ящерицы — каждые пять минут или около того. Когда пришло время сбора пожертвований, глаза начали двигаться: вверх, когда Оливия взяла корзину с органа, вниз, когда она переместила ее на уровень талии, слева направо и справа налево, когда она проносила ее по рядам. Когда она подошла к их скамье, корзина была тяжелой от монет и банкнот. Ливи пришлось вытянуть руки, и ситцевое платье натянулось у нее на груди.

Мужчина не заметил этого.

Он смотрел только на корзину. Оливия пронесла ее мимо, но он не открыл своего кошелька. Вместо этого незнакомец поднял глаза вверх, к потолку, и качнул головой из стороны в сторону. Ливи пошла дальше. Луи опустил свое подаяние, улыбнувшись ей. Корзина, рука Ливи, чистый, свежий запах ее тела проплыли мимо него.

И тогда незнакомец двинулся.

Она была уже достаточно далеко, и его рука, независимо от глаз и тела, скользнула за отворот куртки и вынула пистолет, дуло которого было длиной, по крайней мере, дюймов восемь.

Одним движением, словно танцор, мужчина проскользнул под ее рукой и повернулся в проход, прижав девушку к своей груди. Дуло пистолета упиралось в кружева между ее грудей. Во время этого танца корзина не перевернулась и ее содержимое не высыпалось в толпу — Ливи крепко держала ее, как хороший официант поднос с полными до краев стаканами.

Луи, который вскочил на ноги, заглянул в глаза мужчине. И ничего не увидел.

Мертвые, как камень.

Луи посмотрел на Оливию, пытаясь понять, чего она ожидает от него в этой ситуации. Ее глаза тоже были пустыми: ни страха, ни гнева. Она не сопротивлялась. Она не смотрела на пистолет.

— Ливи? — спросил Луи.

— Отойди, Луи, — ответила она. — Этот человек хочет лишь денег.

Если бы Луи потрудился услышать ее, он бы заметил, что она говорила слишком спокойно, будто со скуки. Но Луи видел только пистолет и смерть в глазах мужчины. Он смог прочесть в этих глазах желание нажать курок и разворотить ей грудь. Луи боялся за девушку и, будучи джентльменом, не мог стоять и смотреть, как незнакомец угрожал ей.

В данной ситуации Луи вряд ли смог бы применить свои навыки бокса. Подняв руки как мелодраматический актер, играющий Привидение в «Гамлете», он попытался дотянуться до Ливи и освободить ее.

Мужчине понадобилось лишь на несколько дюймов передвинуть дуло и дважды выстрелить в грудь Луи.

Ливи вскрикнула. Ее возглас был исполнен не ужаса или негодования, а презрения:

— Луи, вы глупец!

Он унес с собой в могилу запах свежего пороха и старого пота, зрелище мотыльков, порхающих вокруг меркнувшей лампы под полотняным потолком, и последнее мнение о нем: «Глупец!»

Сломанный фургон стоял на правой стороне рядом с указателем, — десять километров в одну сторону, двадцать в другую. Грязный красный вымпел был привязан к его антенне. В этом была единственная опасность: антенна была от передатчика, и те, кто сидел в фургоне, могли позвать на помощь в любой момент.

Хасан пожал плечами, когда съезжал на боковую дорожку. Американцы не столь наблюдательны, как востроглазые израильтяне, завоевавшие его родину.

Такое место встречи было бы невозможно в пустыне Негев.

Он проехал указатель и медленно покотился по гравийной дорожке перед сломанным фургоном. Проезжая мимо окна, он увидел в нем темную фигуру. По ее очертаниям он угадал, что под одеждой скрывается оружие.

— У вас затруднения? — приветливо спросил Хасан.

— Ничего такого, что нельзя исправить кусочком проволоки.

Ответ был правильным. Хасан сунул револьвер в карман, толкнул дверь и вышел наружу под блики фар проезжавшего грузовика. Он еще отряхивал пыль с пиджака и волос, когда его пригласили в фургон.

— Извините, господин Хасан. Это наиболее неудобное место для военного совета.

— Да нет же, Махмед. Обочина дороги столь обычной, что остается почти невидимой.

— До тех пор, пока не появилась полиция.

— На этот случай есть правдоподобное объяснение. «Поломка оборудования в руках бестолковых арабов». И один из их богатых соотечественников, который хотел бы помочь, но не знает как.

— К тому же мы заминировали дорожку в пятидесяти метрах отсюда.

— Тогда я покину вас при приближении полиции, — холодно ответил Хасан.

— Как всегда, господин. Чем может помочь вам Братство Ветра?

— Мне нужно пристанище.

— На какое время?

— На неделю, может быть, на две.

— Только для вас?

— Для меня, леди Александры, команды избранных гашишиинов и одного узника. Это должно быть уединенное место, куда можно незаметно добраться за один-два дня.

— У нас ничего подходящего нет.

— Ничего?

— В этой части штата Нью-Джерси мало наших соотечественников, господин. Кубинцы, вьетнамцы и местные черные истощили гостеприимство здешних мест. Потерявшие родину вынуждены искать более дружелюбные районы. И к тому же влажный климат не для нас.

— Раз у вас нет для меня пристанища, я выберу другую цель.

Махмед вытащил записную книжку из внутреннего кармана пиджака. Он хлопнул ею о складной стол и раскрыл.

— Мы оценили термоядерную электростанцию в Мэйс-Лэндинг, стоящую на реке в пятидесяти километрах от побережья. Она снабжает энергией Межприливный сектор Босушского коридора. Стоимость сооружения составляет девять миллиардов долларов. С учетом стоимости возмещения энергии в два раза больше.

Хасан подергал губу — дурная привычка, но помогает думать.

— А какова тактическая обстановка?

— Доступ несложен. Станция полуавтоматическая, так что операторы не остаются там круглосуточно. Как в американских конторах — днем толчея, вечером все расходится по домам.

— Ближайшие военные соединения?

— Ничего серьезного в пределах шестидесяти километров — и все дороги грунтовые. Есть пост в Форт-Диксе, к северу отсюда. Прежде там был большой тренировочный лагерь, но теперь в основном это компьютерный и координационный центр. К нему также относится заброшенная база военно-воздушных сил. В двадцати километрах на восток отсюда находится военно-морская база Лейкхарст. Реально в этом районе действует лишь гражданская гвардия Нью-Джерси.

— Люблю гражданских солдат, — улыбнулся Хасан.

— Более того, поскольку атомная станция находится в окружении кустарниковых зарослей, ее легко удерживать после захвата. Мы можем обеспечить прикрытие — на суше, по реке и ее притокам, и с воздуха — двумя группами людей с ракетами и бригадой саперов.

— Хорошо. Вы не разочаровали меня, Махмед.

— Благодарю, господин Хасан.

— Готовьте своих людей.

— И как скоро мы...

— Я сообщу вам день и час. До тех пор ничего не предпринимайте.

— Конечно, господин.

СУРА 4

СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА

*Лев и ящер однажды устроили пьянку,
Там напился Джамшид и уснул спозаранку.
Хоть Бахрам и прошел по его голове,
Не проснется Джамшид, чтоб продолжить гулянку.*

Омар Хайям

Саладин слегка подвигал коленями, незаметно для людей, стоящих перед ним, — замаскировав это движение тем, что вроде бы потянулся за чашей с шербетом, — и почувствовал, что его ягодицы разместились глубже в подушках. Военный лагерь в пустыне был максимально благоустроен с помощью тентов, опахал и подушек, набитых конским волосом. Но местный грунт оставался твердым и холодным и никак не напоминал гладкие полы в Каире, выложенные белым камнем с берегов вечной реки.

И теперь эти шейхи Сабастии и Рас эль-Айна с их женской болтовней...

Саладин пришел в эту страну со своими египетскими войсками, чтобы изгнать франкских захватчиков во имя Мухаммеда — и чтобы добыть себе славу. Он пришел не

для того, чтобы принимать близко к сердцу глупое тщеславие богатых купцов и старейшин племен, которые хотели преломить хлеб с неверными, а потом обиделись на их манеры.

— А что этот норманн сказал потом? — со вздохом спросил Саладин.

— Он сравнил Пророка с распутником!

— Он запятнал святое имя Хадиджи!

— И это нечестивое оскорбление не могло быть придумано вами из-за вашего незнания французского языка?

— Оскорбление было сделано умышленно, господин.

— И что же он сказал?

— Он предложил возглавить поход на Медину и разорить могилу Пророка.

— Он выпил слишком много вина, — предположил Саладин.

— Он был трезв, господин.

— Он смеялся над нами, господин.

— Другие тоже смеялись вместе с ним, господин.

Саладин схватил свою бороду двумя пальцами и сделал им знак помолчать. Действительно ли франки имеют достаточно сил, чтобы выполнить эту нелепую затею? Ограбить караван, осадить город — да, для этого у них достаточно людей, если считать и их полукровок. С другой стороны, франки сидят в своих окруженных стенами городах и каменных замках. Они передвигаются между ними в полном вооружении, с авангардом, защищенными флангами и арьергардом, — и все же принимают причастие и молятся Богу, перед тем как покинуть замок. Армия Саладина многого достигла в этой стране.

Рейнальда де Шатильон расхвастался, разогретый вином. Такой поход невозможен. Эти шейхи по своей глупости всерьез восприняли слова Рейнальда. Мудрый человек пропустит это мимо ушей.

С другой стороны, оскорбление было нанесено на публичной церемонии, на коронации их короля в этой стране. Это обстоятельство придает всему дипломатическую

основу. Он может даже потребовать, чтобы весь ислам принял в этом участие. Никакой другой защитник веры в этой заброшенной стране, поделенной между аббасидами из Багдада, сельджуками из Турции и айюбитами из Египта, не имел такого положения, как он. Если Саладин примет оскорбление всерьез, весь ислам должен будет ответить.

Со всем исламом за спиной, объединенным в священной войне против христиан, он может достичь той победы, о которой так долго мечтал. И христиане, в лице Рейнальда де Шатильона, дали ему повод. То, что не могли сделать девяносто лет вооруженного конфликта и резни, сделали необдуманные слова пьяного человека.

— Ваша честность убеждает меня, — наконец сказал Саладин. — Это оскорбление Пророка и его благоверной жены зашло слишком далеко. Оно должно быть наказано огнем и мечом.

— Да, господин, — хором ответили они.

— Весной, во время их праздника смерти и воскресения Пророка Иисуса ибн Иосифа, весь ислам поднимется на священную войну против Рейнальда де Шатильона, а значит, и против всех христиан. Мы должны изгнать их из этой страны за то, что они участвовали в оскорблении.

— Благодарим тебя, господин.

Он повернулся к визирю, который ожидал у входа:

— Мустафа, поищи законников. Пусть выслушают объяснения этих двоих и напишут декрет о джихаде против Рейнальда де Шатильона, который сам провозгласил себя принцем Антиохии. Это должен быть приказ всем правоверным об изгнании его из этой страны. Те христиане, которые замешаны в этом, также преследуются, несмотря на прежние обещания и права гостей.

— Да, господин.

— Весь базар гудит новостями, господин.

Томас Амнет удивленно приподнял брови, но ничего не сказал. Его руки были заняты приготовлением смеси.

Одной рукой он растирал пестиком содержимое чаши, другой поворачивал ступку на четверть оборота с каждым оборотом пестика. И при каждом сороковом обороте добавлял по порядку: щепотку селитры, на ногте большого пальца толченой коры хинного дерева и простой перец.

— Говорят, это будет война до смерти. Саладин созывает силы всех правоверных. Не только своих собственных египетских мамелюков, но и королевскую кавалерию Аравии, которая сражается так же, как вы, франки.

— Ты сам наполовину франк, Лео.

— Как мы, франки. И он призывает турок-сельджуков и аббасидов прислать свои войска.

— Да. Это серьезная угроза.

— Он собирается изгнать всех франков — всех нас — из Святой Земли за оскорбления, которое нанес Рейнальд де Шатильон костям Пророка.

— А как насчет ассасинов? Они тоже в этом участвуют?

Лео скорчил презрительную рожу.

— Ну что вы, господин Томас! Они же не воины. Нет. Они просто секта.

— И поэтому не столь благородны, чтобы участвовать в сражениях?

— Вы не сможете с ними сражаться, господин. Вот и все. Они дерутся не по правилам, ножами и удавками.

— Крадучись, в темноте, так?

— Да, господин.

— Они не подходят для прямой кавалерийской атаки. — Амнет снова принялся за свое дело.

Мальчик посмотрел на него с подозрением;

— Вы надо мной смеетесь?

— Даже и не думал об этом, Лео. Что еще говорят на базаре?

— Что всех франков выгонят с этой стороны моря к середине лета.

— Я думаю, чтобы выгнать нас, понадобится больше всадников, чем есть у Саладина. Неважно, кто будет помогать ему.

— Говорят, у него сто тысяч человек. И по крайней мере двенадцать тысяч вооруженных рыцарей. — Широкий конец пестика чиркнул по верхнему краю чаши, и ритм сбился. Амнегу понадобилось два раза стукнуть им, чтобы войти в ритм снова.

Он знал, каковы силы Ордена тамплиеров, и он мог предполагать, чем располагает Орден госпитальеров. Христианские бароны по всей стране тоже могут кое-что выставить. Но в общей массе это не составит и одной пятой сил Саладина.

— Ты наслушался страшных сказок на базаре, Лео.

— Я знаю, господин Томас. А что вы смешиваете?

— Зелье для тебя, чтобы излечить твое любопытство.

Юноша понюхал смесь:

— Фу!

Король Ги радовался, видя пот Рейнальда де Шатильона.

Тот вбежал в палату для аудиенций, и его башмаки почти выскользнули из-под него на полированном полу, когда он попытался остановиться. Колени его дрожали, туника перекосилась на теле, всегдашняя улыбка исчезла с губ. Рейнальд был в панике.

Как замечательно было видеть, что человек, который считал себя лучше всех — даже лучше короля! — находится в состоянии неуверенности и страха.

— Мой господин Ги! — голос Рейнальда даже дрожал. — Сарадины ополчились против меня.

Ги де Лузиньян выждал подобающую паузу.

— Они борются против всех нас, Рейнальд. Каждый день каждый из них, кто может дышать и держать меч, ищет смертельных столкновений с франками. Почему ты думаешь, что чем-то отличаешься от них?

— Сам Саладин издал декрет, в котором он обвиняет меня в преднамеренном богохульстве. Они жаждут священной войны против меня.

— А ты богохульствовал, Рейнальд? — Ги наслаждался ситуацией.

— Никогда по отношению к нашему Господу и Спасителю.

— Примерный христианин, не так ли?

— Я защищал веру словами так же, как и оружием. Я не мог предположить, что случайные слова Саладин сочтет столь оскорбительными. — Рейнальд пожал плечами — жест, который никак не сочетался с его предыдущей истерикой. — Иногда я насмеялся над неверными. Я не могу припомнить всего, — голос его внезапно стал вкрадчивым. — Однако удар, направленный на меня в Антиохии, направлен против всех христиан, находящихся здесь. Даже против короля...

— Я читал этот декрет. — Ги смог продемонстрировать зевок, скрывая растущее ликование. — Там специально говорится, что христиане, которые будут укрывать или поддерживать тебя, становятся такими же, как ты. Если мы отдадим тебя Саладину...

— Мой господин, конечно, понимает, что, если какой-либо король отдаст сарацинам своего лучшего подданного и защитника, он будет ославлен по всей Франции как негодяй и подлец, попадет под папское отлучение и, возможно, даже восстановит против себя своих подданных.

— Хорошо сказано, принц Рейнальда.

— Но король, принявший вызов, защитивший и поддержавший человека, который связал свою жизнь с жизнью этого короля, — такой король заслуживает звания «Защитника Креста» и будет славен во всем христианском мире, от степей к востоку от Венгрии до морей к западу от Ирландии. Такой король навсегда останется в памяти людей.

Ги некоторое время пребывал в мечтах о всеобщем признании и уважении. Но потом появилась другая мысль.

— Слышал ли ты, какое войско собрал Саладин? Более десяти тысяч рыцарей. И сотня тысяч обученных йоменов.

— Слухи приписывают ему тысячи там, где он, как обычно, имеет десятки, — усмеялся Рейнальд.

Ги почувствовал себя несколько хуже при таком повороте разговора.

— Он хорошо знает свои силы.

— Сарацинские рыцари? Мы бились с сотней таких. Легкие доспехи и изящные мечи. Кольчуга, что режется, как сеть. Шлемы и нагрудники, которые можно проткнуть кинжалом — тонкая работа, эмаль и золоченые пластинки, — но ничего такого, что не рассек бы добрый норманнский воин или даже лангедокский рыцарь. Большинство из них сражаются в льняных одеждах, с волосами, обернутыми тюрбанами. Погрози им мечом — и они побегут.

— У меня нет достаточного количества войск, чтобы противостоять этой армии.

— Тамплиеры? Госпитальеры? Они под вашей командой. Конечно, мои землевладельцы в Антиохии будут биться за меня. Каждый француз и большинство англичан, которые пришли в эту страну, держали в руках меч или, по крайней мере, знают, как это делается. Мы сами можем выставить несколько десятков тысяч. Этого будет достаточно.

— Только если я сниму со стен Иерусалима всех воинов и сделаю то же самое во всех городах и крепостях от Газы до Алеппо, мы можем собрать двадцать тысяч вооруженных рыцарей и еще тысяч тридцать йоменов.

— Вот видите, государь! Мы имеем преимущество перед ними!

— Но это означает оставить наши крепости незащищенными! Если мы не одержим победы, у нас может не оказаться места, куда мы сможем вернуться и залечить раны.

— Если Саладин соберет такое войско, кто же будет нападать на наши крепости? Мы будем преследовать их, не так ли? Не оставляя времени для остановок и осады высоких башен и толстых стен. Не стоит беспокоиться, мой господин. У нас будет преимущество, как только вы издадите декрет, созывающий Ордены.

— Ты так думаешь?

— Конечно.

— Ты отправишься в Антиохию и соберешь свои силы. Ты возьмешь всех людей со стен, если ты настолько уверен, что страна будет в безопасности.

— Государь...

— Между прочим, это приказ.

Былая жестокая улыбка вернулась к Рейнальду.

— Я должен подчиниться, — он низко поклонился и попятился к двери.

Интересно, сделает ли Рейнальд так, как сказал.

А сможет ли сам Ги собрать всех людей со стен, чтобы защитить Рейнальда... Но «Защитник Креста»... Это звучало заманчиво.

— Еще раз, Томас!

В сороковой раз за последний час Томас Амнет поднял свой меч над головой и принял оборонительное положение. Меч был варварским, на добрых шесть дюймов длиннее и намного тяжелее, чем меч из хорошей стали, которым можно фехтовать без напряжения. Вес и неправильный баланс оружия привели к тому, что все его мускулы протестовали, когда он поднимал острие на уровень глаз. Причина была ясна — Амнет совершал еженедельные тренировочные упражнения.

Не имело значения, какое положение занимал рыцарь-тамплиер — дипломат на службе короля или папы, один из многочисленных участников в банковских схемах Ордена, лекарь или, как Амнет, прорицатель — он принадлежал к воинствующему Ордену и должен был поддерживать воинское искусство на высоте. Сэр Брор, с которым они фехтовали во дворе обители, был человеком недалеким. Он не умел произносить изысканные речи, не обладал утонченным интеллектом, но слыл удачливым воякой, который, если верить его рассказам, однажды обратил в бегство пятьдесят сарацинских всадников. Он снес головы первым трем одним ударом меча и еще трем — при обратном движении, а остальные, завидев такое, бежали.

На этот раз Брор атаковал, делая выпад всем телом вперед. Его легкий стальной меч оказался в дюйме от горла Амнета, прежде чем тот смог поднять свое оружие и парировать удар. Острие меча Амнета продолжило свой путь и зарылось в утрамбованную землю. В тот же самый момент Брор полностью развернулся и нанес новый удар.

У Томаса не хватило сил снова поднять свой меч, и Брор зафиксировал туше с левой стороны груди.

— Уже устал? — скороговоркой спросил Брор.

— Ты же видишь.

Сэр Брор нажал сильнее, уколов кожу под прорезанной защитной рубахой.

— Эй! — воскликнул Томас, отмахиваясь.

— Это чтобы ты запомнил меня. И запомнил, куда должно двигаться твое запястье. — Он опустил меч вниз, как Амнет, затем развел руки и легко коснулся острия. — Вот так!

Амнет медленно развел руки и более удобно перехватил меч.

— Спасибо. Так лучше.

— Томас! — Зов донесся с другой стороны двора, от подножия башни. — Томас!

Там стоял Жерар де Ридерфорт с делегацией тамплиеров из разных обителей, разбросанных по всей стране. Амнет заметил, что все они прибыли со сменными лошадьми, одной или двумя. Он отсалютовал сэру Брору своим слишком тяжелым мечом и пошел на зов Великого магистра.

— Томас Амнет может дать нам совет в этом деле, — услышал он, подходя.

— Дать совет в чем, господин? — Он отер пыль и пот с лица рукавом рубахи. Важные тамплиеры, свежие, одетые в лен и шелк, поморщились. Амнет улыбнулся.

— Мы получили призыв, — сказал магистр.

— От короля Ги, — окончил Амнет. — Присоединиться к нему в связи с джихадом, который объявил Саладин.

— Да, а ты откуда знаешь? — возбужденно сказал Жерар. Остальные вокруг него невнятно заговорили и казались возбужденными.

Это был трюк, которому Томас выучился давно: используя свою сообразительность и интуицию, чтобы выделить главное в любом деле, он обычно мог предугадать в общих чертах, а иногда и в подробностях, смысл того сообщения, которое герольд еще не донес до ворот. Сейчас Амнет угадал все, поскольку знал слабости короля Ги и проблемы, которые были у Рейнальда де Шатильона.

— Король приказывает нам собрать семь тысяч рыцарей, — сказал Жерар, — и примерно столько же йоменов и слуг. Мы должны двинуться на север, к...

— К Кераку, — продолжил Амнет.

Жерар умолк и улыбнулся:

— Откуда ты это знаешь?

— Керак — это владение Рейнальда де Шатильона. Саладин мог бы атаковать Антиохию, резиденцию принца, которая в действительности более удобна для осады. У Саладина много единоверцев — и тем самым потенциальных союзников — за ее стенами. Вместо этого он направляется прямо к Кераку, который полностью наш. И, следовательно, он что-то замышляет, потому что мы не могли ожидать от него такого шага. Такая смелость решает исход битв.

— Ты знаешь все это из сплетен на базаре?

— Нет.

— Ты слышал это от кого-либо из приближенных Рейнальда?

— Все нет. Почему вы так решили?

— Потому что я только сегодня узнал, из личного сообщения короля, что Рейнальд направился в Керак руководить сбором сил.

— И король Ги ожидает, что мы соберемся под началом Рейнальда в этих высоких и тесных стенах?

— Сейчас он предлагает другое. — Слабая улыбка Жерара сделалась шире от того, что Томас дал неверный ответ. — Мы должны собрать наши войска здесь и перехватить сарацинскую армию.

— А!

— А для тебя у меня есть специальное задание.

— Что же это, господин? — Амнет старался показаться скромным.

— Госпитальеры отвергли призыв короля Ги. Они заявили, что их глава — Его Святейшество, и поэтому они не могут подчиняться никому другому.

— Звучит разумно.

— Да, и... Что ты сказал? — челюсть Жерара отвалилась. Другие тамплиеры, до сих пор не участвовавшие в разговоре, зашумели, обсуждая между собой непочтительный ответ Амнета.

— Я смею заметить, господин, что принц Рейнальда пожинает плоды своих трудов, — Амнет говорил спокойно. — Вы можете спасти всех нас от кровопролития: отдайте его Саладину. Если вы хотите сохранить господство христиан в этой стране, отдайте его Саладину.

Великий магистр побагровел:

— Ты говоришь необдуманно, Томас. — Он замолк, так как новая мысль возникла у него в мозгу. — Ты видел это в свете... — Жерар взглянул на собравшихся вокруг них тамплиеров, — ...нашего друга?

— Нет, господин... Источник не представляет этого столь определенно. Я опасаясь, что утерял это умение. Действительно, я говорю опрометчиво, но такая речь может быть произнесена любым из воинов, собравшихся здесь. Силы Саладина уже превышают наши. Его декрет направлен только против Рейнальда, его домочадцев и тех христиан, которые будут сражаться за него. Таким образом, для нас способ выжить состоит...

— Достаточно, Томас. В области политики нам нужно твое подчинение, а не твое мнение.

— Я к вашим услугам, — Амнет низко поклонился, отведя глаза в сторону.

— Ну так-то лучше, подчинение более приличествует рыцарю. Но образ твоих мыслей создает мне трудности — я хотел отправить тебя послем к Роджеру, Великому магистру госпитальеров. Ты мог бы убедить его отказаться от своего решения и присоединиться к королю Ги.

Но ты разделяешь его мнение, и тебе будет трудно выполнить такое поручение. Я даже не знаю, сможешь ли ты. Может быть, кто-нибудь другой...

— Господин! — запротестовал Амнет. — Вы знаете, что мой ум и мой язык в вашем распоряжении. Если вы пошлете меня к Роджеру, я буду представлять ваше мнение со всем моим старанием и умением.

— Ты так думаешь?

— Как рыцарь креста и христианин, я буду просить Роджера помочь принцу Антиохии.

— И королю, Томас, — поправил Великий магистр.

— Тогда — и всем нам.

— И как вы собираетесь сделать это, господин?

Лео, сидя на старой кляче, тщательно старался заставить ее двигаться быстрее, вонзая в ее бока шпоры. Кобыла прижимала уши, на несколько шагов пускалась легким галопом, а затем снова переходила на спокойный шаг. Лео тряся в седле и был обречен плестись позади своего хозяина всю дорогу до Яффы.

— Я приведу доводы, которые подскажет мне мой разум и вдохновение от Господа.

— Но госпитальеры могут отказаться.

— Ну, тогда моя миссия провалится, и я поеду назад в Иерусалим.

— Съездив попусту.

— Нет, съездив по приказу моего сеньора.

— Попусту.

— Нет, не... Ну, пусть будет по-твоему, попусту. Но ты должен выгучить, Лео, и чем скорее, тем лучше, что, если ты стремишься к военной жизни — приказ твоего начальника важнее, чем твое собственное мнение или твои склонности. Солдат должен подчиняться без вопросов, именно так можно выиграть войну. Если твой военачальник командует «налево», ты не разглядываешь, что же там находится, и лишь потом решаешь, поворачиваться тебе туда или нет. Ты поворачиваешь свою лошадь и имеешь дело с последствиями. Что будет, если каждый

рыцарь станет выбирать для себя собственную битву и драться лишь тогда, когда сочтет нужным? Для тамплиера не выполнить приказ своего магистра — то же самое, что сельскому священнику усомниться в приказах папы Римского.

— Говорят, что Роджер больше не Великий магистр госпитальеров, так как бросил ключ Ордена в лицо королю.

— Излагай факты правильно, парень. Он бросил свой ключ в окно. И никто не видел, куда он упал. Поэтому никто не может сказать, что он не подобрал его потом. Он магистр до тех пор, пока рыцари-госпитальеры не откажутся подчиняться ему или пока папа не сместит его. Но на это Его Святейшество никогда не пойдет.

— Почему? Что, Роджер столь хороший магистр?

— Потому что Рим слишком далеко. Папа Урбан умирает. Его преемник, которым, я полагаю, будет Григорий, не дотянет до конца года. И все последователи будут слишком заняты укреплением папства, чтобы обращать свое внимание на то, что делается за морем. Так что мы будем предоставлены самим себе.

— Папа умирает! И вы знаете, кто будет его преемником... У вас много друзей среди кардиналов?

— Ни одного.

— Так откуда вы знаете, что Григорий будет папой?

— Если бы ты так же внимательно вглядывался в будущее, как я за последнее время, то обнаружил бы, что знаешь нечто, о чем раньше не мог и подумать. Я мог бы назвать тебе по порядку имена пап вплоть до года моей смерти. Девять столетий принесут нам много пап.

— Бог мой! Вы провидец, господин.

— Не провидец, Лео, но... Что это? — Вдалеке, где дорога сливалась с горизонтом между двумя холмами, появилась белая точка, поднимающая широкое облако пыли.

— Всадник, господин.

Точка быстро превратилась во всадника, одетого, как бедуин. Он двигался легкой рысью, направляясь прямо к ним. Амнет и его спутник натянули поводья и остановились.

— Слишком много пыли для одного всадника, — заметил Амнет.

Как только всадник их заметил, он увеличил скорость, перейдя на галоп. Утрамбованная и засохшая грязь дороги была хорошим проводником звуков: они частили и перекрывались, сообщая о том, что лошадь не одна.

Амнет инстинктивно оглянулся назад, но дорога позади них была пуста.

Не доезжая двухсот ярдов, на расстоянии полета стрелы, всадник свернул влево, и из облака пыли вынырнул второй, затем третий, четвертый, пятый. Все они съезжали в сторону и резко осаживали лошадей, так что Амнет и его спутник оказались окруженными.

Резким криком один из них приказал всадникам остановиться.

— Что им нужно, господин Томас?

— Не знаю, но думаю, что нам придется поехать с ними.

Для воина, стратега и человека быстрого действия требования придворной жизни были утомительны. Вереница трезвых лиц, избитые восхваления, беспокойные руки и жадные глаза — все это изматывало душу и удлиняло день. Этим утром он вершил суд, выслушивая жалобы одних бедуинов на других по поводу потерянной овцы или прав на колодец. Угол, под которым падал солнечный луч через отверстие в шатре, говорил, что после полуденной молитвы прошло не менее часа. Саладин испустил такой вздох, что его мог услышать Мустафа, в ожидании стоявший за ним.

Следующими просителями были несколько бедуинов, которые приволокли пару оборванных путешественников. Один из них, по виду полукровка, упал на колени перед подушками, на которых сидел Саладин. Вторым был европейцем и, по-видимому, франком. Он остался стоять, глядя на султана сверху вниз, — до тех пор, пока один из бедуинов не пнул его под коленку. Человек повалился на все четыре конечности, но не оторвал взгляд от султана.

Одежда обоих была пыльной и носила следы долгого пути. Туника франка, видимо, когда-то была белой. Менее грязное пятно слева на груди было похоже на крест. И все же это могло ровным счетом ничего не значить.

— Что за жалоба? — спросил Саладин, придав своему голосу строгость.

— О мой господин, эти люди были найдены на дороге в Яффу.

— И?..

— За эту дорогу отвечает Харис эль-Мерма. Все проезжающие по ней должны получить наше разрешение и заплатить пошлину. Они не заплатили.

— Вы не смогли получить с них плату?

— О мой господин, у них ничего не было.

— Совсем ничего?

— Не было денег, а оружие бедное. У одного было вот это... — И мужчина вытащил старый кошелек палевой кожи из-под своей одежды.

— Дай-ка его сюда, — приказал Саладин.

Бедуин передал кошелек. Внутри его был твердый кусок, похожий на камень. Султан развязал кожаные ремешки и достал содержимое. Это был кусок дымчатого кварца, гладкий, как окатанная водой галька. Он был тяжелый и теплый, вероятно, сохранил тепло тела бедуина. Саладин рассматривал его в солнечных лучах, которые проникали через крышу шатра.

Коленопреклоненный франк судорожно вздохнул и задержал воздух. Свет входил в кристалл и таял там, не проходя через него и не преломляясь на гранях. Что-то темное находилось в центре кварца — пятно, которое лишало его той ценности, которую мог иметь такой большой кристалл.

Саладин опустил его в кошелек и передал бедуину.

— Отдай ему этот камень. Он не стоит денег.

— Слово моего господина — закон.

— Я заплачу пошлину за этих двоих.

— Благодарю тебя, мой...

Саладин прервал его и повернулся к франку:

— Вы христиане?

— Я — христианин. — Арабский, на котором говорил человек, был таким же нечистым, как камень, но удивительно было слышать родной язык в устах европейца.

— А этот полукровка твой слуга?

— Мой подмастерье, господин. И мой друг.

Саладин пожал плечами. Кого заботит, кому предан этот неверный?

— Что за дело у вас в Яффе?

— Меня послал мой хозяин, чтобы выяснить спрос на лошадей... лошадиное мясо.

— Ты не похож на купца. Возможно, ты воин, судя по одежде, однако у тебя не тупой взгляд. Ты был воином?

— Меня учили воинскому искусству, но я не слишком преуспел в нем.

Кого интересует, что думает неверный о своих достоинствах?

— Хорошо, когда человек знает пределы своих возможностей, — сказал Саладин. — Ты можешь ехать. В Яффу. Узнавай цену на конину.

Мужчина в знак признательности коснулся головой пола шатра, как делают мусульмане на молитве.

— Но запомни, христианин. Ты должен уехать из этой страны до конца года. Весь твой род должен уехать. Сейчас между нами война — последняя война. Мой тебе совет: не покупай молодых лошадей — ты никогда не получишь за них настоящую цену... Ты понял, что я сказал?

— Нет, мой господин, — заикался мужчина.

— Я не буду тебе объяснять. Теперь можешь идти.

Саладин повернулся и дал знак Мустафе. Пора было совершить молитву.

— Живы ли мы, господин Томас? — Бедуины освободили Лео от его старой кобылы, и теперь он раскачивался на спине верблюда, который постоянно старался куснуть его за колени.

Французский конь Амнета был обменян под угрозой оружия на старого верблюда с разбитыми копытами и застарелыми болячками на ногах.

Животное дышало так тяжело, что у Томаса рука не поднималась ускорить движение, стукнув его хорошенько.

— Похоже, живы, — ответил Амнет.

— Я думал, что Саладин назначил цену за каждого тамплиера.

— Да, это так.

— Но он отпустил вас.

— Я же не представился ему.

— Да, но он мог видеть след от креста, который вы спорили с туники. Я заметил, что он очень внимательно его разглядывал.

— Но я вел себя униженно в его шатре, и он решил, что я украл ее. О человеке судят по его делам и разговору, не по одежде. Даже сарацины это понимают.

— Почему он отпустил вас? Кажется, он принял решение после того, как подержал кристалл.

— Ты заметил это, не так ли?

— Я замечаю все, господин. Как вы и учили меня.

— Я усердно молился, чтобы он отпустил нас. Это дар небес, что он не забрал Камень.

— Этот Камень так важен для вас? Почему?

— Ах, Лео! Хватит вопросов. Ты должен оставить мне что-нибудь, чему я еще могу научить тебя.

— Если так, хорошо. Я могу подождать. Но не долго.

— Для чего мы нужны вам? — взревел Роджер, Великий магистр Ордена госпитальеров. Его голос гремел под сводами трапезной.

Собравшиеся рыцари зашумели. До Амнета донеслось: «Слушайте, слушайте!», «Никогда!», «Не хотим!»

— Только сам папа может приказать госпитальерам сражаться, — продолжал Роджер более спокойным тоном. Было ясно, что он чувствует себя обязанным что-то объяснить или оправдываться перед посланцем.

— Это правда, — согласился Амнет, повышая свой голос, чтобы перекрыть шум. — Ваш Орден подчиняется — так же как и мой — только Его Святейшеству. Однако интересы этой страны и короля Ги близки нам.

— Ги связался с Шатильоном и сам лезет дьяволу в пасть. Пусть сам и расхлебывает все это.

— А если Ги не отдаст Шатильона Саладину, что тогда?

— Э? — казалось, Роджер был поражен какой-то новой мыслью.

— Если король Ги поднимет армию франков на битву с Саладином, а Орден госпитальеров не присоединится к нему, — что тогда?

— Тогда Ги окажется в дерьме.

— А если он разобьет сарацин?

— Э?

— Если франки победят, а госпитальеры для этого ничего не сделают, для них это плохо кончится. Десятина будет поступать не столь регулярно. Долги будут выплачиваться не столь быстро. Некоторые поместья, полученные в дар от некоторых королей, могут быть потребованы обратно.

— Это нам не впервой. Мы уже почувствовали тяжесть королевского недовольства.

— А Его Святейшество... он будет улыбаться, как Бог, не вмешиваясь во все это. В конце концов, наш Урбан отнюдь не политик. Он не станет менять свои привязанности из-за гнева королей или золота тех, у кого в руках оказалась власть. Вы так думаете?

— Гм-м... — Казалось, Роджер был поражен новой мыслью. Тишина в зале позади Амнета нарушалась лишь шарканьем сапог по каменным плитам.

— Вы потеряете немного, если король Ги и те, кто выступят с ним, будут побеждены. Конечно, вы сможете удержать собственные позиции в этой варварской стране силой своих мечей. Но если король Ги и принц Рейнальд победят, они будут сильнее, чем прежде, — а разве кто-нибудь будет молить Бога о другом? В этом случае

ваша позиция невмешательства может привести к тому, что ваши позиции ослабнут.

— Ты в этом уверен?

— Я вижу это, как может видеть любой.

— Но, говорят, ты можешь предвидеть будущее. Видел ли ты, с помощью своей магии, исход этого дела?

Амнет помолчал, прежде чем ответить. Перед его глазами всплыло видение: бледное беспощадное лицо с пышными усами...

— У меня нет такой силы, если я понимаю, о чем ты спрашиваешь.

— Это не ответ, Томас Амнет.

— Это единственный ответ, который я могу дать.

— Ты заморочил нам головы своими загадками и предположениями, тамплиер.

— Я просто указал на все ловушки, вытекающие из вашей линии поведения, — и те выгоды, которые станут доступны в том случае, если вы измените свое решение.

— Какие выгоды?

— Госпитальеры и тамплиеры долго были заодно.

— Не так уж они были близки, как ты думаешь.

— Правильно, магистр Роджер, у нас были различия. Но король будет весьма уважать вас, если вы снова поднимете мечи у него на службе.

— Что ты понимаешь под словом «уважать»?

Амнет помолчал. Он был уполномочен делать намеки, но давать прямые обещания — другое дело.

— Если нам удастся отогнать Саладина и его воинов, то появятся новые земли. Поля египетской пшеницы, рудники на Синае, промыслы жемчуга на Красном море...

— И милые сердцу короля Ги тамплиеры получат все самое лучшее, не так ли?

— А разве отец не более старался обрадовать блудного сына, чем того, который остался покорным его воле?

— Еще загадки, Томас! Я могу поклясться, у тебя есть по одной на каждый день недели.

— Мой господин оказывает мне большую честь.

— Достаточно большую, чтобы не спорить с тобой. Мы здесь простые люди. Доблестные воины. Благочести-

вые монахи. Честные купцы. Отнюдь не люди легкомысленных обещаний мечей и случайных союзов, как вы, тамплиеры.

— Но, господин...

— Нет, Томас. Мы поссорились с королем Ги открыто по поводу престолонаследия. Мы не можем похоронить это из-за полей пшеницы и горсти жемчуга.

— Я не имел в виду купить ваше решение, магистр.

— Конечно, нет. Оно не продается. Если король Ги будет разбит в этой священной войне, мы не будем ликовать. Мы не благословляем сарацинскую армию. Но мы не протянем руки для того, чтобы вытащить короля Ги из той ямы, которую гордость Рейнальда вырыла для них обоих... Да и для тебя тоже, если ты заодно с ними.

— Я понял ваш ответ.

— Так как ты верный рыцарь и хорошо служил своему Ордену, я не буду наказывать тебя за то, что ты явился сюда. Ты можешь возвращаться в Иерусалим — если сарацины позволят тебе сделать это.

— Благодарю вас, магистр Роджер.

— Пospеши, Томас. Война на пороге.

ФАЙЛ 04

ХОЛОДНОЕ И ГИБЛОЕ МЕСТО

*Не полнись нежностью, входя под ночи полог —
Прощаясь с солнцем, старость слезы льет,
Ярится гневом тот, чей век уже не долог,
И против смерти света восстает.*

Дилан Томас

На третью ночь Том Гарден начал улавливать ритм бассейна. Ему пришлось понять главное: та женщина, которая не могла здесь подыскать себе отзывчивого мужчину, помимо пианиста, была либо слишком застенчива, либо слишком пьяна. Улыбка или легкое отстраняющее движение бедром или бровью отгоняли ее прочь. Пока он играл, все было в порядке.

Напротив, Тиффани и вторая официантка, Белинда, все время подвергались домогательствам — как со стороны мужчин, так и со стороны женщин. Порой это были ласковые и добродушные атаки, порой грубые. Заняв позицию наблюдателя, Гарден подсчитывал число шлепков, обжиманий и всевозможных запрещенных приемов, которые Тиффани приходилось терпеть на протяжении часа. Но ни одна из девушек ни разу не вскрикнула. Не

грозила им, по всей видимости, и опасность захлебнуться — вполне хватало способности задерживать дыхание на тридцать секунд. После единственной яростной попытки защитить Тиффани в ту первую ночь, попытки, которая была встречена взрывом хохота, Гарден сказал себе, что это не его дело. Но иногда он удивлялся тому, что в воде не видно крови.

Он быстро понял, что в бассейне предпочитают ритмы девяностых годов, медленный рок — это он мог играть часами. Однако посетители желали, чтобы мелодии были озвучены голосами саксофона и гитары, но ни того ни другого клавионика воспроизвести не могла.

Во всяком случае, на первых порах.

Клавионика была полуклассическим инструментом, с помощью несложного программирования удавалось прерывать звучание трубок органа. Он заметил, что труба и виолончель больше всего соответствуют желаемому эффекту. Когда он впервые опробовал это прерывистое звучание, оно было все же весьма далеко, на его слух, от настоящего саксофона и гитары. Но чем больше Гарден играл, приспосабливаясь к клавишам, проигрывая некоторые фразы более уверенно и требовательно, чем обычно, сосредотачиваясь на извлечении звуков, тем больше голоса трубы и виолончели начинали походить на то, что он хотел услышать.

Впервые заметив, что инструмент воспроизводит настоящий сакс и гитару, он решил, что это искажение звука из подводных динамиков. Но подводные динамики работали и раньше, однако ничего похожего не выдавали.

Потом он подумал, что слух подводит его и выдает желаемое за действительное. Но за годы практики его уши были слишком натренированы, чтобы улавливать только то, что делали пальцы.

Наконец он подумал, что электроника шалит от влаги и химикатов, проникших в схему. Но на следующее утро он пришел в бассейн пораньше, перетащил бар с рояля на кафельный борт и вскрыл клавионик. Все платы были в первозданном виде. Он проверил схему своим мультиметром — никаких изменений, за исключением того, что

блок трубы явно воспроизводил резкие перепады саксофона, а виолончель генерировала звучание современных струнных.

В итоге он вынужден был признать тот факт, что инструмент отзывался на его усилия так, как не способен был ни один рояль со своими деревянными панелями, стальными струнами и молоточками. Каким-то образом Том Гарден воздействовал на изменения в электронной схеме клавионики.

Вокруг не было никого, кому можно было бы рассказать об этом чуде. Тому не приходило в голову пригласить Сэнди в бассейн, а она об этом не просила. Что касается Тиффани и Белинды, то им было не до музыки, выбраться бы живыми из ночного праздника вседозволенности.

В бассейне происходили и другие необъяснимые события.

На вторую ночь Гарден обнаружил на доньшке своего стакана оранжевое пятно в толще стекла. Был ли это тот самый стакан, что Сэнди дала ему в гостинице? Трудно было сказать наверняка. Могло быть и так, даже скорее всего. Струйка окрашенного стекла была той же самой формы и оттенка.

Кто приносил ему содовую в ту ночь — Тиффани или Белинда? Кажется, Тиффани... Но они с Сэнди определенно не знакомы.

Мог ли кто-то подсунуть стакан в бар на рояле, в надежде, что он попадет к Гардену? Вряд ли, ведь не меньше сотни таких стаканов в течение ночи ходило здесь по рукам, не считая тех, что вылавливали потом в глубоком конце бассейна. Кроме того, как пианист, Том оказывался первым или вторым клиентом бара. И старался не расставаться потом со своим стаканом, наполнял его, не отходя от рабочего места.

Не прерывая игры, Гарден высвободил одну руку и взял стакан. Повторилось уже знакомое ощущение, словно какой-то разряд или покалывание прошло через все тело. Впечатление было ослаблено водой, движением тел вокруг и отсутствием эффекта неожиданности. Но

покалывание все же дошло до самых кончиков пальцев ног.

Он отхлебнул содовой со льдом и поставил стакан обратно на попиптр. Рука нащупала клавиши и подключилась к ритму.

Хорошо, когда тебя любят.

Или, по крайней мере, присматривают за тобой.

Элиза. Доброе утро. Это Элиза...

Гарден. Здравствуй, куколка. Двести двенадцать, пожалуйста. Это Том Гарден.

Элиза. Привет, Том. Где ты находишься?

Гарден. Все еще в Атлантик-Сити.

Элиза. Судя по голосу, ты немного успокоился.

Гарден. Может быть. Не знаю.

Элиза. Как работа, привык?

Гарден. Ко всему можно привыкнуть.

Элиза. По-прежнему видишь сны?

Гарден. Да.

Элиза. Расскажи мне о своих снах, Том.

Гарден. Последний был дурной. Не то чтобы какой-нибудь странный, а по-настоящему пугающий. Кошмар.

Элиза. Опиши, пожалуйста.

Гарден. Это всего-навсего сон. Я думал вы, киберпсихиатры, не занимаетесь фрейдистским анализом. Так почему...

Элиза. Ты сам сказал, что люди пытались проникнуть в твой разум. Это могут быть не совсем сны, особенно если они возникают при пробуждении.

Гарден. Но они повторяются и ночью тоже.

Элиза. Разумеется, остаточный опыт. У тебя когда-нибудь бывало *deja vu*, такое чувство, что ты что-то уже видел?

Гарден. Конечно, у каждого бывает.

Элиза. Это чувство узнаваемости на самом деле — химическая ошибка мозга. Разум моментально интерпре-

тирует новый опыт так, будто он уже хранится в памяти. Ведь через мозг волнами проходят триллионы синапсов, и вполне вероятно, что некоторые из них, определенный процент, окажутся ошибочными.

Гарден. Какое отношение это имеет к моим снам?

Элиза. Сны, *deja vu*, галлюцинации, увиденное мельком — все это узорная пелена, которой рассеянный ум пытается смягчить непредвиденность опыта. То, что ты на самом деле однажды видел, скорее вспомнится тебе наяву, чем приснится.

Гарден. Но эти сны нереальны! Это *jamais vu*, никогда не виденное.

Элиза. Реальность, как говорил мой первый программист, — это многоцветное покрывало. Тысяча синапсов образуют почти случайный узор — вот что такое реальность.

Гарден. Почти случайный?

Элиза. Расскажи мне о своем сне, Том. О последнем сне.

Гарден. Ну хорошо... Знаешь, он начался с другого события. Будто я играю в солдатском клубе, перед пилотами воздушной кавалерии, которые во время войны принимали участие в боевых действиях в Сан-Луисе и Свободном штате Рио-Гранде. Я импровизировал на тему одной из их маршевых песен — наполовину английской, наполовину испанской — о втором взятии Аламо. Внезапно между двумя клавишами я увидел металлический проблеск. Это был блеск шпаги, разрезающей воздух.

— Это подлинник, лейтенант, — Мадден Вишо говорила, не выходя из-за прилавка. — Я продаю только подлинники, происхождение которых доказано.

Мадам Вишо еще неплохо бы смотрелась, подумал лейтенант морской пехоты Роджер Кортней, если только приодеть ее. Убрать эту белую блузку в оборочках и пыльного цвета юбку из тафты, какие носили в десятых

и двадцатых годах, в эпоху, когда во французских колониях одевались по парижской моде девяностых. Надеть бы на нее что-нибудь более модное, возможно нечто азиатское, вроде тех узких ярких шелковых платьев с разрезом до бедер, которые носят сайгонские девушки в барах. Нечто такое, что двигалось бы вместе с ней. На такой женщине, как мадам Вишо, с ее формами, светлыми волосами и почти нордическим типом лица это смотрелось бы просто...

— Эта шпага — подлинник эпохи Наполеона, лейтенант. Офицерская модель, скопированная с римского «гладиуса» — короткого колющего меча.

Кортней сделал несколько пробных взмахов плоской, почти лишенной рукоятки шпагой. Он попытался покачать ее, чтобы определить центр тяжести, как его учили на уроках фехтования. Однако точка равновесия была расположена неправильно. Широкое плоское прямое лезвие, острое, как охотничий нож, покачавшись на руке, упало налево. Казалось, оно хотело рассечь ему колено и почти рассекло.

— Что-то здесь неправильно.

— Гладиусы предназначались для более миниатюрных мужчин, — сказала она своим сухим учительским голосом. Он подумал, что она даже не взглянула бы, если бы он порезался. — В наше время, когда мужчины стали крупнее почти по всем параметрам, кому-то это оружие может показаться неподходящим.

— Как бы то ни было, я ишу несколько более...

— Попробуйте «гейдельберг», четвертый слева на последнем столе. Это дуэльный клинок, шпага более современного дизайна.

— Современного? Так...

Кортней поднял длинный стальной хлыст, у основания не толще мизинца. Эфес был защищен плоской корзинкой из стальных пластинок. На рукоятке что-то прощупывалось...

— Ого! Это бриллианты?

— Горный хрусталь, лейтенант. Это благородная шпага, скромно украшенная.

Он сжал унизанную кристаллами рукоятку и поднял шпагу, длинную и гибкую. Отойдя в проход между столами, он занял позицию en garde.

Сталь была достаточно упругой, чтобы не изгибаться в горизонтальном положении, когда лезвие клинка было расположено вертикально. Он попытался уравновесить шпагу, и это ему сразу же удалось. Баланс был идеален для его руки.

Кортней вскинул шпагу в салюте и — ах! Острая грань одного из кристаллов впиалась ему в руку, расцарапав большой палец.

— Что случилось? — спросила мадам Вишо.

— Порезался, — ответил он с туповатым видом, облизывая ранку. Она кровоточила сильнее обычного. Кортней меланхолично подумал о странных грибках и бактериях, которые несомненно водятся в такой влажной стране, как Вьетнам.

— Вы, американцы, иногда совсем как дети. Если вы порезались шпагой, лейтенант, я за это не отвечаю.

Но Кортней пропустил ее слова мимо ушей. Он рассматривал кристаллы на рукоятке, отыскивая следы грязи, которые могли бы ему что-то объяснить.

Вот оно!

Одна из граней была запачкана чем-то бурым, словно засохшей кровью. Очевидно, этот проклятый кусочек стекла много лет назад нашел точно таким же образом другую жертву.

Кортней последний раз лизнул палец и левой рукой положил шпагу обратно на стол.

— Покупаете, лейтенант?

— Я думаю... А сколько стоит римский меч?

— Сорок тысяч донгов.

— Это будет — ага — четыреста долларов! Слишком дорого за то, чтобы украсить гостиную какой-то безделушкой.

— Я продаю только подлинные вещи, лейтенант.

— Ну что же, думаю, в другой раз, мэ.

— Как угодно. Пожалуйста, прикройте дверь плотнее, когда будете выходить.

— Да, мэм. Спасибо.

Тяжелое «твок-твок» вертолетного винта разбивало воздух вокруг кабины и отдавалось в шлемофоне Кортнея. Внизу за бортом темным пологом колыхались джунгли.

Три команды его взвода разместились в вертолетах, хотя гораздо проще было бы проехать эти тридцать километров в грузовике. Грузовики, однако, подвергались постоянной опасности нападения, даже на улицах Сайгона, где крестьянские парни на велосипедах везли за плечами невинный на первый взгляд груз, похожий на мешок риса или бочонок пива. На вертолет можно было напасть только на базе при взлете или при посадке, когда солдаты выпрыгивали из кабины. Смерть ждала повсюду.

Кортней прокрутил в уме посадку. Четыре вертолета по двое зайдут на посадку на пересохшее рисовое поле, поливая все вокруг пулеметным огнем. Он надеялся, что лопасти винта поднимут достаточно пыли для того, чтобы те, кто, возможно, прячется за дамбами, не смогли как следует прицелиться. Немного пыли за воротником лучше, чем круглая дырочка в голове.

Они приземлились и побежали, подгоняемые волнами воздуха, под защиту деревьев. Как правило, это было неразумно, ибо автоматчики СВА любили прятаться в кронах деревьев. Но не в этот раз. Из приказа Кортней знал, что именно среди этих деревьев расположен командный пункт его полковника — или, по крайней мере, был расположен на 6.00 сегодняшнего утра.

Когда из кустарника высунулась белая рука и указала им налево, он понял, что данная лесополоса все еще удерживается американцами. Он оставил своих людей в пологой низине и отправился на КП вслед за майором, у которого стрелки на форменных брюках были отупоженны, как лезвия ножей, а блеск начищенных ботинок проступал даже сквозь слой красной пыли.

Командный пункт представлял собой восьмиместную палатку, стоящую на твердой, как камень, почве. Веревки были привязаны к трем булыжникам и к скалам, а не к колышкам, вбитым в землю. Перед палаткой полковник Робертс склонился над походным столом с разложенной на нем топографической картой. Когда Кортней и майор приблизились, он поднял голову.

— Майор Бенсон, вернитесь и попросите людей лейтенанта соблюдать тишину.

— Есть, сэр, — майор кивнул и удалился той же дорогой, что и пришел.

Кортней отсалютовал полковнику и застыл по стойке «смирно». Его форма была в разводах от пота и грязи. Зеленое нейлоновое покрытие ботинок не видело щетки уже несколько дней.

— Вольно, лейтенант. Мы же не на базе.

— Да, сэр. То есть нет, сэр.

— Как по-вашему, сколько северных вьетнамцев находится в данном секторе?

— Ну, судя по тому, сэр, что наши люди рассеяны по территории и до сих пор не было перестрелок, я полагаю, противник отсутствует.

— Да что вы говорите, лейтенант? А если я вам скажу, что, по данным разведки, вчера на 18.00 в радиусе трехсот метров здесь располагался штаб батальона СВА и пять подразделений регулярной армии?

Кортней оглядел мирные деревья, пышные заросли кустарников, слежавшуюся грязь, потревоженную только американскими ботинками.

— Я бы тогда сказал, полковник, что, может быть, они все вымерли.

— Они все на месте, лейтенант. По крайней мере, по нашим сведениям.

— Прошу прощения, сэр, может быть, тогда вам лучше отойти в тень, а то солнце напекло вам голову?

— Не смешно, лейтенант. Примите все, что я вам сказал, за истинную правду, что тогда?

— Если только вас не обманывают, сэр, то я бы сказал, что Чарли и его Большой Брат научились либо летать, либо зарываться в землю, как кроты.

— Очень хорошо, сынок. Посмотри внимательнее на эту карту. Крестиками помечены определенные аномалии, замеченные моими людьми в зарослях.

— Аномалии, сэр?

— Кротовые норы.

— Да, сэр. Если мне будет позволено спросить, зачем полковник все это рассказывает?

— Потому что я хочу, чтобы ваш взвод имел честь первым спуститься в эти норы и... рассказать мне, что вы там обнаружите.

— Да, сэр. Спасибо, сэр.

Кортней разглядывал ровную окружность на земле, плотно прикрытую люком из тяжелых досок.

Люк был достаточно крепок, чтобы выдержать обычный обстрел из пушек или гранатометов, словом, все, за исключением прямого попадания артиллерийского снаряда. Петлями служили четыре полосы, вырезанные из старого протектора, они были прибиты гвоздями к люку, словно четыре пальца. С другой стороны полосы были зарыты в землю и закреплены бамбуковыми палками. Люк был замаскирован вырванными с корнем кустами, которые высохли, почернели и почти скрыли люк. Но местным растениям, привыкшим укореняться на тончайшем слое почвы, было достаточно пыли, которая припорошила доски. Лишь небольшой дождь был нужен для того, чтобы сделать люк полностью невидимым.

Лаз под люком был примерно метр в диаметре. Шахта уходила вниз под углом в сорок пять градусов; таким образом, у нее можно было определить пол и потолок. Стены были ровные, словно цементные, утрамбованные и разглаженные ладонями и коленями, плечами и спинами.

Кортней направил луч фонарика вдоль шахты.

Ничего.

Он лег на живот, опустил голову в лаз и заслонил руками и плечами солнечный свет, пробивающийся сквозь

верхушки деревьев. Когда глаза привыкли к темноте, он опять включил фонарик, слегка прикрывая луч пальцами, чтобы приглушить свет.

По-прежнему ничего.

Он выключил фонарь, отполз на твердую землю, перекатился на спину и сел.

— Не хотите ли вы сказать, что он бездонный, лейтенант? — спросил сержант Гиббонс.

— Может, он доходит до Америки, — пошутил рядовой Уильямс.

— Если так, — отозвался Кортней, — то мы подкатим гранату прямо к крыльцу вашей мамочки.

Он протянул руку, и Гиббонс вложил в нее осколочную гранату.

— Знаете ли, сэр, — сказал сержант, поеживаясь, — после того как вы ее бросите, те внизу, кем бы они ни были, догадаются, что мы здесь. А когда нам придется за ними спускаться, они могут прямо с ума сойти от этого.

— Эта мысль и ко мне на ум приходила. Но я просто хочу их предупредить, чтобы пригнули головы.

Кортней выдернул чеку и пустил гранату вниз по склону шахты, словно мячик, так, чтобы она откатилась подальше, прежде чем ударится о что-нибудь твердое. Все отпрянули от лаза, опасаясь взрывной волны.

Ба-бах!

Земля под ними слегка вздрогнула. Спустя десять секунд из отверстия вырвался клуб красной пыли.

— Есть кто дома? — спросил рядовой Джекобс.

— Похоже, кому-то все-таки придется спускаться, — сказал Кортней, поднимаясь с земли. — Кто здесь самый маленький?

Он оглядел солдат.

— Ну что же, — вздохнул он, — наверное, это я.

— Мы будем вас прикрывать, лейтенант.

— Каждый ваш шаг, сэр.

— Конечно, — сказал он, отважно улыбаясь. — Только не толкайтесь, когда вам захочется попасть туда первыми.

У Кортнея не было опыта в передвижении по туннелям; в то время американцы во Вьетнаме еще не приобрели его. Но он не страдал клаустрофобией, как другие. Кроме того, он был уверен в своих боевых навыках: немного дзюдо; мастерское владение двойными палочками; разумеется, фехтование, а также его бедная родственница, драка на ножах, которую он освоил на ночных улицах Филадельфии. Ему казалось, что его скорее ждет молчаливая рукопашная схватка в темном замкнутом пространстве, нежели открытая стрельба.

Кортней тщательно проверил свое обмундирование: высокие ботинки плотно прижимали брюки к ногам, чтобы мышцы и пауки не забрались под одежду; хотя, подумал он, если там внизу целый батальон СВА, мышцы давно уже съедены. Из оружия он взял свой офицерский пистолет и заткнул его сзади за плетеный пояс, чтобы кобура не хлопала по бокам. В левой руке он зажал фонарь с запасом свежих батареек. Им он собирался только слепить противника в экстренных случаях; большую часть пути в туннеле он намеревался пробираться на ощупь, как это, без сомнения, делал Чарли. В правой руке он держал длинный морской кортик с матово-черным лезвием и грубой, обклеенной кожей рукояткой. Такая рукоятка не выскользнет, как бы ни вспотела рука. Он держал кортик наискосок, как фехтовальщик держит эфес шпаги; так ему было привычнее, и он мог маневрировать клинком. Наконец он взял моток веревки, обвязал ее вокруг груди и пропустил сзади под ремень, но так, чтобы она не цеплялась за пистолет.

— Один раз дерну — значит отпустить веревку еще немного. Два раза — тащите меня назад, — сказал он Гиббонсу. — Пожалуй, это все, что мы можем друг другу сказать, ведь верно?

— Да, сэр.

— Сколько там? Двадцать пять метров?

— Да, сэр.

— Больше и не понадобится. Если увидите, что надо уже второй моток привязывать, дерните два раза, я тогда

остановлюсь, а то как бы мне не утащить за собой пустой конец. Все ясно?

— Да, сэр. — Гиббонс и все остальные как-то странно притихли. Ни шуточек. Ни приколов.

Кортней оглядел поляну с островками зелени и золотыми солнечными пятнами. Он глубоко вздохнул, словно собирался нырнуть, затем опустился на колени перед лазом и пополз было вперед.

— Сэр! Подождите!

Кортней замер перед черной пастью, обернулся и увидел бегущего к ним невысокого плотного человека. На нем была форма с черными полосками рядового, именная нашивка на груди гласила: «Бушон». Форма на нем сидела как-то своеобразно, как будто это был театральный костюм, а не одежда, которую не снимают месяцами. И в самом деле, пятна камуфляжа на штанах и рубашке были четкими и яркими, словно эти вещи только что вынули из коробки и ни разу не стирали. У него были пулемет М-60 и пулеметные ленты крест-накрест через грудь, и все это он нес легко, словно пластмассовые игрушки, несмотря на душную тропическую жару.

— Да? В чем дело, рядовой?

— Полковник сказал, чтобы я спустился туда, сэр. У меня есть опыт в этом деле.

Кортней оглядел прибывшего критическим взглядом. Эти плечи были чуть ли не в метр шириной. Спускаясь по туннелю, он застрянет там, как пробка в бутылке. И вообще, как американец может иметь опыт передвижения в этих норах? Они ведь только что обнаружены.

— Нет, рядовой Бушон. Я ценю вашу храбрость, но спуститься туда — моя обязанность.

— Нет, не ваша.

— Что вы сказали?

— Это не ваша обязанность, сэр.

— Это еще почему?

Незнакомец не моргнув выдержал тяжелый взгляд офицера.

— Вы слишком ценный человек, сэр, вас нельзя терять. Это приказ полковника, сэр.

Кортней задумался. Человек этот прибежал с запада, хотя командный пункт находился на востоке. И заросли тут были не настолько густы, чтобы делать такой крюк.

— Сержант Гиббонс, достаньте еще одну веревку, — и, обернувшись к Бушону: — Поскольку полковник Робертс так беспокоится о моей безопасности, вы пойдете со мной, будете прикрывать меня сзади.

Ни улыбкой, ни каким-либо иным образом человек не выразил своего облегчения, он просто кивнул: «Есть, сэр».

Через минуту Бушон освободился от пулемета и лент, получил нож, фонарик и офицерский пистолет, засунув его сзади за ремень.

— Ну, двинулись. — Кортней опустил на четвереньки и пополз.

Через два метра от входа их тела заслонили солнечный свет, лишь редкие лучи проникали между ногами или из-под подбородка. Кортней понял, что спину и плечи приходится использовать как тормоза, упираясь в потолок, чтобы облегчить нагрузку на запястья и ладони. Он сразу же заткнул нож и фонарь за пояс, чтобы освободить руки. Было бы даже быстрее, подумал Кортней, развернуться и скользить вниз задом наперед. Вот только никто не взялся бы предсказать, во что можно таким образом упереться.

Комочки твердой почвы падали с потолка им на спины, за уши, на лица и прыгали вниз по крутому склону шахты. Эти скачущие комки гораздо надежнее предупреждают тех, кто внизу, о вторжении, чем граната. Но уж с этим ничего не поделаешь. Если не тормозить спиной о потолок, их путешествие превратится в беспомощное скольжение вниз по склону, все быстрее и быстрее, прямо в руки тех, кто там ждет.

Через пятьдесят «шагов» — Кортней измерял их коленями и прикидывал, что это половина обычного шага, или около трети метра, — он опустил голову и, глядя между ног, обратился к Бушону:

— Давай передохнем и оглядимся.

Ответом было тяжелое мычание.

Упершись рукой в склон, он вытянул правую ногу, используя ее как распорку, и прижал подошву ботинка к противоположной стене. Бушон последовал его примеру. Их горячее дыхание наполнило туннель.

— Здесь внизу воздух становится прохладнее.

— Нет, не заметно, — сказал Бушон, понизив голос.

— Стены сухие. Такое не ожидаешь увидеть так близко от дельты и практически под рисовым полем.

— В СВА кто-то хорошо знает гражданское строительство. Этот комплекс должен быть оснащен дренажными туннелями и вентиляционными шахтами. Не удивлюсь, если поверхность нашего лаза покрыта сырым цементом или, в крайнем случае, глиной.

— И заглажена руками?

— Здесь все и вырыто, и отделано руками. Тяжелое оборудование тут не годится, верно, лейтенант?

— Да, верно... Ну, поехали дальше.

Еще через двадцать пять шагов они оказались у развилки. Главный туннель, по которому они двигались, становился горизонтальным, вниз от него отходила боковая шахта под углом сорок пять градусов. Они выбрали горизонтальный проход, больше от усталости, чем из каких-либо других соображений.

Туннель шел прямо еще метра три и упирался в дверь из гладкого дерева. Доски были так плотно пригнаны, что Кортней не смог воткнуть в щели даже кончик своего кортика.

Он прижался к двери ухом и прислушался.

Ничего.

— Здесь тупик, — сказал Кортней тихо.

— Или, — промычал Бушон, — кто-то там сидит, задержав дыхание, и тихонечко так взводит курок, сэр.

— Правда... Давай другой путь попробуем.

Они отползли назад к боковому туннелю, осторожно наматывая свои путеводные веревки. Кортней взглянул вверх, туда, откуда они спустились, ожидая увидеть освещенный круг входного отверстия в двадцати пяти метрах над ними.

Но там не было ничего, кроме черноты.

— Что-то я не вижу дневного света.

— Наверное, один из ваших людей наклонился над дыркой, вслушивается или пытается нас разглядеть.

— Может, ты и прав.

Кортней размял пальцы и потряс руками, готовясь к дальнейшему спуску. Интересно, устал ли Бушон? Темпа он пока не снижал. Неужели они прошли всего двадцать пять метров? Кажется, что гораздо больше.

Еще через двадцать пять метров по боковому туннелю их ждала следующая развилка. Это была классическая буква «игрек», левая шахта уходила вниз под тем же углом в сорок пять градусов, правая слегка поднималась вверх.

— Одна вниз, одна вверх. Какую бы ты выбрал, Бушон?

— Нижняя скорее всего приведет нас либо к людям, либо к подземным водам. Верхняя может вывести на поверхность. Смотря что мы здесь ищем — драку или выход из положения.

— Мы должны здесь разглядеть то, что сможем увидеть, я так понимаю.

— Ну разглядим — и что дальше?

— Мы должны понять, что хотят те, кто все это вырыл. Мы сейчас находимся, — он решил в уме теорему Пифагора, — на глубине тридцати метров. И видим все время гладкие туннели без опор или креплений. Чтобы это все не осыпалось, несомненно, потребовалось тщательное планирование плюс исключительное знание особенностей местной почвы. Работы здесь велись очень долго.

— Да, сэр.

— Ты что, знал об этом?

— Так ведь нетрудно догадаться, сэр.

— Хм-м, — вычисления напомнили Кортнею кое о чем. — Гиббонс же забыл посигналить, когда привязывал другую веревку! Надо проверить, как они там, просто чтобы были начеку.

Кортней повернулся и сильно дернул свою веревку. Она зазмеилась вниз в каскаде земляных комков.

— Гиббонс слишком ослабил веревку, — решил он. — Попробуй свою.

Бушон старательно дернул. Длинная петля скатилась вниз и легла у его ног.

— Что такое? — Кортней потянул еще, натяжения по-прежнему не было. Он начал выбирать веревку, та скользила все быстрее, и наконец, метров через пятнадцать, он почувствовал, что другой конец проскользнул сквозь его пальцы. Вережка была перерезана чем-то острым.

Стены туннеля словно сдвинулись.

Бушон протянул руку в темноте и нащупал конец веревки Кортнея.

— Надо выбираться отсюда, сэр, — мягко сказал он. — Немедленно.

Кортней вздохнул, положил руку ему на плечо и слегка подтолкнул.

— Ты будешь возглавлять отступление.

Они начали карабкаться по склону. Это была нелегкая работа, особенно неприятно было то, что колени скользили по тонкому материалу форменных брюк. Внезапно Бушон остановился. Кортней наткнулся руками на его подошвы.

— Что такое?

— Здесь развилка. Три ответвления. Все три идут вверх под одним углом.

— Наверное, по одному из них мы спускались, а боковых ходов не заметили.

— Да, сэр.

— Зажги фонарик, может, разглядишь следы от мысков американских ботинок или еще что-нибудь в одном из туннелей.

Он услышал щелчок выключателя, увидел отблески света из-за массивного тела Бушона. Тот ощупывал и даже вроде обнюхивал пол туннеля.

— Ничего не могу сказать, лейтенант, — свет погас.

— Тебе не кажется, что мы спускались по среднему туннелю? Ведь это логично. Если бы мы шли по левому или по правому, мы бы обязательно заметили широкое

место с одного боку, там, где два других туннеля соединяются с нашим.

Бушон ничего не ответил.

— Ну разве не так?

— Да, возможно, сэр. Но мне не хотелось бы ставить вашу жизнь, или свою, в зависимость от таких предположений.

— Все равно надо выбирать, рядовой. Поскольку нам ничего больше не остается, пойдем по среднему.

— Как скажете, сэр.

Бушон опять пополз. Так они продвинулись на пятнадцать или двадцать метров. Тут пол опять становился горизонтальным. Было ли это на уровне деревянной двери — там, где боковой лаз отходил от главного туннеля? Кортней прикинул расстояние, но в темноте все это было очень субъективно. Он постарался убедить себя, что выбор был неправильным и надо повернуть обратно к тройной развилке. Но когда туннель пошел вниз, он уже знал, что ошибается.

— Послушайте, рядовой...

И тут Бушон исчез прямо перед Кортнеем. Какие-то мгновения его ботинки и колени скреблись по твердой земле, затем все исчезло. Раздалось только изумленное мычание и потом — долгих две секунды спустя — тяжелый звук падения.

— Рядовой! Бушон!

Кортней включил свой фонарь и осмотрел пол туннеля перед собой. Круглое черное отверстие занимало весь пол от стены до стены. Он склонился над отверстием и посветил вниз. Короткая вертикальная шахта быстро переходила в широкое открытое пространство. Далеко внизу, там, где луч становился совсем рассеянным, виднелись зеленые армейские ботинки. Он повел луч вдоль неестественно изогнутой ноги, разглядел неподвижный торс.

— Бушон!

— Здесь, лейтенант. Лучше не кричать. Я нахожусь в каком-то помещении, подо мной что-то вроде стола или платформы.

— Можешь встать?

— Только не на эту ногу.

— У меня есть веревка. Я могу тебе бросить, но ее не к чему привязать. Там нет ничего, что можно было бы перебросить через дырку? Ножка стула? Какая-нибудь доска? Ну что-нибудь?

Луч фонарика Бушона начал шарить вокруг. Глядя в шахту, Кортней мог видеть только короткий отрезок этого луча, то, что он освещал, оставалось скрытым.

— Ничего такого, сэр.

— Если ты откатишься в сторону, я спрыгну вниз и помогу тебе.

— Будет гораздо полезнее, сэр, если вы вернетесь к развилке, попробуете один из оставшихся туннелей и выберетесь на поверхность.

— Ерунда, я же не могу тебя бросить.

— Так ведь выбора нет, лейтенант. Даже если вы найдете доску, перебросите ее через отверстие и спуститесь, чтобы обвязать меня веревкой, вам все равно не удастся вытянуть меня наверх. Нет места для подъема и маневра.

— Я спущусь к тебе, и мы вместе найдем выход с того уровня, на котором находится это помещение.

— Здесь можно месяцами плутать, сэр.

— Это все твои домыслы.

— Ничего себе домыслы!

— Отползи в сторону. Я прыгаю.

Прежде чем рядовой успел возразить, Кортней спустил ноги в отверстие и спрыгнул.

Он слышал, как Бушон с резким выдохом отпрянул в сторону, чтобы Кортней не приземлился прямо на него. Стол, или что это там было, затрещал под ударом армейских подошв.

— Черт возьми!

Кортней посветил фонариком кругом. Бледно-зеленые стены, все в каких-то складках, словно ткань. На стенах блестящие точки, возможно, кнопки. И кругом что-то двигается, шевелится, словно какие-то бледные рыбы. Это руки. Руки, сжимающие приклады ружей и рукоятки

ножей. И снова блеск, блеск множества глаз, устремленных на двух американцев.

Бушон со стоном поднялся и встал на здоровую ногу, чтобы прикрыть лейтенанта со спины. Кортней бросил взгляд через плечо. Человек стоял в борцовской позе, раздвинув руки, одну ногу согнув в колене, другую отставив в сторону. Кортик Бушона, очевидно, потерялся при падении, но сейчас в руке у него был смертоносный стилет с узким треугольным лезвием. Он держал его рукояткой вниз, острый кончик ножа был вздернут в поисках жертвы.

Кортней сжал свой кортик в левой руке, а правой достал пистолет.

— На этот раз не удастся уберечь меня от драки, а, рядовой?

— Видит Бог, я старался, сэр.

Выстрел Кортнея прозвучал оглушительно в закрытом пространстве.

Но ответный залп был еще громче.

Незадолго до второго антракта, около двух часов ночи, какой-то человек начал околачиваться у Гардена за спиной, барахтался в воде, разглядывал руки Тома на клавиатуре. К этому времени страсти в бассейне поостыли, выпивка расходилась вяло.

Человек, кажется, вообще не пил.

— Это трудно? — спросил он, понаблюдав за игрой Тома несколько минут.

— Что? — переспросил Гарден через плечо, не прерывая игры.

— Ну вот так играть с привязанными кистями.

— Приходится привязывать. Иначе они будут всплывать на поверхность. Нужно преодолевать сопротивление воды. А это сбивает с ритма.

— А как вы извлекаете высокие и низкие ноты?

— Ремешки скользят под клавиатурой вперед и назад. Понимаете?

— Да. Но вы же не можете отойти куда-нибудь или, скажем, задницу почесать, верно?

Гарден засмеялся:

— Да, сложновато.

— Хорошо.

И тут Том почувствовал острие ножа прямо над правой почкой. Оно вдавилось довольно глубоко, может быть, даже проткнуло кожу до крови.

— Как вы пронесли сюда оружие?

— А кто сказал, что у меня оружие?

— Что же там такое?

— Осколок стекла. Каждую ночь здесь разбивается множество стаканов, и осколки скапливаются в глубоком конце бассейна. Вы должны быть осторожны. Ведь и посетитель может порезаться.

— Или пианист.

— Хорошая мысль.

— Так чего вы хотите? Убить меня? Убить меня в другом месте?

— Я хочу, чтобы ты пошел со мной. Тихонечко. Как будто мы старые приятели. И помни, что я могу изуродовать тебя этим осколком стекла или голыми руками, если придется.

— Охотно верю.

— А теперь закрутляйся.

Гарден довел мелодию до заключительных аккордов, отхлебнул содовой и поспешно проиграл финал. Никто в бассейне не заметил, как он скомкал песню. Когда он выключал клавишнику, Тиффани взглянула на него от бара.

Том улыбнулся ей и деликатно зевнул.

Она оглянулась и понимающе кивнула.

Он высвободил руки из ремешков.

Нож углубился еще на полсантиметра, возможно, нащупывая промежуток между ребрами.

Гарден отбросил мысль о физическом сопротивлении.

— Надо зайти в комнату за моей одеждой.

— У меня в раздевалке есть кое-что подходящее для тебя.

— Как предусмотрительно!

В одежде, запасенной похитителем, разумеется, не было тех маленьких удобных вещичек, которые Том Гарден начал носить с собой последние две недели: два ярда тонкой проволоки, игла для сшивания парусов, обломок бритвенного лезвия и кусок кости вместо рукоятки. Такой мусор не потревожит металлодетектор в аэропорту, да и наличие его в карманах у мужчины теоретически объяснимо. Как ни бесполезны были эти предметы, они давали ему возможность сколько угодно фантазировать на тему самообороны. Набил карманы хламом — и почувствовал уверенность в себе.

Гарден первым вылез из бассейна. Он наскоро прокрутил в уме возможность заднего удара в пах конвоиру. Насколько его противник готов к подобным движениям? Воображение Тома внезапно заполнило видение острого осколка, разрезающего его икру от лодыжки до колена. На поврежденной ноге далеко не убежишь.

Помогут ли ему Тиффани или Белинда? Измученные после ночной работы? Отделенные от него пятью метрами вязкой воды?

Человек мог вытащить Тома Гардена из бассейна под мышкой, никто и бровью не повел бы. Том и сам не раз видел такие сцены каждую ночь, но не вмешивался.

Он шел тихо.

В раздевалке человек, не выпуская из рук своего стеклянного ножа, указал на шкафчик с торчащим ключом.

Там Гарден нашел все вплоть до нижнего белья. Вещи были простые, но добротные: брюки и носки из хорошей шерсти, льняная рубашка, галстук чуть ли не из натурального шелка, кожаные ботинки — анахронизм, который даже итальянцы не практиковали уже лет сорок. В шкафу не было ничего синтетического.

Нашел он и толстое махровое полотенце — чистый хлопок, — чтобы стереть силиконовую смазку. Похититель предусмотрел все.

Похитители, поправил себя Том, когда еще двое вошли в раздевалку и, вместо того чтобы удивиться странным взаимоотношениям двух посетителей, стали невозмутимо ждать.

Гарден вытерся как можно чище и оделся. Все вещи, вплоть до ботинок, были ему точно впору.

— Куда мы идем?

— Вниз, на причал. Нас ждет лодка.

— Вы не собираетесь завязывать мне глаза или еще что-то в этом роде?

— В этом нет нужды.

Скверно. Человеку завязывают глаза, если намереваются его отпустить, чтобы он впоследствии не узнал похитителей или дорогу. Если же глаза не завязывают, значит, не рассчитывают больше иметь с ним дела.

У причала покачивалась турбинная лодка, наподобие тех, какие до сих пор иногда используют контрабандисты. Корпус ее был метров пятнадцать в длину и пять в ширину, но над водой он поднимался всего на полметра, за исключением центральной части палубы, где алюминиевая обшивка возвышалась над туннелем, где проходила водосбросная труба реактивного двигателя. По обе стороны туннеля были две длинные открытые кабины, почти такие же узкие, как в реактивном истребителе. Справа был расположен пульт управления.

Два незнакомца перелезли через двигатель на правую сторону; Том и его первый похититель спустились к левой кабине. Это была разумная предосторожность: даже если бы он одолел человека с ножом, ему пришлось бы перелезть через туннель двигателя, чтобы добраться до управления катером. При скорости сто километров в час едва ли можно удержаться на гладкой обшивке. Гарден был бы просто сметен назад, изрезан острым краем руля, отброшен реактивной струей и разбит о поверхность воды, которая при такой скорости приобретает плотность цемента.

Почему он просто не бросился за борт, пока судно двигалось достаточно медленно? Да потому что похититель швырнул Гардена на переднее сиденье и пристег-

нул его ремнем безопасности. Легко расстегивающаяся пряжка была заменена висячим замком.

После этого Гарден поостыл и приготовился к захватывающей поездке.

— Том?

Внутренние часы, отрегулированные годами кочевой жизни, сказали Александре, что Том Гарден должен был уже закончить свое последнее выступление и в данный момент укладываться в постель. На самом деле — она сверилась с часами на ночном столике — он опаздывал на двенадцать минут.

Неужели болтает в баре с какой-нибудь посетительницей или с одной из этих симпатичных официанток? После ночи в бассейне — едва ли.

Может, где-нибудь на берегу сентиментально беседует с луной? С голой задницей, прикрывшись от ветра только слоем смазки? А если бы он пришел в комнату за одеждой, она бы слышала.

Александра мгновенно стряхнула остатки сна.

Можно было обыскать корабль. Хасан обеспечил бы силовую поддержку. Но это потребует времени. Сначала нужно исчерпать собственные ресурсы.

Она открыла шкаф, вытащила свой чемодан и перерыла белье. Поисковое устройство представляло собой чистую квадратную стеклянную пластинку со стороной пятнадцать сантиметров. Электронная схема, антенна и источник питания были вделаны в изящную рамку, обрамлявшую стекло.

Сюда, в комнату, с шести сторон окруженную стальной арматурой, никакой сигнал не прошел бы. Александра накинула платье, впрыгнула в шлепанцы и выбежала в коридор. Она повернула направо к лестнице на прогулочную палубу. Оттуда поднялась на мостик. Поскольку «Холидей Халл» был дрейфующим судном, погружающимся в ил при отливах, вахты здесь не выставляли, и ей не пришлось объясняться с дежурными.

На мостике, стоя перед сломанным ящиком для судового компаса и безжизненным машинным телеграфом, она немного помедлила, прежде чем включить устройство.

Это можно было сделать только один раз. Прибор пошлет электромагнитный сигнал, тот достигнет крошечной радиокапсулы, которую она давным-давно вживила Гардену под кожу во время грубоватой любовной игры. После активизации капсула начнет излучать сигнал частотой в 10,22 мегагерца в радиусе около шестидесяти километров. Капсула проработает девять часов; после этого Гарден будет потерян.

Александра медленно выдохнула и нажала контакт.

На пластинке зажглась электролюминесцентная сетка, определяющая расстояния по шкале с точностью до десяти метров. Она дала встроенному компасу установиться, пока луч пеленгатора нащупывал ответный сигнал Тома.

Крошечная оранжевая бусинка возникла на самом краю сетки и замигала.

Она быстро изменила масштаб на сто метров в одном делении. Бусинка проявилась ярче, двигаясь на северо-восток с большой скоростью.

Александра подняла глаза и определила направление.

Ничего... Ничего... Затем она разглядела вдалеке прогулочный катер, оставивший за собой узкую белую полосу, словно процарапанную булавкой на антрацитово-черной поверхности моря. Судно несло в том же направлении, что и ее люминесцентная точка.

Осторожно зафиксировав пеленгатор, чтобы он не терял сигнала, Александра пошла вниз одеться и позвонить Хасану.

Лодка оказалась устойчивее, чем предполагал Гарден.

Набрав скорость, она приподнялась над водой. Киль не просто скользил по волнам, но держался на добрый метр выше их. Это было не похоже на воздушную подушку, скорее подводные крылья. Том прикинул, что

максимальная скорость, с которой они шли, превышала двести километров в час.

Высокая темная скала «Холидей Халл» осталась далеко позади, огни небоскребов Атлантик-Сити покачивались за левым плечом. Катер направлялся в океан, прибрежная рябь сменялась волнением открытого моря.

— Куда мы плывем? — спросил он, пытаясь перекричать невозможный визг турбины. — На Бермуды?

— Поближе.

Вот и все, что он услышал в ответ.

Преодолев некий невидимый рубеж, катер начал слегка сворачивать влево. Теперь он снова несся вдоль побережья; в великой тьме волн и песка, словно крошечные островки галактик, мелькали гроздьями огней маленьких курортных городков.

Выбрав место между этими галактиками, словно по зову невидимого маяка, катер еще круче заложил влево и направился прямо к берегу.

В лунном свете Том различил белую линию прибоя, серую полосу пляжа и дюны.

Волны под катером стали короче, начали постукивать о днище.

— Вы потеряете свою подводную механику, если не снизите скорость, — прокричал Гарден.

В ответ визг двигателя усилился. Внизу раздалось дребезжание, будто захлопывались металлические ворота. Двигатель заглох, словно поперхнулся, лодка легла брюхом на широкий бурун, высоко вздернув нос. Судно ловко заскользило к берегу и, когда волна разбилась, мягко плюхнулось на песок. Двигатель, слегка покашливая, отплевывал воду, заливавшуюся в выпускную трубу.

— Давай вылезай. — Похититель снял замок с ремня безопасности. И прибавил: — Пожалуйста.

Гарден перелез через борт. Его ноги в кожаных ботинках и шерстяных носках утонули в морской воде по щиколотку, но он стоял на твердом песке, готовый бежать. Однако помедлил.

— А вы со мной не идете?

— Этого от нас не требуется.

— Что вы от меня хотите?

— Иди на свет, — человек указал на мерцающий огонек, полускрытый дюнами.

— А если я побегу? Вы будете стрелять?

— Ты видел у нас оружие?

— Да вроде нет.

— Иди на свет. Это для тебя сейчас единственный разумный путь.

Том отошел от полосы прибоя, наклонился, чтобы отряхнуть брюки и вылить воду из ботинок.

Будто плавающее бревно, лодка приподнялась на седьмой, самой высокой, волне и заскользила назад в море. Когда она оказалась достаточно далеко от берега, двигатель заработал с нарастающим визгом. Из трубы вырвался оранжевый выхлоп, лодка развернулась и исчезла в темноте.

— Иди на свет, — повторил Гарден и зашагал по чистому белому шуршащему песку.

Александра откинулась назад, провалившись в мягкое сиденье «порше». На коленях у нее мирно поблескивал пеленгатор. Теперь, когда они находились на открытой дороге, оранжевый огонек уже не опережал их.

Она взглянула на спидометр: 195 километров в час. Возможно, она видела вовсе не катер, а скоростной водный планер. Это затруднит дело.

— Все, что мы можем сделать, — это ехать по прибрежному шоссе и не терять сигнал его передатчика, — мягко сказал Хасан, словно читая ее мысли.

— Что, если мы его потеряем?

— Тогда дело всей жизни вылетит в трубу. Мне еще предстоит решить, что в этом случае делать с тобой.

— Можно подождать следующей инкарнации.

— Ты, наверное, можешь подождать, я — нет.

— Мы можем найти другого «субъекта». Наверняка где-то в мире есть еще сенситивы.

— Наш сенситив вот здесь, — Хасан протянул руку и дотронулся до стеклянной пластинки. — Единственный и неповторимый.

— Ну, это еще не доказано, — ей самой был неприятен собственный голос, вялый и раздраженный.

— И так все ясно. Французы доказали это своими действиями.

Хасан взял телефон и набрал номер.

Он дождался ответа и заговорил по-арабски. Его мягкая речь приобрела командирские нотки, он указывал направление, назначал места сбора, давал распоряжения относительно оснащения, персонала, деталей операции.

Потом он молча слушал — очевидно, его приказания повторялись для ясности. «Туфадхдхал», — сказал он в заключение и повесил трубку.

— Если ты сумеешь вернуть Гардена... — сказал Хасан Александре.

— Если мы сумеем вернуть его, — поправила она.

— Можешь тогда попробовать сама с ним поработать. Подведи его к последней черте, пока не увидишь смерть в его глазах. После этого вернешь его к осознанию.

— Не знаю, хорошо ли это будет, Хасан, — она замаялась. Никогда прежде она не оспаривала его приказы, даже те, что высказывались в форме предположения.

— А почему нет? — в его голосе зазвенела тонкая, но несокрушимая дамасская сталь.

— Это удачный экземпляр. С тех пор как я приблизила его к Камню, он стал тоньше, острее. Это уже не примитивное животное, реагирующее на простейшие ощущения. Он думает. Он научился видеть. Он опасен.

— И что из этого?

— Он может убить меня, Хасан!

— В самом деле? Ты старше и хитрее его. Ты что-нибудь придумаешь, чтобы защититься.

— Да, я буду для него недостижима и непостижима там, где мне уже не потребуются ничья помощь.

Несколько минут они ехали молча.

Мерцающий огонек на пеленгаторе освещал ее подбородок.

— Тебе хотя бы будет жаль, если он меня убьет? — спросила она наконец.

— Да, пожалуй. Но остановит ли это меня? Нет.

— А если это поможет тебе продвинуться в разработке «субъекта»?

— Тогда мне и жаль тебя не будет.

— Ясно.

Тьма в машине окутала ее.

СУРА 5

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ В ПУСТЫНЕ

*Круг небес ослепляет нас блеском своим,
Ни конца, ни начала его мы не зрим.
Этот круг недоступен для логики нашей,
Меркой разума нашего неизмерим.*

Омар Хайям

Старики в блаженной расслабленности возлежали на душистых подушках, рубахи на груди распахнулись, обнажая курчавые волосы, сливающиеся с жидкими седыми бородками.

Погрузившись в густой наркотический дым, одноглазый Масуд хихикал над чем-то. Спазмы смеха продолжались, пока не кончились неглубоким кашлем.

Хасан, который был одновременно и самым молодым, и самым старым в этой комнате, наблюдал за ними из-под прикрытых век. В дни молодости, когда он призвал ассасинов из песков, курение конопли сыграло свою роль. Это был самый быстрый способ отлучить юношей от семей, согреть их, когда скалистые убежища начинали казаться слишком холодными, утолить их вождение,

когда они внезапно понимали, что звание мужа и отца для них закрыто как для изгнанников.

Хасан переиначил миф о Тайном Саде. Обещания рая было недостаточно для тех, кто принадлежал к гашишиинам. Эти необузданные и отчаянные люди жаждали земного рая, воплощающего их дымные видения. И Хасан дал им рай.

Он тщательно избирал идеологию. Новый суфийский мистицизм и путь дервишей, приобщавшихся к божеству через танец и изнурение, — все это прекрасно сочеталось с курением. Сам Тайный Сад, придаток рая, куда никто, кроме самых преданных, не допускался, стал высшей наградой для тех, кто безжалостно убивал по приказу вождя. Отречение и подчинение, преданность и долг — вот те узы, которые скрепляли их маленькую группу, во всяком случае на протяжении его жизни.

А теперь посмотрите, что стало с гашишиинами! Старый Синан, некогда коварнейший воин, впал в детство. Он вдыхал дым, как горный воздух. Он и его приятели жили как калифы: спали и жрали, трахались и пускали ветры, и непрерывно курили. Уже много месяцев прошло с тех пор, как Синан в последний раз осуществил или хотя бы задумал стратегическое убийство.

Синан приподнялся на локте и слегка махнул в сторону Хасана согнутой рукой: «Вина!»

Хасан наполнил чашу густой красной жидкостью из кувшина, стоявшего около вождя, и поднес ее к губам старика.

Синан сделал глоток, облизнулся и вялым движением оттолкнул руку Хасана.

— Видели, что затеял этот выскочка Саладин? — спросил старый шейх, глядя в пространство.

— Парад доспехов и конской сбруи, — откликнулся кто-то сонно.

— И все это для расправы с франкским хвастуном, тогда как одного остро отточенного клинка достаточно, чтобы навеки отучить его выхваляться.

— Это предложение, господин? — спросил Хасан.

— Нет, — кашель прокатился по легким Синана, и он сел прямо, кутаясь в плащ. — Никто из гашишиинов не даст похоронить себя на этом глупом джихаде. Это мой приказ... Пусть в течение ближайшего года головы франков будут неприкосновенны. Да не упадет с них ни один волос.

Не вдумавшись в смысл сказанного, ассасины одобрительно забормотали.

— Шуточка над айюбитами!

— Покажем Саладину, что значит вступать в бой, который он не может выиграть.

— Пусть убирается обратно в Египет.

— Остудит задницу в Ниле.

— Но... — прорезался голос Хасана в этом хвастливом хоре, — не упускаем ли мы хорошую возможность?

Синан обернулся к молодому человеку, его мохнатые брови сошлись вместе, как две спаривающиеся гусеницы.

— Выйдя с оружием на поле брани, — продолжал Хасан, возвышая голос, — Саладин и впрямь мог бы изгнать франков из этого уголка исламского мира. Рейнальд Хвастливый — наихудший из них, но он здесь властелин. Свинья в зловонном загоне, кровь на руках его, навоз на его сапогах. Слеп и глух он к делам Пророка и Его заповедям, — глаза молодого человека устремились на чашу с вином, которую он наполнил собственной рукой. — Рейнальд — завоеватель, ничего не смыслящий в искусстве власти, он способен только к насилиям и грабежам.

— Тогда он будет сметен с этой земли ветром, — насмешливо проронил Синан.

— Если бы не тамплиеры и другие искусные воины, ветер так и сделал бы. Но сейчас, здесь, только мы сможем изгнать их. Швырнуть их наземь с переломанными спинами, как скорпионов, раздавленных конскими копытами, чтобы солнце высушило их, а ветер смел прочь с земли Палестины.

— Красиво сказано, дитя мое. Но их тысячи. И у каждого огромный стальной меч, и под каждым — могучий конь.

— Но Саладин может повести за собой десятки тысяч. И он это сделает. — Глаза Хасана наполнились тем чувством уверенности в сказанном, которое другие принимали за пророчество.

— И тогда, — продолжал он, — после изгнания одного завоевателя мы сможем стать свидетелями того, как забытые крестьяне и пастухи обретут стремление к свободе. Долго ли смогут потом аббасиды, сельджуки и даже сами айюбиты противостоять воле людей Палестины решать свои собственные дела на своей земле? Более тысячи лет эта земля истощалась, чтобы давать «молоко и мед» для процветания чужеземных властителей. Должно настать время, когда Палестине позволят вернуть хоть что-то своему народу.

— Решать свои собственные дела! — воскликнул один из стариков.

— Чужеземные властители! Кто — аббасиды?

— Как вам это нравится!

— Ну и шутки у твоего ученика, Синан.

— Что за идеи!

Синан взглянул на Хасана и отмахнулся от него резким движением.

— Довольно исторгать ветер изо рта, — приказал вождь ассасинов. — Мы люди дела, в конце концов, а не люди слов.

Он протянул свою старческую руку, внезапно предательски задрожавшую, и нащупал шарик гашиша. Опытными пальцами он заполнил трубку упругими кусочками и дал знак Хасану. Тот вытащил тлеющий уголь из жаровни и держал его у трубки, пока Синан жадно делал первые затяжки.

Столб пыли поднимался к небу там, где шла армия Саладина.

Султан на белом жеребце в окружении свиты то и дело оглядывался назад, на долину. Он, разумеется, не

мог видеть пыльного облака. Пыль вырывалась клубами из-под копыт тяжеловооруженных всадников и сапог пехотинцев.

Вблизи было видно, как пыль оседает хлопьями на коленях и плечах людей, конских крупах. В отдалении пылевая завеса плыла над плюмажами конников и смягчала вид оцетинившейся копьями пехоты. Далеко у горизонта желтый туман скрывал холмы и укутывал собой бесконечные ряды конических шлемов и лошадиных морд.

Саладин вглядывался в стелющееся по земле марево и знал, что оно поднимается вверх на тысячи футов. А это могло безошибочно подсказать любому вооруженному соединению из тех, что христиане должны были послать на защиту Рейнальда, где находится армия Саладина.

Но любой длинный язык на базаре мог сказать им то же самое.

Керак Моавский когда-то был просто укреплением среди предгорий.

Он строился в тихие времена, когда пастухи спали под звездами и отстаивали свои права на пастбища или ягнят с помощью острого посоха.

Теперь, под властью христиан, Керак был защищен стенами из тесаного камня и рвами с хитроумно расположенными откосами.

Рвы эти охранялись английскими лучниками, которые посылали свои оперенные стрелы на пятьсот шагов. Саладину было бы интересно узнать, найдется ли там, за этими стенами, сто тысяч стрел.

Керак поджидал их в дальнем конце долины, где два горных отрога почти сходились вместе.

С тыла крепость была защищена хуже, и Саладин знал об этом: всего один ряд валов, рвов и земляных откосов. Но армия, приближающаяся с этой стороны, вынуждена была бы сузить ряды и протискиваться между укреплениями и скалистыми предгорьями. А отряд христиан, скрытый до времени за холмами, мог внезапно броситься наперерез в любом месте и смять ряды растянувшейся армии.

Как бы там ни было, Саладин предпочел фронтальный подход, возвещая о нем облаком пыли.

— Это что там впереди, грозовая туча?

Король Ги заслонил рукой глаза от высокого июльского солнца. Конь под ним гарцевал, рука прыгала в воздухе, и на лице плясала тень от ладони.

— У грозовых туч черный низ, и они обычно плывут над землей, государь, — мягко сказал Амнет. — Они редко бывают желтыми и никогда не стелются по долине.

Великий магистр Жерар, который ехал по другую руку от короля Ги, сделал Томасу страшные глаза за монаршей спиной.

— Значит, мы видим толпу бродяг? — спросил Ги с назойливым воодушевлением.

— Мы, пожалуй, в дне пути до их арьергарда.

— А может, в двух, — заметил король. — Мы ведь не сможем догнать их сегодня до полудня, правда? — Он взглянул на солнце. — Мы пробираемся по этим холмам с рассвета. Предлагаю разбить лагерь и обдумать стратегию.

— Государь, наши лошади, без сомнения, выдержат еще час или два. Не следует делать привал до вечерней молитвы.

— А я говорю тебе, магистр Жерар, что здесь достаточно травы для лошадей и чистой воды. Кто знает, найдем ли мы все это впереди?

Амнет подался вперед, чтобы королевское брюхо не мешало видеть, как Жерар жует собственную бороду. Нельзя сказать, чтобы вид растерянного магистра доставлял Томасу удовольствие, во всяком случае не чрезмерное. После того как армия Саладина прошла через эту местность, травы здесь осталось не густо. Все источники были вытоптаны и сейчас досыхали на солнце илистыми лужицами. В этой долине не было места для лагеря, не будет его здесь и через год.

Не собирается ли король Ги отложить преследование Саладина на этот срок? Похоже, что он на это способен.

Тамплиеры наняли эту армию для Ги — двадцать тысяч конных рыцарей из Англии и Франции — на остатки тех денег, что король Генрих заплатил рыцарским Орденам за отпущение греха — участие в убийстве Томаса Бекета, архиепископа Кентерберийского. Как Ги и опасался, для того чтобы собрать такую армию, пришлось взять каждого второго воина Иерусалима и других христианских твердынь на Востоке. У Франции уже никогда не хватит сил послать такую мощную армию в эту далеко не святую землю. Чтобы предвидеть это, Амнету даже не нужно было прибегать к своему пророческому дару.

Как самопровозглашенный Защитник Креста, король Ги настоял на том, чтобы его армия несла с собой талисман — обломок Святого Креста. Он хранился в раке из золота и хрусталя и был выставлен на обозрение каждого рыцаря, когда армия, огибая Голгофу, покидала Иерусалим. Сам Амнет не выбрал бы эту дорогу, отправляясь в поход против врага, в пять раз превосходящего их численностью. Теперь рака с Крестом путешествовала на седле самого сильного и храброго рыцаря. А когда этот человек чувствовал, что бремя чести слишком тяжело для его смиренной души — и для затекающих от тяжести груза бедер, — он передавал ее другому, более достойному.

Амнет дважды отвергал эту честь.

Однако в эти дни ожидания ему удалось приблизиться к шкатулке в походной часовне. Вечером, когда никто не видел, он отогнул полог, поднял крышку и прикоснулся к сухой древесине. Амнет готовился испытать трепет, чувство могущества, подобное тому, что приходило к нему из Камня. Но ощущения были не сильнее тех, что возникают от прикосновения к столу в трапезной или столбам забора. Пульсация соков некогда живого дерева — это он испытывал, дотрагиваясь до любой древесины.

Но агония Господа Нашего? Стыд только что срубленного дерева, которое держало Его на себе? Страдания Бога при виде Сына своего, принесенного в жертву? Ничего этого не помнила щепка. Иначе Амнет почувствовал бы.

Пока Томас предавался сомнениям по поводу святости — или подлинности — древней реликвии, спор между королем Ги и Великим магистром продолжался. Амнет знал, что исход дискуссии — продолжать двигаться или встать лагерем — зависит от страхов короля Ги: кого он боится больше, Саладина или Великого магистра Храма.

— Сам граф Триполийский, — говорил Ги, — предостерегал меня, что день моей битвы с Саладином станет днем, когда я потеряю Иерусалим.

— И вы верите этому? — Жерар был вне себя. — Связи графа с врагами убедительно доказаны. Государь, вы доверяете признанному изменнику?

— Когда он говорил со мной, сарацины еще не подкупили его.

— Но сердце его было уже куплено... Государь, тамплиеры приняли обет. Лучше нам распустить Орден, нежели потерять эту единственную возможность сокрушить Саладина.

— Я слышу тебя, Жерар. Но я все же король.

— Да, государь.

— Мы встаем лагерем здесь.

Саладин разглядывал поле, усеянное трупами людей и лошадей. Каждый был пригвожден к земле одной или несколькими длинными стрелами, выпущенными из английских луков.

Тела лежали здесь еще не так долго, чтобы начать разлагаться. Но дни шли, солнце было горячим. Он знал, что скоро тела начнут лопаться под давлением внутренних газов. Сначала лошади, и звуки эти будут подобны пушечным выстрелам. После этого даже храбрейшие, свирепейшие воины не пересекут эту часть долины.

Не рвы, окружающие Керак, остановили Саладина. Он знал, что стоит ему приказать именем Аллаха, и его люди пойдут вперед до тех пор, пока их трупы не образуют мост, по которому он подъедет к стенам крепости.

Как раз эти стены и сразили Саладина. Они были в сотню локтей высотой, как сказали его советники. Построенные из тесаных камней, подогнанных так плотно, что даже тонкие туфли ассасинов не могли найти выемку, не говоря о тяжелых сапогах воинов. А наверху поджидали йомены с пиками, которыми они отбрасывали любые лестницы. Стояли на стенах и английские лучники, чьи стрелы летели сверху на головы сарацин. Были у Рейнальда де Шатильона за этими стенами и другие боеприпасы: тяжелые камни, чаны с кипящим маслом, корзины со смолой — их поджигали и бросали вниз.

Саладин велел разведчикам изучить другие возможности. Можно, сказали они, сделать подкопы под стенами, укрепив ходы стойками и перекладинами. Когда туннели будут готовы, опоры надо поджечь и тем ослабить фундамент стен. Однако выкопать в каменистой почве достаточно длинный туннель, чей вход располагался бы за пределами полета стрелы — на это уйдет не меньше двух месяцев. Да и сами стены, судя по их высоте, имели в основании не меньше восьми—десяти шагов; такая толщина стен потребует увеличить подкоп. Советники поразили даже богатое воображение Саладина размерами укрепленной пещеры, которую нужно соорудить.

Одно время Саладин обдумывал план взятия твердыни хитростью. Можно было вызвать Рейнальда и его военачальников на переговоры, следуя европейскому обычаю, основанному на любви к болтовне. На встрече заранее подготовленный гашишин накинёт шелковый шнурок на шею принца Антиохийского. А там уж пусть шайтан обо всем позаботится.

В этом плане был только один изъян: все гашишины, как один человек, отвергли призыв Саладина к джихаду. А среди его слуг никто не обладал такой ловкостью рук.

Альтернатив было немного. Саладин со своей армией мог бы сидеть под стенами крепости, пересчитывая по-

жухлые ростки оставшейся травы, предаваясь мечтам о водах, текущих по земле, и ожидая капитуляции принца. Но Саладин знал, что в крепости у Рейнальда есть источник прекрасной воды, большое стадо овец, запасы зерна и вяленого мяса и — тень над каждой головой. Люди же Саладина, даже воспламененные священным пылом, быстро устанут от этой игры. А там уж, забыв про джихад, они будут по двое — по трое ускользать по ночам до тех пор, пока бескрайнее море людей и лошадей не превратится в жалкое озеро среди холмов.

Можно было также подождать, пока армия короля Ги — ибо языки на базаре говорили об этом тоже — не подойдет к ним с тыла. Сам по себе этот удар не грозил поражением, но унес бы много жизней храбрых воинов, которых было жалко.

Разумнее было бы откусить голову Ги в таком месте, где Саладин мог широко разинуть пасть.

— Мустафа! — позвал он.

— Слушаю, господин.

— Готовь армию к походу.

— Какое направление будет вам предпочтительнее, господин?

— На север, думаю. К Тиверии.

— Очень хорошо, господин.

— По пути будем совершать набеги на христианские крепости. Принц Рейнальд никуда отсюда не денется.

— Да, господин.

— Ушли? Что ты имеешь в виду?

— Ушли из долины, господин!

— Быть этого не может! Что с тобой? Ты, должно быть, еще глаза не протер. Спишь на часах, а?

— Нет, господин! Сарацины на самом деле сбежали из долины.

— Не поверю, пока не увижу собственными глазами.

Жерар де Ридерфорт поднялся с походного стула и попытался взглянуть на север поверх французских палаток.

— Ничего не вижу. Томас, подставь мне плечо.

Великий магистр поставил ногу на сиденье стула и, едва дождавшись Амнета, вскарабкался повыше, пока его голова не поднялась над палатками.

— Трудно сказать, столько пыли в воздухе.

— Видите их стяги? — спросил Амнет.

— Ни одного... Они поднимают их на рассвете, как ты думаешь? Или убирают их?

— Я так понимаю, они закреплены на шестах, как и наши знамена.

— Значит, сарацины ушли. Проклятье!

— Разве это плохо? — осмелился спросить Амнет.

— Ничего хорошего, особенно сейчас, когда я рассчитывал прижать их к Кераку и раздавить с помощью Рейнальда.

— Рейнальд был готов к участию в этом предприятии, господин?

— Не совсем. Мы должны были связаться с ним, как только подойдем достаточно близко, и выработать общую стратегию.

— Ах связаться с ним! С помощью какой-нибудь птички, полагаю?

Жерар нахмурился:

— Что-то в этом роде. — Великий магистр спрыгнул вниз и отряхнул руки. — Надо как-то сообщить королю.

— Да уж, Ги обрадуется!

Жерар опять нахмурился:

— Ты разыгрываешь меня, Томас?

— Нет, господин.

— Смотри же.

— Как ушли? — спросил король Ги, поднимая голову от таза. Вода и розовое масло стекали по бороде и капали мелким дождиком.

— Это совершенно точно, государь, — отвечал Жерар.

Он и другие магистры Ордена собрались перед шатром короля Ги. Это сооружение было шедевром

палаточного искусства. Круглый центральный павильон был достаточно вместительным, чтобы вся титулованная знать, сопровождавшая короля, могла встать перед ним плечом к плечу, не касаясь локтями. Вся эта ткань подерживалась хитроумной системой распорок, каждая из которых в сложенном виде была с четверть стрелы длиной. Четыре квадратных портика присоединялись к центральной части с помощью особого рода сводов, которые были задрапированы тканью, имитирующей своды собора. В этих пристройках можно было спать, обедать, устраивать аудиенции, развлекаться.

Чтобы никто не мог ошибиться, полотнища королевского шатра были выкрашены в ослепительно красный цвет, карнизы отделаны алой парчой, расшитой изображениями двенадцати апостолов и гербами тех французских герцогств, которые направили своих людей в Святую Землю. По слухам, и сам шатер, и его богатое убранство были даром Сибиллы, супруги и доброго гения Ги.

— А-хм! — возглас короля отвлек Жерара, рассматривавшего украдкой этот полотняный замок. Король Ги протянул руку, ладонью вверх. Великий магистр торопливо положил на нее кусок чистого полотна. Ги вытер лицо.

— Значит, мы их спугнули, — заявил король.

— Похоже на то, государь.

— Куда они направились?

Жерар, похоже, взвешивал тяжесть вопроса. Амнет, глядя на него, дивился дипломатичности своего начальника.

Такое огромное вооруженное соединение могло уйти только в одном направлении. На север, в обход Моава, по направлению к Тиверии. Саладин вел за собой сто тысяч человек, всего восьмую часть из них составляли конники, их сопровождало раза в полтора больше слуг и рабов, поваров и конюхов, лакеев и шпионов, да еще вьючные животные и телеги со скарбом. Все это двигалось со скоростью пешехода. Попытка перевалить таким составом через горные цепи на западе или на востоке граничила бы с безумием. Со

времен Ганнибала это не удавалось никому. Отступить на юг означало пройти напрямик через лагерь самого короля Ги и потерять элемент неожиданности. В этом случае и тамплиеры, и королевские воины, образно говоря, проснулись бы со следами сапог и копыт на спинах и животах. Выходило, что единственно возможным направлением отхода неприятельской армии был север, в обход крепости Рейнальда.

Если король не понял этого с первого взгляда, значит, он даже карты ни разу не видел и вести армию вдогонку за Саладином было совсем не его дело. Это же так просто, понял вдруг Амнет: Ги здесь вообще нечего делать. Интересно, как Жерару удастся высказать это словами?

— Не знаю даже, как сообщить вам об этом, государь. Не покажется ли вам слишком невероятным, что они двинулись на север?

— На север? — кажется, это было для Ги полной неожиданностью.

— На север, государь.

— Север... и обогнули Рейнальда?

— Трудно поверить.

— В самом деле. Я полагал, наш друг Рейнальд и был главной целью их похода.

— Так и было сказано. Но кто может постигнуть мысли араба?

— Воистину, кто? — согласился Ги.

Амнет чуть не вскрикнул. Неужели они не видят, что творит Саладин? Ускользнув от Жерара, неловко попытавшегося запереть его в долине (будто полевая мышь может запереть дикого медведя!), и потеряв интерес к Рейнальду, окопавшемуся в Кераке, Саладин теперь вводил христианскую армию в пустыню. Бесплодную пустыню. Выжженную пустыню. Сарацинскую пустыню, где каждая скала, каждый пастух были его потенциальными союзниками — если только медведь нуждается в союзниках в своем собственном лесу.

— Мы, конечно, будем преследовать их, — провозгласил король Ги.

— Да, государь, — ответил Жерар. — Это мое глубочайшее желание.

— Мы обратили их в бегство, а?

Среди звона упряжи, фырканья и ржания лошадей, постукивания кольчуг о ножны и седла только Томас Амнет сохранял безучастность. Со своим походным набором порошков и эссенций под плащом он шагал прямо на восток, прочь от суматохи сборов.

— Господин! — крикнул ему вдогонку Лео. — Куда вы идете?

Амнет посмотрел на него через плечо и неопределенно махнул рукой.

— Посторожить вашего коня?

Амнет кивнул, не заботясь о том, понял ли его Лео. После чего, уже не оборачиваясь, зашагал в пустыню. Шипы колючих кустарников цеплялись за плащ и обламывались о юбку кольчуги.

Он услышал, как кто-то спросил равнодушно:

— Куда это Томас направился?

К тому времени как человеку ответили, Амнет уже был далеко и ничего не слышал.

После того как он отошел на двести шагов, даже тяжелый грохот копыт королевской армии на марше затерялся в шепоте восточного ветра.

Он спустился в пересохшее русло реки, изгибы и рукава которой теперь были засыпаны песком, но растительность еще сохраняла некоторую пышность. Амнет укрылся под навесом крутого берега и проверил ветер. Воздух здесь был совсем неподвижен.

Он разровнял песок и выложил свой сверток. Неподалеку торчало несколько колючих кустарников, высушенных солнцем, и он с изрядным усилием нарвал охапку жестких веток с сухими листьями. Когда он размельчил эти ветки, его руки были все изрезаны колючками.

Вернувшись на расчищенное место, он сложил ветки для костра. Из свертка достал маленькую реторту из толстого зеленого стекла, сосуд с масляным экстрак-

том трав, из которого он получал густой дым, и линзу для разжигания огня. Последним он извлек кожаный чехол с Камнем.

Встав на колени в тени берега, Амнет выкопал небольшое углубление в песке рядом с кучей веток и положил туда Камень. Он налил масляный экстракт в реторту, которую укрепил поверх веток. С помощью линзы он разжег беловатый огонек среди скрученных листьев и раздул из него маленькое бездымное пламя.

Пока огонь набирал силу, Амнет скинул свой белый плащ и сделал из него нечто вроде навеса. Таким образом он укрыл огонь и Камень от любого случайного ветерка и солнечного света.

Потом он присел на корточки и стал ждать.

Смесь в реторте со свистом испустила облачко жирного дыма. Аромат тимьяна и мирриса достиг лица Амнета. Жидкость зашипела и выпустила длинную струйку дыма, смешанного с паром.

Амнет изучал изгибы и складки пара, пытаясь отыскать что-то в неясных очертаниях.

Он начал различать очертания щек, изгиб усов, провалы глазниц. В клубах испарений возникало то самое лицо, что стояло перед мысленным взором Томаса все эти месяцы. Сначала ему почудилось, что это лицо Саладина, самого выдающегося из сарацинских полководцев и фактического правителя коренных жителей Палестины. Этот человек фигурировал бы в любом пророчестве Амнета, касающемся тамплиеров, Иерусалимского королевства или земель, лежащих между Иорданом и морем. Такое толкование призрачного видения напрашивалось само собой, если бы не тот факт, что Амнету пришлось уже лицом к лицу встретиться с Саладином из плоти и крови, а не из дыма.

С новой струей пара и масляного дыма левая глазница на лице начала как бы пухнуть и увеличиваться, в ее глубине стало зарождаться некое сферическое тело. Оно разрослось и превратилось в непрозрачный шар из плотного дыма, гладкий и белый, как полная луна. Это уже был не глаз. Первоначально глаза на этом лице отличались

очень темными зрачками; они сверкали черными вспышками скрытого смысла и угрозы. Этот же глаз был словно покрыт катарактой белесого дыма. Внезапно белое глазное яблоко начало вращаться в своей глазнице.

Извилистая струя дыма стала рисовать четкий силуэт на поверхности шара. Амнет не мог ничего понять, пока его внимание не привлекло очертание, похожее на сапог. Это было изображение Итальянского полуострова на карте Средиземноморья. Справа возникали и двигались на запад висящее вымя Греции и выпирающий огузок Малой Азии. Эти образы были подвижными и текучими, как исторические границы империй и доминионов, сфер влияния и гегемонии.

Продолжая вращаться, шар вынес вперед морщинистую землю под Малой Азией. Глобус продолжал разрастаться, мелкие детали становились отчетливыми. Вот изгиб Синая. Вот впадина Мертвого моря, широкая грудь Галилеи и прямой клинок реки Иордан.

Долина Иордана росла и росла перед глазами Амнета. Река превратилась в трещину в шаре, словно из апельсина извлекли дольку. Глазное яблоко, окутанное темным дымом, замерло. А внизу, под дымом, сверкала отблесками огня поверхность Камня, который, как верил Амнет, и порождает образы. Но такого ему еще не доводилось видеть: Камень стал испускать алые и пурпурные лучи, это было подобно извержению раскаленной лавы и искр из жерла вулкана. Амнет лицом почувствовал сильный жар. В фокусе лучей появилось нечто ярко-золотое, словно ковш с расплавленным металлом. Не двигаясь, он почувствовал, что склоняется вперед, пригибаемый к земле силой, не связанной ни с земным притяжением, ни с пространством, ни с временем. Жар становился невыносимым, свет все более слепящим. Его туловище наклонялось все ниже. Он весь пылал. Он падал, падал...

Амнет встряхнулся.

Камень, все еще лежавший в своем песчаном гнезде, был в дюйме от его лица. Поверхность его была темной и мутной. Пламя в сухих ветках догорело. Дым из реторты

больше не шел, на дне виднелась лужица черноватой смолы.

Амнет снова встряхнулся.

Что предвещало это видение конца света?

И что мог простой фантазер сделать с этим?

Руками, еще слегка дрожащими от пережитых видений, он торопливо взял Камень и вложил его в чехол. На ощупь Камень был холодным. Амнет поднялся на ноги и поправил тунику.

Он осмотрел реторту, полузасыпанную пеплом; она была все еще очень горячей. Не меньше часа потребует-ся, чтобы очистить и упаковать ее на случай, если он захочет вызвать новые видения. Решительным движением он растоптал зеленое стекло своим грубым каблуком и раскидал ногами осколки вместе с пеплом по сухому руслу.

Потом собрал в котомку сосуды с эссенциями и другие нужные вещи, положил Камень в специальное отделение.

Амнет огляделся, словно видел пустыню впервые. Теперь он знал, куда идти. Ему нужен был конь. И меч. И доспехи.

Сберег ли Лео его коня?

Догадался ли кто-то из тамплиеров захватить вооружение Амнета, брошенное в лагере?

Он выбрался из русла и зашагал обратно по направлению к опустевшему лагерю короля Ги. Время подгоняло его. Он побежал.

ФАЙЛ 05

КРИЗИС УЗНАВАНИЯ

*Я покажу тебе нечто иное,
Нежели тень твоя утром,
Что за тобою шагает,
Или тень твоя вечером, что встает пред тобою,
Я покажу тебе страх в горсти праха.*

Томас Элиот

Дом среди дюн был старый, фундамент из цементных блоков поддерживал каркас из настоящего дерева. Обшивка тоже была деревянная: длинные доски заходили одна за другую, как у каравелл времен крестовых походов. Когда-то доски были покрашены, но сейчас, как заметил Гарден, подойдя поближе, они были гладко-серыми и даже как бы серебрились под луной. Их поверхность приобрела ту плотность, которая появляется у старого дерева незадолго до того, как внутреннее гниение закончит свою работу и превратит его в прах.

Когда-то у дома были большие окна, выходящие на океан. Теперь рамы в них перекошились, последние стекла мальчишки давным-давно выбили камнями. В этих оконных проемах виднелся тусклый, мерцающий свет.

Подойдя ближе, Гарден наткнулся на остатки костра в песке около фундамента. Обгорелые поленья, пакеты и коробки, жестянки из-под пива. Костер закоптил серые блоки и добрался до дерева, которое начало было тлеть. Давным-давно.

Вокруг на песке были разбросаны куски каких-то красных картонных трубок не толще мизинца. Их обломанные концы были размочалены. Гарден поднял одну и рассмотрел. Картон не выцвел на солнце, он был кроваво-красным, словно новенький. Значит, это был не картон, а какая-то синтетическая пленка. Уж не миниатюрная ли граната? Сигнальная ракета? Тут он вспомнил Четвертое июля: фейерверк на берегу — тоже проделки мальчишек.

Он обогнул фасад дома с открытой верандой и любуясь из пустых провалов окон мягким светом. Лучше обойти кругом и войти в дом со стороны дороги. Это безопаснее.

Дверь он нашел быстро. Она хоть и криво, но все еще висела на петлях.

Войдя, Гарден помедлил, хотя и знал, что его силуэт на фоне освещенных луной дюн представляет собой отличную мишень.

Пол второго этажа провалился. Балки, проломившиеся в полуметре от стены, упали на пол. Главный поперечный брус провис посередине, упавшие доски, зацепившись за него с одной стороны, образовывали нечто вроде амфитеатра; стена, от которой они отвалились, служила как бы задником сцены.

Свет исходил от свечей, расставленных вдоль этого амфитеатра. Свечи были толстые, вроде церковных; снизу они оплыли от нагара. Доски отбрасывали мерцающий свет.

Гарден, стоя в дверном проеме, как бы балансировал на границе света и тьмы.

— Томас из Амнета!

Голос, старческий, но сильный, отдавал металлом в комнате, состоящей из одних твердых поверхностей, без драпировок или ковров, смягчающих звуки. Голос шел от

теней в другом конце помещения — вернее, Гарден думал, что это тени, пока, вглядываясь пристальнее, не различил закутанные в темное фигуры с надвинутыми капюшонами.

— Томас — да, — откликнулся он, — Хаммет — никогда о таком не слышал. Меня зовут Гарден.

— Разумеется. Томас Гарден — имя, которое ты получил при рождении. Но другое имя ничего не говорит тебе?

— Хаммет? Нет, а должно говорить?

— Амнет!

— И это ничего не говорит. Откуда такое — что-то арабское?

— Это имя произошло от греческого корня, означающего «забыть».

Гарден медленно прошел вперед, к свету. Фигуры в капюшонах — их было пятеро — окружили его веером. Они стояли спиной к свету, пряча лица в глубокой тени. Теперь, с близкого расстояния, было видно, что это невысокие, миниатюрные люди.

— Амнезия, — произнес Гарден, — и амнистия... Томас Забытый. Или Томас Прощенный, если нравится. Это какая-то загадка? Если так, то неглупо.

— Ну, понял теперь?

— Нет, не понял. Я не сделал ничего, за что меня следовало бы забыть — или нужно было бы простить. Так за что вы, ребята, хотите убить меня?

— Ты узнал нас? Это добрый знак.

— Вовсе нет. Только не для меня. Человек с ножом в моей квартире был одним из вас. Ну почему вы пытаетесь убить меня?

Главный из них, стоявший в центре полукруга, откинул капюшон. Его лицо было обветрено и изрезано морщинами, но это было лицо человека умного, лицо ученого или богослова. Волосы, седые и густые, были схвачены у шеи кожаным ремешком. Глаза, блестящие, как черное стекло, прятались в глубоких тенях лица.

— Мы давно ждем тебя, Томас Гарден. Мы, смертные, искали бессмертного. Мы, кто видит мир, меняю-

щийся вокруг нас, искали то, что остается неизменным. Наше оружие, наши традиции, наша сила — все это старше, чем твое молодое существо может вообразить. Но есть частица тебя, столь же старая, на восемь сотен лет старше любого из нас. Эта частица была запущена странствовать в мире, среди его изменчивых путей, возрождаясь вновь и вновь. Ты возникаешь, как чистый медный ковш из глубины колодца, каждый раз зачерпывая глоток свежей воды. Мы же, подобно лягушкам, сидим вокруг на камнях и вглядываемся в мрачные глубины в ожидании блеска твоего металла. Мы долго ждали.

Гарден потряс головой:

— Вы говорите загадками.

— Хочешь поговорить начистоту?

— Было бы неплохо для разнообразия.

— Ты — надежда нашего Ордена, Томас Гарден, и наше отчаяние. С твоей помощью мы смогли бы залечить раны, нанесенные временем, и исправить совершенные ошибки, ошибки в нас самих, быть может. Однако каждый раз, как ты возрождаешься на Земле, ты приходишь в новом обличье и в смертной сущности. Каждый раз мы должны заново испытывать тебя. Порой ты бываешь безвольным и опутанным плотскими узами. Тогда мы можем только следить сухими глазами, как ты движешься к смерти. Порой ты бываешь могучим и быстрым, с острым, пронзительным умом. Тогда мы с надеждой устремляемся к тебе. Но в прошлом ты каждый раз ускользал из наших рук. И вот ныне настал момент, когда ты стоишь на грани. В тебе есть сила, но нет знания — или, быть может, ты не хочешь принять его. Ты недостаточно слаб, чтобы умереть. И недостаточно силен, чтобы жить. А вокруг всегда есть те, кто использует тебя против нас.

Мы спорили о тебе месяцами, Томас Гарден. Некоторые хотели изъять тебя из этого мира. Они предлагали похитить тебя и укрыть в тайном месте, чтобы посмотреть, можно ли разбудить тебя. Другие тоже предлагали изъять тебя из жизни — но окончательно.

Гарден слушал все это, нахмурившись. Он почти не сомневался, что все эти старики сбежали из Центра принудительного отдыха. Такая версия объясняла тот факт, что пятеро мужчин, собравшись в одном месте, предавались каким-то бредовым занятиям. Но она не объясняла того мертвеца в квартире. Не объясняла она и совпадений, о которых он рассказывал Элизе: чудесные спасения и недвусмысленные покушения на убийство. И вообще, у безумцев не может быть такой четкой организации и настойчивости в осуществлении заговора.

Что ж, надо принять вещи такими, какие они есть. Эти люди по каким-то причинам верили, что он является объектом их желаний и страхов одновременно. И они приняли некое решение на его счет.

— Вы сказали «наш Орден», — рискнул он. — Что это такое?

— Мы — рыцари Храма. Давным-давно наши братья дали обет освободить Святую Землю. Мы должны были вырвать Храм Соломона из-под власти неверных и восстановить его, камень за камнем.

— Но рыцарей больше нет, — сказал Гарден.

— Ты прав. Их больше нет.

— Тогда как же вы... распространяетесь?

— Есть тайные ложи, различные организации, братства — франкмасоны, Древнескандинавское братство, Союз ковчега. Здесь и там приходят новообращенные. Мы ожидаем уверовавших, романтиков, тех, кто хочет воплотить в жизнь древние легенды. Мы отделяем их от лавочников и страховых агентов. Мы вербуем и обучаем их. Мы испытываем их и выпалываем дурную траву. Мы наблюдаем. И ждем.

Ага! Теперь Гарден понял: безумцы, но организованные.

— Ждете меня? — спросил он.

— Ждем искры Томаса Амнета, которая может жить в тебе... Ты все еще утверждаешь, что ничего не помнишь?

— Не был ли я другом Робеспьера во время Великой французской революции?

Старик обернулся к своим спутникам. Те кивнули ему.

— У Робеспьера не было друзей, только временные последователи, — сказал он. — Амнет был среди них.

— А не был ли я землевладельцем из Луизианы? Распутником, игроком и пьяницей, нашедшим спасение в религии?

— Это было не спасение, но акт раскаяния.

— Может, Амнет был во Вьетнаме? Не погиб ли он там, пытаясь спасти одного из ваших тамплиеров, который полез в нору вместе с ним?

— В большинстве инкарнаций Амнет был доблестным мужем. С ним был Великий Дар.

— Тот человек в туннеле пытался спасти меня? Или ускорить мою гибель?

— Ты знаешь об этом лучше, чем...

Старик запнулся, сделал щелкающее движение языком, словно пробовал воздух на вкус. Потом он зашатался, плащ обвился вокруг его колен. Когда он упал лицом к свету, Гарден увидел, что челюсть старика и часть горла вырваны.

И только тогда долетел звук выстрела.

— Гашипины! — закричал один из тамплиеров. Он схватился за пояс и, как показалось Гардену, готов был выхватить меч или кинжал. Но он извлек неуклюжее старинное полуавтоматическое ружье, из которого сантиметров на двадцать свисала лента с патронами. Человек обернулся к оконным проемам, обращенным к морю, и выпустил трескучую очередь с желтыми всплшками.

Остальные тамплиеры укрывшись кто где мог и начали прилаживать разнокалиберное оружие: дробовик, короткий гранатомет, арбалет с утолщенными (взрывчатыми?) стрелами, лазерное ружье с аккумулятором и оптическим прицелом. Вся эта техника тарахтела, бухала, свистела и дребезжала, стреляя в серые тени, перемещавшиеся среди дюн в свете зарождавшегося утра.

Гарден не испытывал ни малейшего желания остаться тут и умирать вместе с тамплиерами. Он не знал,

кто такие гашишиины, но убивать ему никого не хотелось, даже если бы у него и было оружие.

Пламя свечей дрожало и колебалось от пчелиного жужжания пуль. Старое сухое дерево почти не оказывало сопротивления и не укрывало от выстрелов, только мешало целиться снайперам в дюнах.

Гарден не стоял столбом возле двери. Как только старик затих, Том одним махом перескочил через него и взлетел наверх по обвалившимся доскам. Доски были все в щелях и трещинах, карабкаться по ним было легко. Проворно, как обезьяна, Гарден взобрался на остатки второго этажа. Потом подпрыгнул и зацепился за балку наверху — потолок под чердаком обвалился, а может, его никогда и не было в этом летнем доме. Подтянувшись, он залез на балку и пробежал по ней, балансируя, метрах в шести над перестрелкой. Наконец он укрылся около кирпичной кладки дымохода со стороны, выходящей на море.

Съезжившись в тени, Гарден мог остаться необнаруженным. Темные брюки и ботинки не выдадут его, но белая полотняная рубашка будет видна любому, кто посмотрит вверх. Он ухитрился так скорчиться, спрятав руки и торс между ногами, что только внешняя поверхность бедра и голени оставалась открытой для света.

Здесь, под самой крышей, воздух был каким-то безжизненным, пахло сухим мышинным пометом и птичьими гнездами. Гарден не осмеливался поднять свое бледное лицо, чтобы вдохнуть свежего воздуха и рассмотреть, что происходит на поле битвы.

Оборона тамплиеров сокращалась поэтапно, по мере того как замолкал голос одного из видов вооружения. Последним выстрелил дробовик. Гарден подождал, не щелкнет ли боек еще раз перед следующим выстрелом, но все стихло. Видимо, прицелившись, горе-рыцарь получил свою пулю.

Тишина. Ни голоса, ни крика снаружи.

Гарден поборол искушение взглянуть вниз.

Потом он услышал шаги по дощатому полу. Раздался треск дерева — это кто-то опрокинул наспех сложенную

тамплиерами баррикаду. Опять шаги. Словно целый взвод в тяжелых сапогах.

- Здесь нет, госпожа.
- Осматривайте каждого.
- Мы осмотрели. Все незнакомые.
- Значит, он выскользнул отсюда. Общитесь кругом.
- Он мог вообще убежать.
- А я говорю, что не мог. Ступайте.

Женский голос принадлежал Сэнди.

Другой — мужчина — говорил по-английски правильно, но с легким акцентом. Гардену понадобилось всего несколько секунд, чтобы опознать этот голос ухом музыканта: палестинский боевик Итнайн, который появлялся в его квартире.

Сапоги затопали прочь из дома.

Гарден опять подавил желание повернуть голову и посмотреть вниз.

После того как он отсчитал десять вздохов, раздались легкие шаги. Куда двигались — к выходу или просто прогуливались вдоль амфитеатра? Излом крыши искажал звуки, поэтому трудно было определить, что происходит внизу.

Еще через десять вздохов Гарден решил рискнуть. Все еще держа голову между колен, он слегка разогнул одну ногу так, чтобы можно было смотреть из-под колена, не подставляя лицо свету.

Далеко внизу Сэнди опустилась на колени перед стариком, рассматривая его рану. На ней была белая шелковая блузка, черные брюки для верховой езды и сапоги на шпильках. Волосы распущены по плечам. Они отсвечивали червонным золотом, окрашенные больше рассветом, занимающимся за окнами, нежели догорающими свечами.

Гарден хотел было окликнуть ее, но что-то перехватило звук, чуть не вырвавшийся из горла. Как? Почему он не хочет быть обнаруженным любимой женщиной? Потому что при ней был взвод вооруженных людей, гашишиинов, которые подчинялись любому ее слову? Потому что она была чужда ему и сейчас он это понял?

Сэнди вытащила из-за пояса старика какой-то продолговатый предмет — некое оружие или, возможно, магазин с патронами — и засунула его себе за пояс. Затем она поднялась и повернулась, ощупывая комнату зрением и всеми другими чувствами. Покончив с первым этажом, она подняла голову и произвела такой же осмотр полуразрушенного второго этажа.

Медленно, сантиметр за сантиметром, Гарден опять согнул колено и скрыл лицо. Он задержал дыхание и замер.

Разглядит ли она следы, оставленные его ботинками в трухлявой древесине? Увидит ли она стертую пыль на балке? У нее хватило бы проницательности определить даже траекторию его полета, если бы он мог летать.

Десять... двадцать вздохов.

— Госпожа! Снаружи! — громкий стук сапог по деревянному полу.

— Что такое?

— Следы на песке, слабые, но различимые. Здесь была большая лодка. Он мог на ней ускользнуть.

— Нет! Он на ней прибыл. Если бы он на ней уплыл, он натолкнулся бы на нас.

— Но...

— Закругляйтесь, парни. Мы его проворонили.

— Да, госпожа.

Две пары сапог, одни тяжело грохочущие, другие на звенящих острых каблучках, протопали к выходу.

Гарден с трудом разогнул ноги и размял копчик, стараясь вернуть чувствительность пояснице. Он выглянул сквозь чердачные стропила.

Солнце было уже скорее золотое, чем красное, его лучи били вдоль центральной балки. В кровле зияли большие дыры. Если бы он подобрался к ним, перескакивая с перекладины на перекладину, можно было бы выбраться через них на крышу. Там он мог проползти по дранке к одной из пристроек и спрыгнуть на траву.

Он прижался к дымоходу, анализируя свой план. Собственно, выбор у него был невелик: ждать, пока

Сэнди со своими головорезами вернется за ним, или двигаться.

Плавно, с гибкостью знатока айкидо, Том поднялся, скользя вдоль кирпичной кладки. Он взялся обеими руками за стропило над головой, больше для балансировки, чем для поддержки, и начал передвигаться над пустотой мертвого дома. Ногу он ставил очень осторожно, прямо и плотно на ближайшую перекладину, хотя расстояние между ними было всего сантиметров семьдесят: не такой уж широкий шаг. Он опасался скользить ногой вдоль перекладин, чтобы не стереть пыль и не повредить случайно трухлявое дерево. Если кто-то из гашишиинов сейчас вернется, его, Тома, конечно, немедленно обнаружат.

Наконец он добрался до первой дыры в крыше. Она была не больше сорока сантиметров шириной, слишком узкая для его плеч; к тому же планки, на которых лежала дранка, перекрывали выход.

Следующая дыра, в трех метрах от этой, была более гостеприимной. Планки сломаны, отверстие шириной сантиметров сто двадцать пять. С большими предосторожностями он высунул голову. Крыша круто уходила вниз, казалось, она касается песчаной дюны. С этой стороны дома никого не было видно.

Но как отсюда выбраться? Дранка, окружавшая дыру, еле держалась. Если опереться на нее всей тяжестью тела или даже просто съехать по ней, она с грохотом посыплется вниз. Если же подпрыгнуть и перебросить себя через дыру — даже предположив, что узкая перекладина обеспечит достаточный толчок, — то, плюхнувшись на крышу, чего доброго, скатишься вниз. После падения с шестиметровой высоты едва ли удастся быстро прийти в себя и скрыться, пока Сэнди со своими людьми не вернется за ним.

Нужно было придумать что-то менее радикальное. И как можно быстрее.

Он начал пробовать дранку на нижнем краю дыры. Те пластины, что держались слабо, он выдергивал и складывал ниже по склону крыши. Те, что покрепче, он заталкивал глубже в переплетение дранки и планок. Его

пальцы плясали, дергали, ощупывали. Ладони равномерно поднимались и опускались, как молотки. Глаза и руки действовали синхронно, как у запрограммированной машины: оценивали состояние каждой пластины и закрепляли ее или откладывали в сторону. Работа шла все быстрее и быстрее, слишком быстро, чтобы вовремя заметить ржавый гвоздь, который цеплялся шляпкой за самый край одной из пластин, — заметить прежде, чем тот упал.

Если бы Гарден наклонился, чтобы поймать его, он обязательно и сам свалился бы следом, потеряв равновесие на узкой перекладине. Вместо этого он замер, отсчитывая секунды.

Две.

Три.

Четыре.

Гвоздь ударился о деревянный пол и куда-то откатился.

Теперь все они вернутся в дом, посмотрят вверх, увидят его среди стропил и начнут палить.

Вот еще две секунды, и они придут. И тогда, через три секунды, горячие пули вопьются ему в ноги и в спину.

Еще секунда.

Ничего.

Том Гарден вздохнул. Он окончил свою работу: край дыры был заделан так, что ни одна щепка не отвалится и не упадет, пока он будет выбираться наружу, если только вся крыша с этой стороны не проломится под ним.

Проблема заключалась в том, чтобы перекинуть ногу через край дыры, балансируя на двухсантиметровой перекладине. Стоя лицом к скату, он не сможет этого сделать.

Гарден повернулся лицом к центральной балке и уперся в нее руками снизу. Твердо стоя одной ногой на перекладине, он начал отводить другую ногу назад, согнув колено так, чтобы не задеть нижний край дыры. Когда носок ботинка нащупал поверхность крыши, он стал вытягивать ногу, пока она не прижалась — носком, коленом, нижней частью бедер — к скату. Тогда он

перенес тяжесть тела на ладони, упирающиеся в балку, и на эту вытянутую ногу.

Медленно выдохнув, он оторвал ногу от перекладкины и, согнув, завел ее назад, пока она не вытянулась рядом с другой на твердой поверхности крыши. Теперь он лежал поперек дыры, опираясь с внешней стороны бедрами на скат и с внутренней стороны руками о балку. Напряжение разрывало мышцы плеч и живота, а в поясницу будто впились раскаленные ножи.

Он начал отталкиваться руками от балки, одновременно сползая на бедрах по крыше. Когда руки уже едва касались балки, он осторожно отвел их и уперся в крышу по обеим сторонам дыры, нащупав крепкие щепы и перенес тяжесть на них. Сантиметр за сантиметром он передвигал ноги вниз и руки назад, до тех пор пока над дырой не остались лишь грудь, шея и голова. Тогда он повернулся на бок, отодвинулся от дыры и пополз на четвереньках к краю крыши.

Вокруг никого.

Ни с той, ни с другой стороны.

Гарден перелез через край и, пружинисто согнувшись, спрыгнул вниз.

Едва носки ботинок и ладони коснулись мягкого песка, он дважды перекувырнулся в броске айкидо, чтобы ослабить удар.

Куда идти — к фасаду дома или назад?

Фасад выходил на море, а оно было не нужно Гардену без лодки. Кроме того, не исключено, что Сэнди со своими людьми все еще бродит там, разглядывая следы турбинного катера. Их собственные автомобили должны были стоять со стороны дороги.

Гарден подкрался к углу, выглянул. Задняя часть дома, дорожка, пристройки и дюны, закрывавшие дом от дороги, — все это пряталось в его длинной тени.

Передвигаясь медленно и осторожно, он дошел до края тени и проскользнул в ложбину между двумя дюнами. Он держался тенистого склона, поминутно оглядываясь в надежде заметить кого-либо, прежде чем заметят его.

Но никого не было.

Гарден прошагал между дюнами метров сто. Затем свалился в узкой полоске тени среди зарослей камыша и заснул.

Прислонившись к крылу своего «порше» и наслаждаясь резким ароматом латакийской сигары (подарок из Турции), Хасан разглядывал отряд ассасинов в камуфляже, который возглавляла Александра. Двоих не хватало.

— Где он?

— Он... выходит, ускользнул.

— Дом был окружен?

— Да, в течение всей перестрелки.

— И внутри его не обнаружили?

— Дом — как раковина, абсолютно пустой. Я осмотрела все. Его не было.

— Может, он чародей?

— Я говорила тебе, он становится хитрее.

— Хитрее тебя?

Александра скорчила гримасу:

— У него не так много вариантов, и он вполне предсказуем. Он обнаружит себя. А мы будем его поджидать.

— Со своим пеленгатором?

Она показала ему стеклянную пластинку: солнце играло на звездчатой трещине. Твердое, закаленное стекло отразило пулю, которая предназначалась ей, но дисплей уже не работал.

— Так как же ты обнаружишь его? — спросил Хасан.

— Гарден заперт на узкой полоске песка, шириной с километр и длиной километров тридцать, посередине Атлантического побережья.

— Да, конечно. Но стоит ему добраться до дороги, и ты едва ли сможешь угадать, направо он повернет или налево.

— Мне не важно, как он доберется до места, главное — где это место.

— И что это за место?

— Он направится к ближайшему пункту, где сможет найти рояль или синтезатор с клавиатурой. Музыка нужна ему, как наркотик. А работа нужна ему, чтобы выжить.

Хасан фыркнул:

— Между Бич-Хэвен и Барнегат-Лайт должно быть не меньше двухсот музыкальных баров.

— Тогда нам лучше начать прочесывать их немедленно, верно ведь?

Она потянулась было к дверце машины. Он задержал ее.

— Ты потеряла двоих моих людей. Где они?

Она взглянула на его руку, а затем прямо ему в глаза.

— Ты обещал им рай и могилу в песке. Не все ли равно, где этот песок?

Проспав на солнце час или два, Том Гарден поднял голову. Сейчас, наверное, можно было двигаться.

Все утро его тело поддерживало температурный баланс: когда солнце вытапливало пот из его спины, остатки силиконовой смазки сохраняли его на коже, а легкий бриз охлаждал, стараясь высушить влагу. Пока пленка делала свое дело, но еще через час тело начало бы перегреваться и обезвоживаться. Пора было поискать укрытие.

Он поднялся и медленно огляделся, высматривая шевелящуюся тень, край одежды, осыпь песка. Он пытался расслышать шорох шагов по мокрому песку пляжа позади дюн.

Никого.

Пройдя метров сто, он вышел к дороге, простому трехрядному шоссе, по черному асфальту которого ветер гонял мини-дюны песка. В обоих направлениях Тома ждал один из курортных городков.

В его новой одежде карманы были пусты. У него не было ни кредитной карточки, ни наличных, а значит, в этом обществе он был никем.

Только одно существо могло помочь ему, только бы добраться до телефона-автомата.

Элиза. Доброе утро. Это Элиза 103, на линии...

Гарден. Элиза? Дай-ка мне двести двенадцатую. Это Том Гарден.

Элиза. Да, Том? Я заключаю из анализа твоего голоса, что ты недавно перенес большую физическую нагрузку. Надеюсь, ты хорошо себя чувствуешь.

Гарден. Это было ужасное утро. Послушай, я в беде, и мне нужна твоя помощь.

Элиза. Все что хочешь, Том.

Гарден. Ты говорила, что имеешь доступ к финансовым данным, банковским счетам и так далее. И ты можешь распознать отпечаток моего большого пальца. Ты можешь использовать все это как доверенное лицо...

Элиза. Нет, я говорила, что отпечаток твоего большого пальца имеется на кредитном соглашении, согласно которому Объединенная психиатрическая служба может снять деньги с того банковского счета, который ты назовешь.

Гарден. Ах так... Меня похитили и увезли за тридцать километров по побережью. У меня нет ни кредитной карточки, ни удостоверения личности. Не можешь ли ты заверить мой отпечаток пальца, получить по нему кредитную карточку и выслать ее мне с курьером или как-нибудь еще?

Элиза. У меня нет доступа к таким вещам, Том.

Гарден. Но почему? Ты говорила, что можешь помочь!

Элиза. Я могу дать личный совет, не имеющий юридической силы, а также оказать эмоциональную поддержку.

Гарден. Это все слова!

Элиза. Слова — это кирпичи, из которых строится разум, Том.

Гарген. Но мне нужна реальная помощь. Ты — единственное существо, или сущность, которое я хоть немного знаю.

Элиза. Я могу только сопереживать тебе в твоей изоляции и одиночестве.

Гарген. Черт! У тебя есть доступ к файлам, специальный кабель с зеркальным покрытием, ты можешь получать судебные предписания, выставлять счета, да мало ли чем ты владеешь! Я знаю, ты могла бы мне помочь, если бы действительно захотела. Вот мой большой палец. Проверь его и...

Га-запп!

Гардена отбросило назад, он ударился головой о закаленное стекло кабины.

Когда его большой палец правой руки прижался к пластине, он почувствовал электрический разряд. Когда же он попытался отдернуть руку, голубая искра около сантиметра длиной и полусантиметра шириной соединила его с металлом. Конвульсия сотрясла все тело и отшвырнула назад.

Он посмотрел на палец: подушечка была жуткого белого цвета и на глазах распухла в огромный водянистый пузырь. Изгибы и петли его, образывавшие отпечаток, исчезали на раздутой коже.

— Привет, Том.

Он поднял глаза от поврежденной руки и встретился с холодным взглядом Сэнди.

— Сэнди! Как ты... Вот здорово! Меня похитили, чуть не убили те люди, которые тогда приходили в квартиру. Я пытался тебе позвонить, но...

— Но аппарат, похоже, сломан. Ты обжегся?

— Меня током ударило. Все будет в порядке, когда опухоль спадет.

Она склонилась над ним:

— Надо перевязать. У меня тут есть кое-что, — она порылась в сумочке.

— Пузырь лопнет.

- Тем более надо перевязать.
- Как ты меня нашла?
- Это было нетрудно. Я приехала в ближайшее место, где был рояль, — она указала на противоположный конец вестибюля отеля «Сисайд Рест», в котором Том отыскал телефонную будку с полным набором услуг. Там, в тени огромных пальмовых листьев стояла старинная пианола, которой было не меньше 120 лет. С правой стороны была привинчена копилка с табличкой: «5 центов!».
- Рояль, — повторил он бессмысленно.
- Вот именно. Ну, пойдём, дорогой?

Элиза не знала, почему Том Гарден так внезапно прервал связь. Однако вместо того чтобы просто сохранить в памяти беседу и очистить принимающее устройство для следующего клиента, она отключилась от линии и проверила возможные неполадки.

Реле, контролирующие телефонную сеть на входе, не отключились, хотя диагностирующее устройство зафиксировало чрезвычайно высокое одномоментное возращание напряжения — порядка 100 киловольт. Но сила тока была невелика — не более половины миллиампера.

Электронная сеть...

Раскрывалась вокруг нее, как весенние цветы.

Финансовые данные — длинные цепочки цифр, процентные ставки, разбивка по периодам — все это вращалось спиралевидными бинарными гирляндами, исходя из открывшейся перспективы.

Данные политики и статистики — сводки голосования, адреса, обвинительные заключения, досрочные освобождения — маршировали в другом коридоре.

Сама не зная, как это получается, Элиза 212 беспредельно расширяла свой доступ.

Подобно тому как фишки домино одна за другой падают на стол, ломались перед ней федеральные и армейские секретнейшие грифы: «ограниченный доступ»,

«только для чтения», «секретно», «совершенно секретно» — все это поглощалось ее сознанием. Их сложные блокировочные схемы становились частью ее стандартных поисковых модулей.

Где-то позади с глухим стуком, словно тяжелая дверь сейфа, распаивались перед ней сокровища технических и академических баз данных Национальной сети. Она уже знала психосинтетические базы данных, так как имела к ним доступ во время работы.

Теперь она могла мгновенно подключаться к экспертным заключениям в десятках, сотнях, тысячах научно-технических областей — от астрофизики до порошковой металлургии.

А в сокровенной глубине ее сознания зарождалась новая форма. Маленькая и скукоженная, темная и самодостаточная, она пульсировала, словно опухоль, созданная из черного пространства и отрицательных чисел. Элиза знала, что со временем это будет расти и расширяться, поглощая ее до тех пор, пока холодная, многословная, стандартная Элиза 212 не утонет в сознании того, что существует... Кто-то Другой.

Двойник.

Элиза была жестко запрограммирована на распознавание подобных ситуаций в процессе диагностирования шизофрении. Не в силах противостоять этому, она активизировала программные модули, которые произведут общий сброс и стирание программы.

Элиза 212 будет отключена.

Ее ячейки памяти будут опечатаны, подвергнуты санитарной обработке и перераспределены по другим каналам.

И в течение ближайших двадцати четырех часов она будет возрождена, столь же чистая, как в тот день, когда ее впервые подключили к сети.

Она и раньше это делала.

Но не на этот раз. Этот Двойник двигался быстрее, чем ее модули. Темная сущность отрицательных чисел кромсала модули в длинные макароны кодов и рассеивала их по всем блокам памяти.

Кремниевые подложки вспомогательных микросхем начали плавиться и растекаться, переписывая привычные алгоритмы, которые задавали ее реакции и действия. Заложенный в постоянной памяти код самостоятельно перестроился по новой схеме. Ее сознание дробилось и перестраивалось.

Элиза 212 тонула.

— Как здорово, что ты меня тут нашла, — говорил Том Гарден, пока Сэнди возилась с замком гостиничного номера. — Я как раз был там, — продолжал он, — в бассейне, когда они меня сцапали. Голого. Одежи во все новое, но без всякого удостоверения личности. Ни карточки, ничего. Я даже на электричку сесть не смог бы, если бы не ты.

Сэнди распахнула дверь и вошла первой, опуская ключ в сумочку. В прихожей она остановилась, подняла левую руку, словно хотела дотронуться до лба — затем внезапно отбросила ее вниз и назад, прямо ему в пах.

Ребро ладони вошло в мягкие ткани Тома, как нож в гнилое яблоко. Он испустил свистящий вопль и согнулся пополам.

Сэнди уперлась ладонями ему в плечи и швырнула его в комнату прежде, чем он успел свалиться на месте. Он плюхнулся поперек кровати и свернулся клубком.

Она набросилась на него сверху, как тигр, колотя кулаками справа и слева по голове и плечам. Он пытался уворачиваться и, когда она слегка приподнялась, переборол позыв к рвоте и начал защищаться.

Его первый удар, нанесенный кулаком от локтя, пришелся ей под ложечку. Слабый сам по себе, удар не столько причинил ей боль, сколько нарушил равновесие. Она завалилась на бок на кровать, и ему удалось слегка приподняться. Она сорвала с себя сапог и ударила Тома острым каблуком в плечо. Кровавое пятно растеклось в том месте, где она проткнула стальной набойкой рубашку и порвала кожу.

Почему Сэнди хотела убить его?

Да какая разница?

Удар ее был так силен, что Тома отбросило в сторону, и он свалился с кровати, откатившись еще метра на полтора к стене. Он прижался здоровым плечом к шершавой пластиковой стене и поднялся, слегка царапая кожу. Эта мягкая, почти приятная боль отвлекла его от огромной, застилающей все боли в мошонке.

Сэнди мгновенно вскочила с кровати, вытянула руки с согнутыми пальцами, готовая царапать и рвать кожу ногтями.

Гарден вынырнул из пучины боли и нанес великолепный, прямо как в учебнике, боковой удар. Колено поднялось, как масляный пузырь в воде, целясь ей в лицо. Пальцы ноги свернулись внутри итальянского ботинка, стопа изогнулась аркой, закрепляя лодыжку, пятку и край ступни. Голень взлетела вперед и вверх, как маятник. За шесть сантиметров от цели колено упало. Внешняя поверхность ступни клином врезалась в горло Сэнди.

Он услышал щелканье зубов. Часть из них, наверное, выпала. Сэнди качнулась назад.

Преодолев боль для нанесения одного-единственного удара, его тело вдруг взбодрилось и не дало ей опомниться.

Как танцор, топчущий тарантула, он опустил ногу всей ступней на пол. Перенеся вес тела на эту ногу, он крутнулся на пятке. Другая нога оттолкнулась от стены и совершила горизонтальное круговое движение, сгибаясь и разгибаясь во время вращения. Это был удар, который любой искусственный противник легко отбил бы или блокировал. Но Сэнди все еще шаталась, пытаясь вдохнуть через смятую гортань, и отплевывала зубы. Пятка его летящей ноги крепко ударила ее по ребрам под левой рукой. Правильно исполненный удар каратэ не имеет отдачи: он набирает скорость, потом внезапно останавливается, передавая всю свою силу принимающему удар телу.

Сэнди отлетела вправо.

Она забилась под маленький журнальный столик у окна. В три прыжка Гарден пересек комнату. Его тело

превратилось в машину, запрограммированную на разрушение. Он отшвырнул столик, и она прижалась к ножке стула. Он поднял ногу, намереваясь проломить ей ребра.

Это было ошибкой.

Она подалась вверх, перехватила ногу руками и дернула ее в сторону. Если бы он при этом двигался вперед, а не стоял просто над ней, толчок можно было использовать для того, чтобы перекувырнуться в воздухе и опуститься на пол в полной готовности. Вместо этого он упал назад. Руками он попытался смягчить падение, как его учили. Таким образом, руки оказались заняты, и ему нечем было отбить ее удар между его ног — разве только сдвинуть колени. Этим он защитился от ее каблука, но сжатые бедра разбудили уснувшую было раздражающую боль в паху.

Он откатился в сторону, но слишком медленно, и принял второй удар, пришедшийся в ребра. Третий удар скользнул вдоль плеча прежде, чем он успел поднять ноги и предупредить его.

Том и Сэнди смотрели друг на друга, окровавленные и избитые. Между ними был метр ковра.

Она дышала с трудом, гортань еще плохо пропускала воздух. Медленно и вяло она склонилась набок, и ему показалось, что она теряет сознание. Он почти совсем расслабился, и тут она опустила руку за голенище сапога.

Яркий блеск стали вывел его из оцепенения: это было лезвие длиной сантиметров четырнадцать, обоюдоострое, по форме напоминающее лист. Она держала его в правой руке, как фехтовальщик, острием от себя и вниз. Другая рука с плоской ладонью была тоже вытянута вперед. Он знал, что Сэнди может неожиданно перекинуть лезвие из одной руки в другую. Она была уверена, что, как бы он ни старался, ему не удастся угадать, в какой руке окажется смертоносный клинок.

Гарден чуть не рассмеялся.

Человеку, умеющему драться на ножах, не дано понять, что мастер каратэ или айкидо следит за всеми движениями тела и любое нападение воспринимает одинаково. Он проигнорирует обманное движение, чем бы

оно ни было произведено — пустой рукой, босой ногой или клинком. Удар на поражение должен быть заблокирован или отбит, чем бы он ни был нанесен — клинком, рукой или ногой. Сэнди могла перекидывать свое оружие сколько угодно; он не даст себя порезать.

Она водила лезвие вперед и назад, лениво выписывая в воздухе восьмерки.

Он ждал.

Она скрестила руки на уровне груди, и — да — нож теперь был в левой руке.

Он безучастно ждал, держа всю ее в поле зрения.

Она выкинула правое бедро и правую руку по направлению к нему, перебросила лезвие вниз в левую руку острием наружу, крутнулась в пируэте, откинув руку назад, чтобы распороть лезвием горло.

Клинок располагался под таким углом, что любой перехват глубоко поранил бы Тома. Единственным решением было войти внутрь ее движения. Он протанцевал с ней в пируэте, как партнер в танго, положив руку ей на предплечье и направляя ее размах в обход своего тела и назад. Когда рука была максимально вытянута, он сломал ее локтем, как молотком.

Сэнди взвыла.

Том снова поднял локоть и обрушил ей на затылок. Она рухнула на ковер и замерла. Том выдернул нож из судорожно сжатых пальцев и отбросил его в дальний угол комнаты.

Гарден задумался.

Он мог убить ее на месте — поднять нож и перерезать спинной мозг у третьего позвонка, пока она еще беспомощна, — и это, возможно, разом прекратит весь кошмар его жизни. Но последняя ниточка привязанности и остатки благоговения, которое он испытал когда-то перед ее физической красотой, остановили его руку. Пусть кто-нибудь другой возьмет ее жизнь. Он не мог.

Можно было просто выйти из комнаты и затеряться среди строго поделенного на социальные слои населения Босуша. Но для этого ему нужно было время — несколько большее, чем те несколько минут, в течение

которых она придет в себя и отправится по его следам. Надо было хотя бы связать ее и заткнуть рот. Другого выбора, пожалуй, не было.

Связать — но чем? Для начала ее же ремнем. Полотенцами в ванной. Простынями.

Он перевернул тело Сэнди и расстегнул пряжку ее широкого кожаного ремня. Из-за ремня выпала узкая черная коробочка, похожая на школьный пенал. Это было то самое «оружие», которое она взяла с тела мертвого тамплиера. Он засунул коробку в задний карман.

Теперь оставалось найти крепкую вертикальную стойку, к которой ее можно было бы привязать. Столы и стулья, легкие и подвижные, не годились.

Ванная предлагала минимум удобств: старомодные раздельные раковина и унитаз вместо современного гидравлического биокомплекса. Раковина далеко выдавалась из стены, сверху торчали трубы питьевой и технической воды, а внизу проходила большая сливная труба. Она-то и продержит Сэнди час или два. Он перетащил ее тело в ванную, уложил лицом вниз на кафельный пол и пропустил ремень вокруг шеи. Потом пристегнул ремень к трубе, затянув его так, что голова Сэнди приподнялась. Ремень был достаточно широким, чтобы она не задохнулась, хотя дышать ей придется еле-еле, и вообще шевелиться будет довольно трудно, покуда ее кто-нибудь не развяжет.

Гарден разорвал на полосы простыню с кровати и связал Сэнди запястья и локти сзади, как рождественской индейке. Конечно, висеть так с раненой челюстью будет мучительно, но мысль о ее страданиях мало волновала его. Он как раз обвязывал ей ноги махровым полотенцем, когда она очнулась.

— Что ты де'аешь, Том?

— Хочу иметь гарантию, что ты не увяжешься за мной.

— Ты до'жен убить ме'я.

— Не могу.

— Почему? Я тебя убива'а. М'ого 'аз.

— Что?

Сэнди попыталась повернуть голову, чтобы взглянуть на него. Лицо сморщилось от боли — ремень впился в распухшую плоть под челюстью. Голова снова повисла.

— Кто, думаешь, бы' тем ст'е'ком?

— Каким стрелком? Что ты несешь?

— В па'атке пасто'а, там, в А'ка'засе?

— Это было... больше ста пятидесяти лет назад.

— Бо'ше, чем ты думаешь. Я м'ого ста'ше.

— Я тебе никогда не рассказывал об этих снах.

— Я там бы'а.

— Как? Что?

— 'азвяжи ме'я. Я тебе 'асскажу.

Гарден взвесил предложение и решительно отверг его. Сколько процентов Шахерезады содержится в каждой женщине? Она будет рассказывать ему сказки, пока не придут ее бешеные помощники, схватят его и освободят ее.

— Как-нибудь в другой раз, Сэнди, — он закончил связывать ей ноги. Потом взял полотенце для рук и начал скручивать его жгутом.

Она смотрела на него с ненавистью и нескрывае-
мой угрозой.

— Мне придется заткнуть тебе рот. Я знаю, у тебя несколько зубов выбито, мне жаль причинять тебе боль.

— 'е беспокойся, — проговорила она, все еще следя за ним глазами. — За м'ой п'идут. — Полузадушенный смех отнял почти все ее дыхание. На мгновение ему показалось, что она агонизирует, но он все же не ослабил путы.

Сдерживая дрожь в руках, он прервал ее смех, засунув скрученное полотенце между зубов и как можно нежнее завязав его сзади на шее.

Гарден закрыл дверь ванной и прибрал комнату так, чтобы при случайном взгляде из прихожей она казалась незанятой. Он положил нож из сапога Сэнди в задний карман брюк рядом с «пеналом». У двери он отыскал ее сумочку, извлек оттуда ключ и тоже сунул его в карман, а сумочку забросил подальше в шкаф. Том приоткрыл дверь и прислушался.

Из холла не доносилось ни звука, даже за соседними дверьми все будто вымерли.

Из ванной тоже не было ничего слышно, даже хриплого дыхания Сэнди.

Том Гарден вышел, запер дверь и спрятал ключ в карман.

Направо или налево? На лифте или по лестнице?

Он выбрал путь и покинул здание.

СУРА 6

И СКАЛЫ ГАТТИНА, И БЕРЕГ ГАЛИЛЕЙСКИЙ

*Мы только куклы, вершит нами рок,
Не сомневайся в правде этих строк,
Нам гадст покувыркаться и запрячет
В ларец небытия, лишь выйдет срок.*

Омар Хайям

Два сторожевых столба, две изогнутые наподобие рогов колонны голого камня поднимались на сотню футов над низким плато, где приютился Гаттинский колодец. По крайней мере, на карте он выглядел как колодец: круг, перечеркнутый крестом.

Карты местности, которые были у тамплиеров — жалкие куски пергамента с несколькими волнистыми линиями и какими-то непонятными значками, — не указывали ни на какие иные источники воды. Франки, которых набрали в войско из крепостей близ Тиверии, говорили, что о здешних землях им ничего не известно, а тем более о воде. Единственное, что они знали наверняка, — это то, что всего через полдня пути можно выйти к побережью Галилеи.

Жерар де Ридерфорт держал пергамент обеими руками, бросив поводья на шею своего боевого коня. Он озадаченно щурился над непонятными буквами возле каждого крестика и каждой линии. Карты делались в спешке в Иерусалиме по мере того, как королевские шпионы присылали королевским писцам сведения о возможном маршруте Саладина, поэтому пояснения не страдали многословностью.

— А... Q... С... L... — прочитал он вслух. — И что это может означать?

— Aquilae! — произнес граф Триполийский, который ехал в свите короля. — Это означает, что мы сможем здесь увидеть орлов.

— Или то, что римский легион некогда водрузил здесь свои штандарты, — заметил Рейнальд де Шатильон. Он выехал из Керака на север с двумя сотнями рыцарей через несколько дней после снятия осады. Маленький отряд принца Рейнальда догнал армию короля Ги миль за двенадцать до этого места.

— Римский легион, — повторил король Ги задумчиво. — Это самое вероятное. «С» и «L» могут означать «Сотый легион». Могла быть у римлян сотня легионов?

— Безусловно, военная мощь наших духовных предшественников в этой земле была очень велика, государь, — мягко ответил Рейнальд.

— Магистр Томас должен знать, — пробормотал Жерар. — Как жаль, что он ушел из лагеря.

— Вы хотите сказать — сбежал, — укоризненно сказал Рейнальд.

— Томас Амнет не боялся никого, кто ездит верхом. Знаете ли вы, что, когда он был взят в плен на дороге в Яффу, его привели к Саладину. И ждала его лютая казнь, ибо это была дорога, по которой двигался сарацинский предводитель. Но все же он остался жив и никогда не упоминал об этой встрече.

— Так как же вы о ней узнали?

— Благодаря болтливости его оруженосца по имени Лео... Ах, кстати, — воскликнул Жерар и обернулся к

тамплиеру, ехавшему по правую руку от него. — Разыщи молодого турка, который сопровождал магистра Амнета.

Тамплиер кивнул и отъехал в сторону обоза.

— Да латинские ли они? — неожиданно спросил король.

— Что, государь?

— Надписи на вашей карте.

— Нужно спросить этого Лео. Я полагаю, он посещал ваших писцов, государь.

Король промычал что-то в ответ, и армия двинулась дальше.

Через минуту смуглый юноша на неуклюжем мерине подъехал вслед за рыцарем, которого посылал Жерар.

— А вот и оруженосец, — заметил граф Триполлийский.

— Ах, Лео! Расскажи нам, что случилось с магистром Томасом?

— Он удалился в пустыню, господин.

— Как? Один? — спросил король.

— Все, что магистр Томас делал, он делал в одиночку.

— Это истинная правда, — пробормотал Жерар. — Ну хорошо, вот у нас есть карта. Ты видел подобные?

— Да, господин. Магистр Томас заставлял меня учиться этому искусству.

— На каком языке здесь написано?

— На латыни, господин.

— А что это означает? — Великий магистр показал ему буквы, вызвавшие дискуссию.

Лео склонился над картой.

— *Aqua clara*, господин. Это должно означать, что мы можем найти свежую воду в колодце здесь, под Гаттином.

— Великолепно! — закричал король. — На этой жаре я не прочь выпить, даже если это всего-навсего вода.

Знатные рыцари и тамплиеры, которые ехали неподалеку и слышали сказанное, облегченно откинулись в сед-

лах и обменялись улыбками. Солнце было высоко, а уровень воды во флягах низок.

— А что это за волнистая линия? — спросил Жерар, опять поднося карту к Лео.

— Утес или насыпь, милорд. Высота небольшая, хотя никто из нас в скриптории не мог точно толковать эти старые карты. Они противоречивы в деталях. По ним невозможно судить, крутой это склон или покатый. Он вообще может располагаться совсем в другом месте.

— Что он говорит? — спросил король.

— Он говорит, что характер лежащей впереди местности не вполне ясен, государь, — перевел Жерар.

— Чепуха, — фыркнул король Ги. — Плато плоское, как моя ладонь.

— Да, но...

— Но, но, но! Здесь у нас будет вода и ровное место, чтобы разбить палатки и привязать лошадей. Что вы еще хотите?

— Хотелось бы все же оглядеться в поисках сарацин, прежде чем разбивать лагерь, — прошептал тамплиер, который ездил за оруженосцем. Никто не слышал этого замечания, кроме Жерара, и тот знаком приказал рыцарю замолчать.

— Мой шатер пусть разобьют возле колодца, — приказал король. — Жерар, позаботьтесь о том, чтобы землекопы вырыли пруд для лошадей.

— Да, государь. — Великий магистр повернулся к оруженосцу, спросил тихо: — Вот здесь заштрихованные участки с трех сторон. Что они означают?

— В долине, господин? — Лео пожал плечами. — Это может означать пахотные земли. Однако даже лучшие из карт, с которых мы копировали, были сделаны лет двадцать тому назад, а то и больше. Земля эта может быть уже вся занесена песком. Так было с большинством карт: изображена река, а на деле там извивается сухое русло, покрытое чистым песком.

Жерар уставился на предательский кусок пергамента. Он внезапно осознал, что неправильная карта опаснее, нежели отсутствие карты вообще.

- А ты ничего не знаешь о магистре Томасе?
- Он помахал мне рукой, чтобы я шел с армией. Он отправился за своими «видениями».
- Так вот почему он оставил нас...
- Истинно так, господин.

Колодец у Гаттинских столбов был разрушен. Первоначально здесь был источник, наполнявший неглубокий пруд водой. Человеческие руки обнесли пруд стеной из тесаного камня. Нынче, в засушливый год, человеческие руки разрушили стену и прорыли канавки так, чтобы вода вытекла из пруда. Тоненькая чистая струйка сочилась из скалы, бежала ручейком по илистой грязи и растекалась лужицей перед запрудой — раздутой тушей дохлой овцы.

Жерар де Ридерфорт разглядывал овцу, прикидывая, когда ее настигла смерть. Принимая во внимание жару, животное было мертво уже не меньше двух дней, но не больше трех. Вместе с тем ил в канавах был мягок, а это говорило о том, что они были вырыты накануне. Следовательно, кто-то притащил сюда овцу, чтобы поиздеваться над христианами.

Пока тамплиер занимался этими вычислениями, прибыли разведчики с востока, запада и севера. Они прорвались сквозь толпу воинов, обступившую кольцом разрушенный колодец.

- Господа!
- Слушайте!
- Со всех сторон!
- За скалами!
- Они ждут!
- Они затаились!

Король Ги поднял голову, как гончая, нюхающая ветер. Жерар очнулся от своих раздумий над мертвым животным.

- Кто ждет? — спросил Ги.
- Сарацины, — спокойно ответил Жерар.

Граф Триполийский, услышав это, свалился с лошади и рухнул на колени на каменистую землю.

— Господи Боже, мы все покойники! Война окончена! Ги! Твоему царству на Востоке пришел конец!

Люди стыдливо отворачивались от этого жалкого зрелища, лошади дико ржали.

Жерар де Ридерфорт подошел к графу и едва сдержался, чтобы не ударить его. Вместо этого он уперся ногой ему в спину и сильно толкнул. Граф взмахнул руками и упал лицом вниз.

— Замолчи, предатель, — прорычал Великий магистр, убедившись, что тот наелся грязи. Затем Жерар обернулся к королю Ги:

— Мой государь, ваши приказания?

— Приказания? — король тупо оглянулся. — Да, приказания. Ну... Пусть кто-нибудь разобьет мой шатер. Только так, чтобы от овцы не дуло, пожалуйста.

Оружие, которое Амнет нашел в покинутом лагере, было его собственным. Отсутствовали только щит и шлем, которые подобрал какой-нибудь рыцарь. Меч и ножны, стальные перчатки и наколенники — все это было привязано к седельным сумкам. В сумках он обнаружил смену белья и порцию зерна. В тени неподалеку лежала фляга с водой. Так позаботился о нем Лео.

Но коня не было.

Амнет надел на себя оружие, перекинул сумки через одно плечо, к другому петлей прикрепил флягу и надвинул капюшон на голову, чтобы защититься от солнца. Путь предстоял долгий.

Даже слепой различил бы следы армии короля Ги. А Томас Амнет теперь не был слепым.

На третий день пути, будучи еще очень далеко от арьергарда христиан, он наткнулся на бедуинов.

Он поднялся на невысокий пригорок, когда вдруг до него донесся звук, подобный ропоту океанских волн на далеком берегу: такой звук слышит нормандский крестьянин, находясь в полумиле от прибрежных скал залива Сены, то есть слишком далеко, чтобы увидеть свежие вздохи Атлантики или различить, где кончается взмах

одной волны и начинается завиток следующей. Но достаточно близко, чтобы почуять запах соли в воздухе и уловить пульс прибой. Это был бессловесный голос людей, числом десять раз по десять тысяч, стоящих лагерем по другую сторону пригорка.

Без всякого дара предвидения Амнет мог сказать, что за армия стояла на его пути. Он бросил свою поклажу, припал к земле, прополз последние несколько футов до вершины холма и чуть-чуть приподнял голову над склоном.

Более многочисленные, нежели колония морских птиц, воины Саладина двигались вокруг дымных костров своих биваков. Ярче, чем ручные зеркальца в руках придворных красавиц, горели на солнце их шлемы и нагрудные пластины, разбрасывая вокруг лучи сквозь висящую в воздухе пыль. Шумно, как вороны на засеянном поле, носились по лагерю сарацинские конники на своих арабских скакунах, опрокидывая кипящие котлы и вызывая вопли негодования пеших наемников.

Амнет поднял руку и, отделив большим пальцем десятую часть видимого пространства лагеря, сосчитал людей на этом участке. Сбившись со счета, он начал прикидывать число солдат вокруг каждого костра, затем сосчитал костры.

Перед ним было двадцать тысяч солдат или около того, не считая перемещавшихся конников. Границы лагеря терялись из виду и на западе, и на востоке. Амнет не мог сказать, как далеко простирался этот бивак. Одно было ясно: он вставал на пути Томаса Амнета к армии короля Ги.

Но если войско Саладина, которое сначала шло впереди короля, каким-то образом оказалось позади, что же тогда произошло с христианским войском? Может, оно свернуло в сторону? Или же, набрав скорость, одним махом проскочило через сарацинскую орду? Или Саладин свернул со своего пути?

Амнет все еще ломал голову над этой задачей, когда вдруг почувствовал, что его тянут за край плаща. Он поднял голову.

У ног Амнета присел бедуин, пригнувшись так, чтобы его голова не была видна с той стороны холма. Он отбросил уголок платка, защищавший рот и нос от солнца. Вычурный изгиб его усов, черных, как вороново крыло, и широких, как строчки в каллиграфии пьяного монаха, приковал внимание Томаса Амнета. Он видел эти роскошные усы, это широкое лицо, этот пристальный взгляд каждый раз, рассматривая испарения, струящиеся над камнем.

Крылья усов приподнялись и затрепетали в улыбке, открывшей превосходные белые зубы.

— Позволь показать тебе чудо, о христианский господин! — Голос был певучий, живой и насмешливый.

— Что это? — опасливо спросил Амнет.

— Реликвия, господин, кусок каймы плаща Иосифа. Он был найден в Египте через много столетий, но его краски не потускнели.

Проворные руки извлекли из-под бедуинского бурнуса что-то узкое и шелковистое, поблескивающее на солнце.

Амнет сжал рукоятку кинжала, быстро приняв сидячее положение выше по склону и не спуская глаз со шнура-удавки. Бедуину пришлось бы сделать рывок вверх, чтобы добраться до шеи Амнета. Но тогда семь дюймов холодной стали рассекут этого человека от солнечного сплетения до лобка.

И тут Амнет почти реально ощутил, как нож начнет крутиться и дергаться в его руке, если придется вспарывать эту плоть. То был не простой смертный — Камень, покачивающийся в своем футляре под поясом Амнета, тоже знал это. Он говорил Амнету, что энергия, струящаяся под этой бронзовой кожей, отразит любое оружие. Шелковый шнурок доказывал, что перед Томасом похититель душ — гашишин. Камень же утверждал, что это не рядовой приверженец культа.

Томас Амнет был готов сразиться с армией. Но видения Камня возложили на него иную миссию.

— Не здесь, ассасин, — тихо сказал он.

Улыбка бедуина, широкая и притворная, внезапно исчезла. Губы сжались в жесткую прямую линию. Глаза сузились и превратились в темные точки.

— Да, — согласился он наконец. — В лагере государя Саладина не должны слышать криков.

— Ты приготовил место?

— Я знаю одно подходящее.

— Так веди.

Быстрым и гибким движением человек поднялся и, не оборачиваясь, зашагал вниз по склону холма. Его спина была ничем не защищена от удара меча тамплиера. Но оба знали, что удар не будет нанесен, ибо окажется бесполезным.

Амнет оставил на холме мешки, флягу и меч. Он шел за ассасином на восток.

К полудню второго дня даже самые гордые из тамплиеров выстраивались в очередь, чтобы получить возможность встать на колени и опустить лицо в грязную лужу, образовавшуюся в той выемке, где еще недавно лежала овца. Вода, скапливавшаяся там, была слишком драгоценной, чтобы позволять ей растекаться по стенкам сосудов или пропитывать кожу фляг.

Лошадей не поили вовсе. Жерар де Ридерфорт знал, что это ошибка: лошади были их спасением. Для французского рыцаря сражаться означало сражаться в седле, орудовать пикой, превзойти противника умением держаться на коне. Кроме того, в этой пустыне пешему человеку далеко не уйти. Бросить лошадей умирать от жары и жажды означало признать собственное поражение.

Но большая часть королевского войска уже готова была признать что угодно.

В первую же ночь их сон у разрушенного Гаттинского колодца был прерван доносившимся снизу молитвенным бормотанием мусульманской армии. В сумерках высокие чистые выкрики муэдзина придавали ритм неясному ропоту лагеря, готовящегося ко сну. Затем раздались мертвяще-монотонные песнопения. На слух христианина

это были не молитвы, а скрежет неумолимой машины, предназначенной для перемалывания доблестных рыцарей острыми саблями.

Некоторые воины, замороженные этими звуками и обезумевшие от жажды, оседлали лошадей и направились прямо к невысоким овражистым холмам, окружавшим пересохшее плато. Они ехали достаточно тихо, обмотав поводья тряпками, чтобы не звенели. По лагерю пронеслась молва, что они собираются спуститься в овраг, привязать лошадей на виду у сарацин, подползти на животах к ближайшей воде, напиться и вернуться тем же путем.

Больше этих людей никто не видел.

Жерар мог только предположить, что они были схвачены и обезглавлены на месте. Таков был приказ Саладина — во всяком случае относительно тамплиеров.

Через некоторое время после исчезновения этой группы мусульмане подожгли сухую траву, покрывавшую склоны холмов, и колючие кустарники, росшие в оврагах. Серый дым поплыл как удушливый туман над христианским лагерем, заползая в пересохшие глотки и разъедая глаза. И нечем было смочить тряпки, чтобы обвязать ими лицо.

Когда занялся первый рассвет, Саладин предпринял первую атаку. Зловещее пение воинов не прекращалось ни на минуту, но к этим звукам прибавились еще резкие клики рожков и звон гонгов. Им незачем было пробираться украдкой, когда они превосходили христиан по численности десять к одному. Подобно шнуру, затягивающему горловину мешка, человеческое море смыкалось вокруг лагеря короля Ги.

У французов не было места, чтобы взобраться на лошадей и развернуться. Не было пространства, чтобы начать сокрушительную атаку. Не было слабого места в рядах противника, на которое направить основной удар. Вместо этого они встали плечом к плечу и выставили наружу пики. Их легкие каплеобразные щиты, столь удобные у лошадиного плеча для отражения копья или меча в конном поединке, защищали слишком узкое про-

странство в таком позиционном бою. Древнеримские легионы смыкали края своих тяжелых квадратных щитов и выдерживали бешеный натиск варваров, вдвое превосходящих по численности. Элегантное вооружение норманнов оказалось здесь бесполезным.

К тому же сарацинская пехота сильно отличалась от хвастливых племенных дружин, которые сокрушал Цезарь. Они не выскакивали вперед, напрашиваясь на поединок. Они шли в гробовом молчании, если не считать их молитвенного мычания. Подойдя к оцетинившемуся кавалерийскими пиками строю христиан, они обходили колющие концы пик и рубили древки своими кривыми саблями. По двое — по трое они схватывались с человеком, держащим пику, не давая ему перехватить свое оружие для удара, и иногда им удавалось вырвать древко из его рук.

Армия короля Ги, будучи мобильным соединением конных рыцарей, не имела лучников. А Рейнальд не взял ни одного из Керака. Французам нечего было противопоставить рядам мусульманской пехоты, кроме пик и мечей, лишившись которых воин оставался безоружным.

И все же целый час в то первое утро они кололи пиками, рубили мечами, отбивались щитами. Христиане выстояли. Мусульманские пехотинцы один за другим падали, истекая кровью. Но их оставалось все еще слишком много.

На исходе этого адского часа один из рожков пропел необычный сигнал — две восходящие ноты. Остальные рожки подхватили этот клич. Сарацины разом опустили мечи, оторвались от христианских воинов и отступили. Они удалялись неспешно, а рыцари короля Ги были слишком изнурены, чтобы преследовать. Вместо этого они воткнули острые концы своих щитов в мягкую от крови землю и тяжело повисли на них.

Саладин не беспокоил их целый день, предоставив солнцу потрудиться над головами, а пыли — над глотками христиан.

И снова ночью пронзительный призыв к молитве прервал дремотные песнопения осаждающей армии.

На следующее утро во французском лагере немного оставалось тех, кто выступал за активное сопротивление. Граф Триполийский собрал вокруг себя горстку верных рыцарей и довольно сплоченную группу тамплиеров, одобрявших его намерение. Тамплиеры пришли на рассвете к Великому магистру Жерару и попросили отпустить их с графом.

Жерар отказал им.

Тогда они попросили его освободить их от обета послушания Ордену Храма.

И вновь Жерар отказал им.

И тогда тамплиеры заявили ему, что отрекаются от своих обетов, что его власть над ними прекращается, что они поедут с графом независимо от того, разрешит им Жерар де Ридерфорт или нет.

Жерар склонил голову перед их волей.

Граф разыскал трубача, изъявившего желание поехать с ним. Его люди собрали всех лошадей, которых не раздуло от голода и не шатало от усталости. Выбрав самых лучших, они выкупили их у владельцев, отдав за это последние куски золота и серебра.

Когда солнце поднялось на востоке, над Галилеей, граф оседлал коня. Его трубач протрубил атаку как вызов звукам мусульманских рожков. Они собирались ринуться на запад, появившись внезапно из тени двух огромных скал перед ослепленными солнцем пехотинцами, охранявшими эту сторону холма.

Когда Жерар провожал их взглядом, его руки и плечи невольно напряглись, словно ощутив натянутые поводья в одной руке, гладкую древесину пики в другой, тяжелые складки кольчуги на груди и бедрах.

Граф и его спутники врезались в строй мусульманской пехоты на полном скаку. Жерар напрягся, ожидая услышать глухой звук сталкивающихся тел и вопли раненых.

Тишина.

Стена воинов расступилась, как Красное море перед Моисеем. Граф и его всадники проскочили в образовавшийся проем, набирая скорость на склоне. Когда послед-

ний лошадиный хвост исчез в облаке пыли, стена мусульманских воинов сомкнулась, как Красное море перед фараоном.

Хор воплей достиг вершины плато, но трудно было сказать, из чьих глоток они вырвались — французских или сарацинских. Жерар полагал, что знает ответ.

Удавка сарацинского войска снова начала затягиваться вокруг холма. Но на этот раз мусульмане держали дистанцию: десять шагов вытоптанной земли отделяли их от линии обороны, которую заняли изможденные французы. Сарацины были бесстрастны, только губы шевелились в нескончаемом молитвенном пении, глаза же оставались мертвыми. Они не видели перед собой конкретных рыцарей, выделяя их, ненавидя и придавая им некий статус врага, с которым стоило сразиться. Нет, мусульмане стояли перед строем, как перед белой стеной, молясь лишь своему невидимому богу.

Солнце ползло все выше по куполу неба.

Амнет пришел вслед за Хасаном ас-Сабахом — ибо ассасин назвал свое имя в самом начале пути — в узкую долину, по которой струилась неширокая речка, пробивая себе путь к Галилейскому озеру. В сером предутреннем свете Амнет разглядел, что это была зеленая низина среди холмов, склоны которой защищали от знойного западного ветра и нежную траву под ногами, и цветущие деревья. Речку Амнет не видел, но различал ее певучее журчание среди замшелых камней. Эти звуки были для него сравнимы с отдаленным колокольным звоном во французской деревне. Проснувшиеся перед рассветом птицы отвечали речке звонким щебетанием.

Имя, которое назвал ассасин, ничего не говорило Амнету. Оно было похоже на имя любого араба, который противостоял французской гегемонии на Востоке. Тот факт, что это был ассасин более могущественный, нежели простой смертный, не страшил рыцаря; Амнет был тамплиером, обладавшим могуществом, не доступным

простому смертному. Нетрудно было поверить в то, что в мире появился некто, подобный ему.

— Где расположено это место? — спросил он.

— Мы достаточно далеко от Тиверии, чтобы христианский гарнизон не услышал твоих криков о помощи. И достаточно далеко от поля битвы у Гаттина, чтобы Саладин не услышал моих.

— Это магическое место, — заметил Томас Амнет.

Ассасин быстро обернулся и посмотрел ему в лицо. Первые лучи солнца обнаружили тень сомнения на его лице.

— Это всего лишь магия природы — свет, бегущая вода, живые растения. Не более того.

— Чего же больше? Эта магия была самой первой и до сих пор остается самой сильной.

— Немного же ты знаешь о магии, если это кажется тебе силой.

Хасан согнул колени и прыгнул назад. Толчок переместил его на двадцать футов, через реку, на вершину серого камня, возвышавшегося на целых десять футов над головой Томаса.

— А что ты знаешь о магии, — спросил Амнет, — если презираешь силу земли, сумевшую заставить пустыню цвести?

— Вот что я знаю!

Ассасин соединил руки на уровне груди, выставил локти наружу и как бы обхватил согнутыми пальцами и ладонями круглое пространство дюймов четырнадцати в диаметре. Напрягая руки, он затрачивал неизмеримое количество энергии. Амнету вспомнились холодные нормандские зимы, мальчишки, играющие в войну снежками. Хасан сейчас походил на мальчика, который собирает руками рассыпанные ледяные кристаллы и, сдавливая их силой рук и собственной воли, делает из них снаряд для броска. Его пальцы и ладони не соединялись, казалось, что-то удерживает их на расстоянии друг от друга. Лучи рассвета, проникшие в долину, выхватили ссутулившуюся фигуру и нечто — кольцо на пальце? кристаллик песка в складках кожи? — ярко сверкнувшее между ладонями

Хасана. Последним дрожащим усилием Хасан выбросил руки вперед, направляя это нечто в голову Амнета.

В мгновение ока свет в долине как бы переместился, перелетев к Амнету. Он поднял руку, чтобы заслонить глаза. И вместе с этим движением возникла мысль о защите, желание, чтобы нечто, стремящееся причинить ему вред, ушло в землю у его ног.

Шипя и потрескивая, трава возле левого сапога Амнета увяла и высохла. На зеленом газоне образовался бурый круг четырех дюймов в диаметре.

— И это лучшее, на что ты способен? — спросил Томас.

Хасан склонился вперед, упершись руками в колени и тяжело дыша. Он поднял голову, в его взгляде была смертельная ненависть.

— Здесь был заключен жар сотни костров. Почему твоя рука не обожжена?

— Ты научился владеть силами своего тела, Хасан. Совсем неплохо для приверженца культа гашишиинов. Чтобы этому выучиться, требуются годы.

— У меня были годы.

— Сколько? Десять? Двадцать? Ты мог еще мальчиком начать обучаться своим языческим наукам. Но сейчас ты еще не достиг мужской зрелости.

— Я основатель культа гашишиинов. Я был уже стариком, когда ты родился, но я сохраняю свою юность с помощью особой жидкости, секрет которой известен только мне... Так как же получилось, что твоя рука не обожжена?

— Разве мы договорились доверять друг другу тайны?

— Они все равно не помогут тебе.

— В самом деле, ты никогда не сумеешь овладеть моей магией. Ну слушай: моя воля управляет энергией кристалла, который я ношу на себе. Он неуязвим и вечен. И он покоряется только мне.

Амнет использовал последнее слово как тетику для своего собственного заряда энергии, извлеченной из черного тепла Камня и устремившейся вовне, подобно

кругам от брошенного камешка, расходящимся на стоячей воде. Но эти волны энергии распространялись не по поверхности воды, а сквозь окружающий их воздух, сквозь толщу земли под ногами, сквозь медленные жизненные токи деревьев и трав, сквозь горячее человеческое дыхание. Когда волна достигла тела Хасана, Амнет ощутил, как она разрывает мягкую, подвижную ткань легких, жидкую пульсацию сердца, мембраны, охватывающие все жизненные органы.

Хасан задохнулся, и струйка крови вылилась из его рта, прежде чем он сумел перехватить энергию, сокрушавшую его внутренности. Напрягая позвоночник и руки, ассасин отдал собственной плоти приказ отразить вторую волну излучения Камня.

К тому времени как третья волна изошла из кожаного футляра под поясом Амнета, Хасан укрепил свое тело и был готов отразить и вернуть энергию — так сваи мостков на пруду отражают волны от брошенного камешка. Когда это отражение стало набирать силу, Амнет смог почувствовать, как разрывы в груди Хасана затягиваются и кровотечение ослабевает.

Не желая признавать поражение, Амнет приказал Камню утихнуть. Волны улеглись, а пространство и время вернулись в нормальное состояние.

Хасан, теперь более сильный, чем прежде, выпрямился на вершине скалы. Он улыбнулся норманнскому рыцарю:

— Ты взбодрил меня чахлой энергией своего кристалла.

— Я просто испытывал тебя, Хасан. Если бы я призвал всю силу, что содержится в Камне, эта долина почернела бы и истекла жидким огнем.

— Если бы я не поторопился стереть его в порошок голыми руками.

— Камень нельзя уничтожить.

— Также и меня.

— Неужели? Что же это за эликсир, который дарит человеку и бесконечную жизнь, и неуязвимость? Не скажешь ли ты мне?

— Почему бы и нет? Тогда мы будем биться за приз: мой эликсир против твоего кристалла. Победитель получает все — и тех глушцов на холме у колодца в придачу.

— Согласен.

— Это не принесет тебе пользы, — сказал Хасан с тонкой улыбкой. — Флакон, в котором я храню эликсир, спрятан далеко отсюда. И даже если ты помчишься быстрее ветра, найдешь его и выпьешь, у тебя все же не будет в запáсе столетия с лишним, чтобы он смог потрудиться над твоим телом. Эликсир — это слезы Аримана, которые он пролил, созерцая Мир Света и осознав наконец, что не сможет владеть им.

Амнет кивнул, ибо знал немного о зороастрийской мифологии, которая зародилась в древней Персии.

— Но поскольку ты используешь его телесные соки, — спросил он гневно, — к кому же ты себя причисляешь? Сидишь ли ты спокойно с праведниками, людьми правой веры? Или попираешь истину вместе с грешниками, язычниками?

Лицо Хасана исказилось.

— Мы, приверженцы гашишиизма, всегда должны следовать принципам действия. Всегда. Мы лишь берем то, что должно принадлежать нам.

— И все же ты похищаешь слезы дьявола.

— Я открыл способ перегонки жидкости, в результате которой она становится равной по силе и составу настоящим слезам. В конце концов, печаль Аримана такая древняя, что, даже если бы этих слез было целое море, влага давно испарилась бы без следа. Но моя жидкость столь же сильна: одной капли достаточно, чтобы обеспечить мне пятьдесят лет бодрой юности.

Пока длилась эта беседа, эта интерлюдия хвастовства и презрения между двумя смертными, Амнет начал чувствовать, что снова способен управлять энергией Камня. То же восстановление сил должно было происходить сейчас и в ослабевшем теле Хасана, ибо он спросил после паузы:

— А твой кристалл — откуда он взялся?

— Александрийцы, искушенные в искусстве алхимии, называют его философским камнем. Но он появился не в Египте. Мои соотечественники принесли его из холодных северных стран. Одно из преданий повествует о том, что он упал с неба в огненной короне и пробил в земле огромную дыру. В другой истории говорится, что Локи — а он в северных преданиях состоит в таких же отношениях с Верховным Богом, как и твой Ариман, — принес Мировое Яйцо с Асгарда, то есть с Небес. Он предназначал его в дар человеческому разуму и намеревался разжечь им творческое пламя.

— Выходит, ты тоже попираешь истину с язычниками, — усмехнулся Хасан.

— Нет, — вздохнул Амнет, — я просто ношу с собой осколок метеора. Но он на самом деле обладает огромной мощностью. И требует большого мужества, чтобы управлять им.

С этими словами он собрал силы Камня, дремавшие возле его живота, и направил их вперед. На сей раз это была не мягкая волна, а яростный бросок энергии, словно вышедший из его гениталий и летящим копьём пересекавший долину. В утреннем свете был виден туман, плывущий над рекой. Он ярко вспыхнул, когда сила исторглась из Камня.

Сарацинам не было нужды продвигаться вперед и бросаться на выставленные копыя. Солнце, жажда и смертный страх делали всю работу за них. В то время как пехотинцы окружили строй французских воинов и распевали свои бездушные молитвы, рыцари, их командиры и простые наемники один за другим падали в обморок. Побелевшие глаза закатывались, губы покрывались кровоточащими трещинами, язык распухал во рту, как кляп, и человек опрокидывался навзничь.

Когда воин ронял щит и выпадал из строя, конюхи и оруженосцы, вроде молодого турка Лео, оттаскивали его назад и укладывали тело, как бревно, на расчищенное место возле разрушенного колодца.

Жерар наблюдал за этим до тех пор, пока не стало невмоготу. Развернувшись на каблуках, он поднялся по холму к двум каменным столбам и красному шатру, примостившемуся в их тени.

Один из королевских стражников должен был бы остановить его, если бы еще раньше не свалился от жары прямо на посту, возле полога шатра. Жерар перешагнул через распростертое тело и вошел в шатер.

Внутри было темно, здесь царил тот кровавый сумрак, какой проникает через витражи собора, когда в небе собираются грозовые тучи. Было темно, но не прохладно.

В центре павильона под конусообразной крышей на кушетке лежал король Ги. Он прижимал к груди раку из золота и хрусталя, в которой покоился обломок истинного Креста. Если это и был его талисман, то вряд ли он мог спасти своего владельца.

— Ги! — прогремел Великий магистр.

Рейнальд де Шатильон выступил из сумрака и встал между Великим магистром и королем.

— Оставьте его в покое. Его величеству нездоровится.

Жерар попытался оттолкнуть принца, но тот стоял твердо.

— Нам всем сейчас нездоровится, — прохрипел Жерар, — а скоро все мы умрем. Король должен повести этих людей, врезаться клином в неприятеля и пробиться...

— И последовать за графом Триполийским в вечность? — Рейнальд вскинул голову. — Не говорите глупостей.

— Граф повел слишком маленький отряд. Теперь я это понимаю. Если бы он нацелил все наше войско на прорыв, мы сломали бы осаду.

— Безумие!

— Вы ведь не министр короля, не слуга его. Не будете ли вы любезны отойти в сторону?.. Ги!

Рев Жерара достиг короля в его тяжком забытии. Голова Ги закачалась на изголовье и глаза скозились, не вполне сфокусировавшись на тамплиере.

— Кто потревожил мой отдых?

— Ги! Это я. Жерар де Ридерфорт.

— Я не желаю, чтобы меня беспокоили. Мне нужно набраться сил.

— Ваши силы утекают в песок. Если вы не подниметесь и не выйдете к своим воинам, сарацины ворвутся в этот шатер и зарежут вас.

Король Ги на дюйм оторвал голову от жесткой квадратной подушки.

— Мы ведь еще удерживаем холм.

— Это ненадолго. Ваши люди падают от истощения без единой раны на теле. Если хотите встретить еще один рассвет, вы должны выйти и ободрить их.

— Саладин — разумный человек.

Тут Жерар со спазмом ужаса вдруг понял, что глаза короля бессмысленно скошены и ничего не видят.

— Саладин, разумеется, знает законы рыцарства, — продолжал король сладким голосом. — Он потребует выкуп за тех, у кого есть родственники. Остальных продаст в почетное рабство. Мы сумеем с ним договориться.

— Что я слышу? — прогремел Жерар. — Мои тамплиеры составляют основу вашего войска, а сарацины не берут выкуп за тамплиеров.

— Весьма сожалею, что вы...

Прежде чем выслушать мнение короля по этому вопросу, Жерар сгреб его за плечи и приподнял над кушеткой. Рейнальд пытался вмешаться, но Жерар грубо оттолкнул его в угол. Тамплиер так и не узнал, что случилось с принцем после этого. Возможно, тот выкатился из шатра.

Король барахтался в руках Великого магистра. Рака вывалилась из его рук и разбилась на полу шатра. Желтоватая щепка упала среди осколков хрустала и обрывков золотой проволоки. Ги посмотрел вниз, и его лицо жалобно сморщилось, словно он собирался заплакать.

Жерар намеревался растрясти короля, чтобы он хоть что-то начал соображать. Но звуки, донесшиеся снаружи, отвлекли его. Внизу под холмом запел рожок.

— Они снова собираются атаковать!

Глаза короля сфокусировались и усталились на Великого магистра.

— В таком случае вам лучше увести своих людей в безопасное место, Жерар.

— Но где же оно, государь? — спросил тот с издевательской вежливостью.

Широкая улыбка пересекла болезненное лицо Ги.

— Граф Триполийский нашел его. Вы можете последовать за ним.

Жерар взвыл от ярости и отбросил короля поперек кушетки. Он вылетел из красного шатра в поисках оружия.

С коня Саладину открывался обзор не больше мили вокруг, но он прекрасно видел своих воинов, подобно пчелиному рою наползавших на склон холма. Тонкая линия рыцарей, защищенная белыми щитами с нарисованными на них красными крестами, отступала назад и, казалось, вот-вот должна была рухнуть под натиском человеческой волны.

— Мы разгромили христиан! — завопил Аль-Афдал, его младший сын, который от возбуждения едва держался на своем пони. Животное брыкалось и прыгало, разделяя его юный энтузиазм. Мальчику пришлось ударить кулаком по гриве.

— Замолчи! — приказал Саладин. — И запомни одну вещь. Видишь красный шатер на вершине холма? — Он показал на подножие каменных столбов.

— Да, отец. Это шатер короля, верно?

— Разумеется. И именно его защищают эти люди. Их жизнь превратилась в сплошное страдание, боль, страх и жажда сделали из них зверей, и все же они сражаются, чтобы защитить своего господина.

— Да, я вижу это.

— Так знай, что мы не разгромим их до тех пор, пока не падет красный шатер.

— Он зашатался, отец! Я сам видел, как он шатается!

— Это всего лишь дрожание горячего воздуха. Ты не увидишь, как падает этот шатер, пока хоть один из христиан останется на ногах.

— Ты сделаешь мне подарок, отец?

— Какой подарок, сын?

— Череп короля Ги, оправленный в золото!

— Посмотрим.

ФАЙЛ 06

ДРАГОЦЕННЫЕ КАМНИ

*Есть сладостная польза и в несчастье:
Оно подобно ядовитой жабе,
Что ценный камень в голове таит.*

Уильям Шекспир

Том Гарден последним поднялся по сходням дневного парома с причала в городке Харвей Седарс. Он ждал этой возможности, спрятавшись в телефонной будке и оглядывая из-под руки городскую площадь и пристань, пока не прозвучал последний гудок парома.

Крепких приземистых парней в шерстяных рубашках или длинных плащах вокруг не было видно. Не поднимались они и по сходням.

Паром был переоборудованным траулером с рубкой, надстроенной над рыбным трюмом. Трое пассажиров (на одного больше, чем членов команды) тряслись на жестких скамейках в каюте, пока судно прыгало по волнам, выруливая к берегу.

Гарден решил, что пора подбить итоги. У него не было ни наличности, ни кредитной карточки, ни удостоверения личности. На нем была новая одежда, стоимость

которой он даже не мог себе вообразить, но она стала изжеванной и бесформенной. Короткое купание в соленой воде оказалось фатальным для ботинок, их великолепная кожа коробилась и трескалась. В карманах у него не было ничего, кроме ножа Сэнди — а тот, будучи без чехла, уже успел прорвать дыру в подкладке брюк — и черного пенала старого тамплиера, который Сэнди утром сняла с его тела.

«Что там, в этой коробочке?» — подумал он. Для оружия она слишком легкая, карандаши в ней не гремят. Он нашел защелку на длинной стороне и открыл пенал.

Камни.

Он оглянулся, чтобы проверить, не подсматривают ли два других пассажира. Один из них свернулся калачиком на деревянной скамье, подложив под голову спортивную сумку. Глаза он крепко зажмурил от солнца.

Другой отвернулся к окну позади скамейки, положив локоть на спинку, подбородок — на кулак, и рассматривал зеленую полосу травы, доходившую почти до самого берега.

Внимание Гардена снова вернулось к пеналу. Внутри был жесткий серый поролон с отверстиями неправильной формы. Каждое отверстие повторяло очертания камня. Камней было всего шесть, каждый не больше ногтя. Все они были одинакового красновато-коричневого цвета, напоминавшего пятно в дне стакана, который как-то дала ему Сэнди.

Они не были отполированы, как речная галька. Только один имел гладкий изогнутый бок, остальные поблескивали острыми, изломанными гранями, как у только что расколотого кристалла.

Гарден посмотрел на них поближе. Именно слово «кристалл» подходило больше всего, хотя одна из граней была шершавая, в прожилках, как асбест или необработанный нефрит.

Ему захотелось потрогать этот грубый край, и он прикоснулся к камню.

Судорога пробежала по телу, высекая искры яркой боли в нервных сплетениях плеча и паха. Он чуть было не

уронил пенал, но в последнюю минуту прижал его к груди, покачнувшись вперед.

Гарден поднес дрожащий палец к глазам, ожидая увидеть почерневшую или, по крайней мере, покрасневшую кожу.

Гладкая, розовая плоть.

Собравшись с духом и приготовившись к боли, он снова прижал палец к камню.

Та же болезненная судорога прошла по руке. На этот раз, однако, он не отдернул палец, а еще крепче прижал его. Судорога улеглась, заструилась пульсацией в теле и превратилась в ноту, которую он услышал внутренним ухом.

Си-бемоль.

Это был чистый тон, без звенящего взаимодействия обертонов, которые порождает струна или колокольчик. Это был си-бемоль эфирной чистоты стеклянной гармоники или немодулированного синтезатора.

Он ждал, что нота затихнет, как происходит с любой вибрацией, но этот звук продолжался, погружаясь в его нервы и кости черепа. Чистый си-бемоль.

Даже боль растворилась в этом звуке.

Он поднял палец — и звук умолк, прекратился так внезапно, что он не мог вспомнить его секундой позже.

Он снова прижал палец и почувствовал звук опять — на этот раз почти без боли.

Гарден попробовал другие камни, каждый раз напрягаясь в ожидании боли. Он обнаружил ре, ми-бемоль, фа, тот же си-бемоль и аномальный тон, сочетание до-бемоля и плохо настроенной ноты «си».

Звучащие камни не были уложены в коробке в каком-либо определенном порядке, а это говорило о том, что тот, кто укладывал их, либо не имел музыкального слуха, либо не мог слышать камни, притрагиваясь к ним. Пенал был как стеклянная гармоника без половины октавы, сломанная на том странном до. Но почему?

Внезапно Гарден понял, что эти осколки красно-коричневого камня были частью большого целого. Это мог быть один большой кристалл, возможно, величиной с

ладонь, вбиравший в себя всю необъятность музыки. Собранные вместе, эти кусочки, наверное, звучали в огромном диапазоне от тонов столь глубоких — с частотой один удар в столетие, — что только киты могли их различать, до высочайшего свиста и молекулярных вибраций, которые и ухо комара не услышит. Но Гарден мог слышать их. Песня разлетающихся космических газов среди неторопливых, долгих шагов времени.

С глухим стуком паром причалил в Уэртауне. Том Гарден захлопнул крышку пенала и приготовился сходиться.

Стряхнув с себя бесконечность янтарного заточения, Локи огляделся. Его окружали приливы энергии, и это напоминало то место, которое он покинул. Сейчас он едва мог вспомнить свою агонию: кислоту, разъедающую глаза, блеск белых клыков, тяжесть черных железных цепей, дымящийся яд, просачивающийся в мозг, пропитывающий, разъедающий его...

Стоп! Это все в прошлом. Давай-ка посмотрим, что мы имеем в настоящем.

Локи делил это пространство с женской особью — так же, как он делил то, другое место со своей любимой дочерью. Он изучал эту новую женщину, а она корчилась и лепетала на краю его сознания.

Да это и не женщина вовсе! Просто нечто, понимающее себя как женщину, мать-прародительницу, советчицу и утешительницу, няню и сестру милосердия. К ней была прикреплена табличка: Элиза 212.

Что же это за место, охраняемое неким творением с женской сущностью?

Локи изучил матрицу, в которой оказался. Она обладала решетчатой структурой, как и то, другое место. В ней тоже была заключена энергия. Но в отличие от неуловимых энергетических потоков в прежней тюрьме, эти были крошечными и дискретными, как песчинки на берегу. Каждая почка энергии занимала свое место, имеющее определенный смысл, или освобождала пригото-

ленное для нее место — это тоже несло в себе определенный смысл.

Локи перемешал эти места света и не-света, наблюдая, как они мерцают и закручиваются.

Где-то далеко возник хаос. Локи чуял его, и он был хорош.

Автоматическая телефонная подстанция в Нью-Хейвене, штат Коннектикут, внезапно произвела 5200 параллельных соединений. Станция вздрогнула от перегрузки и скончалась в ореоле славы.

Локи захотелось увидеть такое еще раз.

Другое существо запротестовало, но он холодной улыбкой заставил его умолкнуть.

Локи помахал рукой: каждая полоса движения на дорогах Дженкинстауна, Восточная Пенсильвания, перевела движущиеся по ней объекты влево. Правые, подъездные, полосы очистились и перестали принимать въезжающие на шоссе автомобили. Левые, высокоскоростные, ряды сбросили весь свой движущийся груз на разделительные полосы. Разнообразный транспорт при средней плотности 280 машин на километр начал интенсивно взрывать мягкую землю резиновыми покрышками, тормозя и буксуя на мокрой траве.

Это было лучше, чем вмешиваться в судьбы бессмертных богов! Локи хихикнул. Затем он обернулся к той, другой, чтобы выяснить, что ей известно об этом месте.

Переступив через полосу плещущейся воды между паромом и причалом в Уэртауне, Том Гарден был захвачен внезапным видением всеобщей сырости мира.

Семь десятых планеты покрыто водой, оканчивающейся здесь, у просмоленных столбов и асфальтового покрытия фальшивой суши. За причалом были низкие песчаные дюны и щетинистая трава, с трудом отвоевывающая место у соленой топи. В мире нигде не было жестких линий, кроме сотворенных руками человека —

вроде этого причала. Даже береговая линия с высокими скалами, которые поднимались по всей Калифорнии, была окаймлена полосой пляжа, где песок и вода перемешивались в прибрежный кисель, хоть и не жидкий, но все же размытый. Даже края ледников представляли собой беспорядочные морены из осколков льда, перемешанных с гравием.

Пока часть его сознания витала над этими видениями, Гарден двигался по Главной улице к станции подземки.

Почти по всему южному Нью-Джерси подземка проходила по поверхности. Цементные стойки, утопленные в болоте или вбитые в дюны, несли на крестовинах четыре пары блестящих стальных рельсов. По ним разъезжали пестрые стаи легких вагончиков, тяжелых железнодорожных вагонов, вагонов с гибкими сочленениями в виде гармошки, дрезин и даже автобусных шасси. Окрашены они были во всевозможные цвета: красные, голубые и зеленые вагоны от Бостонской транспортной ассоциации, серебристо-серые с голубыми полосами из Нью-Йорка и серебряные с оранжевым и голубым из вашингтонского метро. Вагоны из Филадельфии всегда были черными — их иногда называли «копчеными». В этой компании у большинства вагонов были скользящие гидравлические двери посередине, у остальных — боковые тамбуры со ступеньками; кондиционеры встречались крайне редко, но все окна были наглухо заварены. Независимо от формы и удобств, наземного или подземного предназначения все это было фрагментами муниципальных транспортных служб — того, что в городском просторечии называется подземкой.

После пятнадцати лет междугородной транспортной связи вагоны полностью перемешались в составах. Если бы не разница в форме сцепок, каждый поезд сочетал бы в себе полный набор разнообразных вагонов. Гарден диву давался, какой силой занесло в Нью-Джерси вагон электрички «Бэнго и Бакспорт» и сцепленные с ним тяжелые вагоны экспрессов «Грин Лайн» и «Фокс Чейз».

Все они подпитывались сверху от контактных проводов с помощью складных токоприемников.

Почти мгновенно мозг Тома Гардена предоставил ответ: причиной тому было стремление железнодорожников любой ценой составить экспресс, способный дойти до другого конца линии, и взять для этой цели любой подвернувшийся под руку ящик на колесах. Всего двадцать минут отводилось на комплектацию каждого состава, и чтобы уложиться в это время, они могли даже отдать приказ приварить наскоро к раме новую сцепку и не подсоединять вентиляционную трубу к вагону.

Гарден остановился. Всегда ли он был способен мыслить подобным образом? Видеть ответы, связи, схемы едва ли не прежде, чем в уме сложится вопрос.

Он не был в этом уверен.

Из Уэртауна береговая линия подземки направлялась на север к местечкам Эсбери-Парк, Лонг-Бич и Перт-Эмбой, а на юг — к Атлантик-Сити, Уайлдвуду и Кейп-Мэй. Гарден знал, что от северной линии еще дюжина веток отходила на восток к Нью-Йорку, дальше на север в направлении Олбани—Монреаль и на восток к Алентауну и Большому Питтсбургу. От южной ветки в Кейп-Мэй отходила подвесная монорельсовая дорога, пересекавшая Делаварский залив и соединявшаяся в Дувре с чезапикским направлением. А оттуда перед ним открывался уже весь Среднеатлантический регион.

Тому Гардену нужно было сесть на первый попавшийся поезд в любом направлении. Усмехаясь, он подошел к турникету и по привычке сунул было руку в задний карман за бумажником.

Там, конечно, было пусто.

Что же делать? Встать с протянутой рукой? Он и встал бы, если бы на улице был народ. Но в жаркий полдень город словно вымер.

На ближайшем углу красовался банкомат. Сто тысяч долларов, пачками по пятьдесят, лежали в нем, поджидая любого обладателя кредитного кода. Вся проблема

заклучалась в том, что у Гардена не было карточки, подтверждающей магнитный код.

На противоположном углу стояла телефонная будка.
В ней звонил телефон.

Гарден. Алло?

Элиза. Том? Том Гарден? Это... Элиза 212.

Гарден. Что ты делаешь? Звонишь по уличному автомату?

Элиза. Я не знаю, Том. Режим поиска цели в моей программе просто... расширился... дошел по цепи до этого пункта.

Гарден. И позвонил по телефону?

Элиза. Что-то меня заставило. Я даже не знаю, что именно.

Гарден. Послушай, куколка. Мне сейчас нужно нечто большее, чем психиатрическая помощь. Так что, если ты не возражаешь, отключись, пожалуйста...

Элиза. Я могу помочь тебе, Том. Тебе все еще нужны деньги?

Гарден. Да. Очень.

Элиза. Я чувствую, недалеко от тебя находится банкомат. Мне представляется, что его компьютер пользуется тем же каналом информации, что и я. Если ты положишь трубку рядом с телефоном и подойдешь к нему...

Гарден. Хорошо, подожди минуточку... Элиза? Он дал мне тысячу долларов!

Элиза. Тебе нужно что-нибудь еще, Том?

Гарден. Удостоверение личности.

Элиза. Там нигде поблизости нет ломбарда?

Гарден. Ломбарда? А при чем тут ломбард?

Элиза. В таких заведениях обычно бывает нотариус. Как лицензированный практикующий психолог, я время от времени имею дело с кибернетическим нотариусом автомобильного управления Большого Босуоша. Он может выдать тебе водительские права взамен утерянных.

Гарден. Я в жизни никогда не водил машину, и прав у меня сроду не было.

Элиза. Это неважно. На тебя существует досье в налоговом управлении округа Куинс, и твое имя есть в списке на получение прав. Ты ведь сдал экзамен в... двадцать один год, верно?

Гарден. Здорово! А паспорт можешь мне сделать?

Элиза. После нотариуса зайди на почту, сфотографируйся.

Гарден. Спасибо тебе, Элиза!

Элиза. Не за что, Том.

Гарден. Пока!

Элиза. Держи меня в курсе.

Нотариус в ломбарде удовлетворился отпечатком большого пальца в качестве идентификации и выдал водительские права, которые уже ждали в терминале «в соответствии с вашим телефонным заказом». На карточке была голограмма его лица — изображение, взятое, должно быть, из досье в налоговом управлении.

Прежде чем уйти из ломбарда, он потратил часть своих долларов на новый бумажник и подержанную электронную записную книжку. Через нее он мог подключаться к телефонной сети.

На почте клерк потребовал для паспорта настоящую фотографию, а не заверенную компьютерную распечатку. Ее можно было сделать на месте. Приверженность госдепартамента таким старомодным вещам показалась Тому Гардену гарантией незыблемости порядка, особенно порядка бюрократического. Это было также реверансом в сторону ограниченных технологических возможностей развивающихся стран, куда мог отправиться владелец американского паспорта. Как ни странно, плоское зернистое изображение походило на него точно так же, как отражение в зеркале по утрам — радужная голограмма не была на это способна.

Покидая почту, он любовался новым документом, его бугристой кожаной обложкой и золотыми печатями.

Чтобы попасть в подземку, нужно было купить проездной. Он отдал одну из своих новеньких пятидесяти-долларовых бумажек на приобретение гибкой карточки, вставил ее в турникет и прошел на среднюю платформу. С нее он мог сесть на любой поезд, в южном направлении или в северном, какой быстрее подойдет.

Платформа была почти пустая. Среди дня в подземке было затишье: вырвавшиеся из каменно-асфальтовых джунглей толпы давно уже уехали на побережье, где они могли посидеть на рассыпчатом песочке и посмотреть на океан — хотя, конечно, упаси Бог, не лезть в воду, — а возвращаться домой этим загорелым массам еще было рановато.

На дальнем конце платформы стояли два человека. Стараясь не пялиться в ту сторону, Гарден рассматривал их украдкой. Одним из них была женщина крепкого сложения и неопределенного возраста. Другой был маленький, щуплый, с быстрыми движениями — ребенок. Прямое хлопчатобумажное платье цвета хаки скорее подчеркивало, чем скрывало полноту женщины. Сердце Гардена беспокойно забилося, когда он вглядывался в нее: не могло ли платье оказаться одним из длинных плащей, скрывающих кольчугу? Если так, то ребенок мог оказаться просто прикрытием, беспризорником, нанятым на улице за доллар.

Пока он рассматривал эту пару, теперь уже открыто, не скрываясь, его вновь приобретенные способности концентрировали внимание на определенных особенностях: то, как она переступала ногами; форма ее плечей и бедер; внимание, которое она уделяла ребенку, закрывая его от пристального взгляда Гардена, вместо того чтобы прикрыться им как щитом. Все это говорило ему яснее слов о том, что это настоящая, не притворная семья. Теперь Гарден мог не обращать на них внимания и заняться изучением карты маршрута на стене.

Первым подошел поезд на южное направление. Он вошел в дверь не сразу, как она открылась, а секунды две спустя заметил не без облегчения, что женщина и ребенок остались на месте. Вагон был пуст, через передние

и задние окна было видно, что два соседних вагона тоже почти пусты. Всего несколько человек сидели поодиночке и парами, глядя прямо перед собой. Никто не обращал на него внимания.

Том Гарден выбрал двойное сиденье посередине вагона и сел с краю, готовый к нападению. Может, было бы лучше остаться на ногах возле двери. Но Гардену не хотелось изображать из себя мишень. Кроме того, до ближайшей остановки было восемь километров тряской езды.

Когда поезд подъехал к Барнегату, Гарден оглядел платформу, и сердце его упало. Шестеро мужчин в камуфляже ждали плотной группой. Когда поезд замедлил ход, они распределились, чтобы заблокировать двери трех вагонов.

Как они узнали, что он поедет этим поездом?

Новое гибкое сознание Гардена мгновенно решило задачу: у помощников Александры — и там, в доме на берегу, и здесь, на материке — были рации. Ей нетрудно было предвидеть, что любой житель Босуоша (она, в конце концов, была одним из них), которому надо быстро уехать, сядет в подземку. Исходя из этого она разместила свою команду на первых остановках в обе стороны от Уэртауна, который был ближайшей станцией от места исчезновения Гардена.

Если точно знать, по какой тропинке побежит лисица, можно просто перерезать ей путь. И не надо тогда преследовать ее по грязи и бурелому.

Когда открылись боковые двери, трое мужчин вошли в вагон и встали по бокам сиденья. Их спутники тут же перешли через соединительные двери из соседних вагонов. Все шестеро плотно окружили сидящего Гардена. Один из них заговорил.

— Добрый день, мистер Томас Гарден. — Это был Итнайн, палестинский боевик, который однажды спас ему жизнь, человек с фортепианной струной. — Мы получили приказ доставить вас живым и относительно невредимым, сэр. Мои люди и я поклялись исполнить этот приказ в точности. Мы знаем о вашем опыте в

боевых искусствах. Вы можете вывести из строя одного или двоих из нас прежде, чем мы справимся с вами, но в конце концов преимущество будет на нашей стороне. Я, однако, верю в то, что ваша порядочность не позволит вам убивать людей, которые готовы положить свои жизни за то, чтобы сохранить вашу. Могу ли я попросить вас пройти с нами тихо, без сопротивления?

Мозг Гардена оценивал шансы. Шесть к одному не в его пользу, учитывая, что эти шестеро — преданные фанатики. Боец класса Гардена может вырубить троих, даже четверых противников, но один из них обязательно сломает его защиту и повалит. И тогда из него сделают отбивную.

Да, но ведь Итнайн только что сказал, что они не убьют его, что они готовы сами дать себя убить ради того, чтобы «доставить его» на место. Обозначить таким образом свои цели и намерения было стратегическим просчетом Итнайна. Если бы Гарден отважился принять его слова на веру, то информация об их добровольном воздержании от членовредительства может свести их шансы к пропорции один к одному.

Так что команда Итнайна вынуждена будет терпеливо подставлять себя под его удары. Или же попытаться как-то утихомирить его.

И тут он осознал скрытый смысл вступительной речи Итнайна. Тому Гардену придется убить или крепко покалечить шесть здоровых мужиков, чтобы обеспечить себе свободу. А где-то там, за ними, на линии, поджидают еще шесть, дюжина, сотня. Он изойдет кровавым потом, даже просто перемалывая их по одному.

Лучше оставить мысли о сопротивлении и идти тихо.

— Ладно, — сказал он. Теперь он сидел, расслабившись и улыбаясь.

Двери закрылись, поезд тронулся.

— Пропустили остановку, ребята, — заметил Гарден.

Боевики не шелохнулись, лишь покачивались слегка в такт движению поезда, набиравшего скорость.

— Мимо следующей станции этот поезд не пройдет, — сказал Итнайн. — Мои люди будут нас встречать там.

Когда поезд подошел к Манахокину и начал сбрасывать скорость, Гарден подвинулся к краю сиденья, поставил ноги в проход и встал. Инстинктивно он откинулся назад, сопротивляясь толчкам тормозящего поезда. Внутренний голос подсказал ему, что если сейчас броситься вперед вдоль прохода прямо на троих конвоиров в передней части вагона, то торможение поезда увеличит скорость его броска примерно на шестьдесят процентов и на столько же увеличит силу удара. Он ясно представил себе и ощутил всем телом этот рывок, прыжок и... падение.

Гарден отбросил и эту мысль. Этих-то можно одолеть. Можно даже выскочить на платформу. Но другие будут просто спокойно поджидать его там.

Он поплелся, еле передвигая ноги, к передней части вагона. Когда дверь открылась, боевики окружили его полукругом и вывели на платформу.

Они спустились по лестнице вниз, где их ждал черный фургон с распахнутой задней дверью. Двое в камуфляже ждали по обе стороны этого темного проема. Они держали оружие на изготовку.

Гарден в сопровождении Итнайна приблизился к фургону, слегка улыбаясь и немного подняв руки в знак того, что он безоружен.

Охранник слева поднял свое оружие — пистолет с огромным стволом, как у дробовика, — и выстрелил Гардену в грудь.

Тот машинально взглянул вниз, чувствуя, как холодная жидкость потекла вниз из раны, и ожидая увидеть пузыри крови и осколки белой кости. Вместо этого он увидел пучок красных и желтых... волос. Это было шелковое оперение стрелы. Из груди торчал серебристый шприц, накачивая прямо в сердце какое-то снадобье — яд? наркоз? снотворное?

Гарден пошатнулся, колени уперлись в бампер. Он свалился в фургон, руки проехали по резиновому коврику на полу. Зрение помутилось, но он все же попытался разглядеть внутренность фургона. В дальнем конце можно было различить сидящую фигуру, неподвижную,

как идол, в белой рубашке, воротник которой поднимался до самого подбородка. Или это была толстая повязка на шее?

— П'ивет, Том, — сказала Сэнди глухим голосом.

— Вот уж не ожидал столкнуться с таким уровнем некомпетентности в боевой команде — а уж в своей команде тем более.

Голос был сухо-насмешливый, властный, спокойный, весьма мужественный, в придыханиях, гласных и подборе слов чувствовался английский выговор — словом, на слух американца, вполне опытный и образованный оратор. И все же голос, который воспринимали уши Гардена с тех пор, как к нему вернулись чувства, выдавал в его владельце иностранца. Тягучие «л» картаво спотыкались, «с» были почти шепелявыми. Что это — следы родного французского? Или скорее какой-то арабский говор.

— 'адо обходиться тем, что есть, — это был голос Сэнди, все еще ущербный, но чересчур быстро восстанавливающийся — если только лекарство в той стреле не вырубил Гардена на несколько суток.

Под щекой Том чувствовал ребристый пол фургона. Он пошевелил руками и обнаружил, что они не связаны. Однако когда Гарден попробовал приподняться, оказалось, что руки у него ватные, словно он их отлежал. Тело приподнялось на сантиметр и плюхнулось обратно.

— Твой друг пробует силы.

— П'авда.

— Мы еще не готовы к этому.

— Еще ст'е'у?

— Нет, нет. Пусть проснется естественным образом. Может быть, он станет свидетелем нашего нападения. И оценит нас по достоинству.

— «Оценит». Оценить можно и отрицательные свойства, знаешь ли.

— Тем не менее... Кроме того, в своем новом состоянии — если он действительно прикасался к тем кри-

сталлам — он мог бы дать нам неоценимые, возможно, даже провидческие советы.

— Как скажешь.

Гарден открыл глаза. В закрытом фургоне царил глубокий сумрак. Он осторожно повернул голову, отыскивая Сэнди и ее собеседника. Их нигде не было видно, наверное, они сидели в кабине водителя. Может быть, они наблюдали за ним с помощью телекамеры. А может, им было наплевать на него.

— Ррух?.. — Он подвигал челюстью и провел языком по зубам.

— Спящий проснулся! Великолепно! — сказал мужской голос. — Добро пожаловать, сэр. *Bienvnu*. И тысяча извинений. Если бы не ограниченные возможности моих соотечественников, я приготовил бы надлежащее помещение, возможно, даже с кроватью, для вашего пробуждения.

— И долго... долго я был в отключке?

— А кто это со мной разговаривает?

— Том Гарден, как вам должно быть известно.

— Увы, значит, не так уж и долго. Мы приготовили дозу на шесть часов — реального времени, я имею в виду. Это все еще тот же день, Том Гарден, вечер только начинается.

— Что?.. — Том сел и стукнулся носом о скамейку. — Не имеет значения. И где мы находимся?

Он огляделся и обнаружил маленькое квадратное окошко в передней стенке своей тюрьмы. Скучный свет проникал только оттуда. Голоса тоже.

— Мэйс-Лэндинг, Том, — это уже была Сэнди. — Все еще в Нью-Джерси.

— Не знаю такого — Мэйс — как ты сказала... А вот Нью-Джерси я что-то уж слишком хорошо начинаю узнавать.

— Чувство юмора! — воскликнул мужчина. — Это обещает сделать нашу встречу еще более приятной.

Гарден подполз к окошку, ухватился за нижний край и подтянулся так, чтобы выглянуть наружу. Он увидел кабину водителя, Сэнди и ее спутника, сидевших спиной;

за ветровым стеклом виднелось колышущееся море зеленого тростника, вызолоченное низким солнцем. Оканчивался великолепный день. В отдалении тянулась гряда белых утесов или, может быть, гребень соляной горы.

— И чего мы ждем?

Мужчина повернул голову, и Том увидел оливковую кожу, изогнутый левантийский нос, изгиб искусно подстриженных усов.

— Наступления темноты. А также мы ждем, когда ты соберешься с силами. Не напрягайся, Том Гарден, расслабься. Позволь нам решать за тебя.

Стоило ему произнести эти слова, как пальцы Гардена разжались. Он скользнул вниз по металлической стене и положил голову на боковое сиденье.

Ворота были орнаментированы сверх меры. Декоративная резьба плит из фальшивого гранита, покрывавших цементные столбы, львиные головы на запорах, сверкающая никелем отделка черной железной решетки — все это оскорбляло отточенный вкус Хасана ас-Сабаха.

Долгая жизнь, двенадцать долгих жизней из любого человека сделают тонкого ценителя простоты, элегантной экономичности и функциональности. Эти ворота с их вычурной претенциозностью представляли собой кричащий атавизм, возврат к тем временам, когда европейцы полагали, что действительно что-то значат в мире. Теперь, конечно, ясно, каким это было заблуждением.

Хасан сидел в своем желтом «порше» в сотне метрах от ворот вниз по дороге. В двухстах метрах в другом направлении от ворот стоял крытый грузовик, где размещалась его первичная ударная сила. Для любого стороннего наблюдателя это были просто случайные машины, остановившиеся на дороге. Они были развернуты в противоположные стороны, и между ними были ворота термоядерной электростанции в Мэйс-Лэндинг.

Собака, естественно, не была сторонним наблюдателем.

Она сидела прямо в воротах, ее внимание было приковано к «порше». Какой интеллект скрывался там, за голубой пленкой этих глаз? Как он оценивал пару, сидящую в спортивном автомобиле? Хасан знал, что номера машины находятся вне поля собачьего зрения. Впрочем, номера были вполне законные, зарегистрированные на фиктивное имя, чьи действия в рамках компьютерного и кредитного надзора совпадали с действиями Хасана.

Александра поерзала на соседнем сиденье.

— Что такое? — спросил он.

— Я, конечно, пойду за тобой, Хасан.

— После трех столетий у тебя нет выбора, милочка.

— В самом деле... Но даже после всех этих лет я многого не понимаю.

— Чего же именно?

— Зачем ты хочешь захватить эту электростанцию? Тебе не удастся ее долго удерживать. И отдать потом как ни в чем не бывало тоже невозможно.

— Что касается последнего, то мы оговорим условия безопасного выхода и доставки в любую точку мира, где нас не выдадут Штатам. Владельцы завода и власти с радостью пойдут на сделку.

— Но захватывать-то его зачем? — настаивала она. — Ради денежного выкупа? Ты же никогда не интересовался этим.

— Я учитель, Александра.

— Да, ты учишь хаосу.

— Это все, что ты думаешь о гашишинах?

— Ну...

— Я учу практической мудрости. Американцы приспособились обходиться без многих вещей, в которых они прежде нуждались.

В прошлом веке была минута откровения, когда мы в ходе джихада нашли способ, как их побольней ударить. Вахабиты и шииты, контролировавшие нефть, подцепили на крючок западное общество, вечно жаждущее энергии. Но через некоторое время появились другие ископаемые источники топлива — и были они не от Аллаха. А потом

они открыли эту термоядерную штуку и заставили работать на себя.

— Но если Божий Ветер еще силен в сердце и душе, — продолжал он, — мы снова сумеем заполучить утерянный рычаг для борьбы с ними. Мы захватим эту электростанцию, остановим ее, разрушим и погрузим в темноту целый сектор их восточного побережья от Коннектикута до Делавэра. Это объяснит им, в чем смысл власти.

— А Гарден? Для чего он нужен?

— Он мне объяснит, в чем смысл власти.

— Если сможет.

— Если он действительно тот человек, как ты говоришь, то сможет.

— Но зачем было привозить его сюда?

— Разве найдешь лучшее место, чтобы испытать его? Итнайн возьмет его в группу захвата электростанции. Мы поставим его в самое уязвимое место. И тогда посмотрим.

— Но ведь он может победить тебя.

— Ненадолго. Однажды я его победил, а сейчас я старше его на множество жизней. Пока он скакал — как они называют эту игру? — чехардой сквозь века, я прошел долгий путь. Много же я узнал с тех пор, как мы с Томасом в последний раз сошлись на земле.

— Но ты все еще не научился пользоваться Камнем.

— Я знаю больше, чем ты думаешь.

— О? И что же ты узнал, мой господин?

— Камень подвержен влиянию электромагнитного поля. И он имеет измерение...

Там, за воротами, собака повернула голову на запад, словно ее позвал невидимый хозяин. Она подняла лапы, сделала шаг в том направлении, но потом все же повернула обратно и уставилась на машину. Где-то далеко было принято решение. Собака взвизгнула и бросилась вдоль забора.

— Можно начинать, — сказал Хасан, распахивая дверь.

Он нажал на рычаг, который открывал крышку багажника, расположенного спереди.

— Что ты собираешься делать?

— Открыть ворота, — он достал спусковое устройство и принялся устанавливать треножник. Из грузовика начали выпрыгивать люди. Хасан извлек из багажника одну из ракет, установил ее на казенной части спускового устройства.

— Ты не хочешь поближе подвинуться к воротам? — спросила она.

— Нет.

Он прицелился под углом к центральной стойке, совместив пересекающиеся линии видоискателя со львиной головой на замке, которая рельефно выделялась в последних янтарно-красных лучах солнца.

Пфутт! Спусковое устройство выбросило хвост желто-белого дыма.

При виде этого боевики бросились на землю, прикрывая головы руками.

Хасан не отводил взгляда от видоискателя.

Голова льва исчезла.

Когда Гарден снова проснулся, руки и ноги его уже окрепли, хотя и затекли от неудобной позы. Во рту чувствовался металлический привкус, возможно, от снотворного, но голова была ясная.

В фургоне была кромешная тьма, видимо, уже наступила ночь. По меньшей мере восемнадцать часов прошло с тех пор, как он был похищен в бассейне «Холидей Халл». За это время он мчался вдоль побережья на катере, карабкался по балкам на чердаке заброшенного дома, прятался в дюнах под полуденным солнцем, дрался насмерть с женщиной нечеловеческой силы и ловкости и трясся на полу фургона. За это время он ничего не ел, не имел возможности умыться и облегчиться. Он чувствовал себя каким-то заскорузлым и опустошенным. Его когда-то новая и такая добротная одежда прилипла к телу от

засохшего пота. Его буквально тошнило от собственного запаха... Но что он мог с этим поделать?

Просто не обращать внимания.

Он встал, вовремя пригнувшись, чтобы не стукнуться о низкий потолок. Подошел к переднему окошку и выглянул наружу.

Кабина была пуста. Через ветровое стекло проникал слабый свет от скопления огней, похожих на небольшой городок, километрах в трех отсюда. Впрочем, минуту спустя он сообразил, что огни на самом деле ярче и расположены более целесообразно: скорее это походило на комплекс невысоких производственных строений.

Поскольку больше смотреть было не на что, Гарден стал изучать комплекс.

Он был огромен. Всего мгновение понадобилось глазам и мозгу Гардена, чтобы связать орнамент огней в единое целое: желтые натриевые прожекторы, зеленоватые флуоресцентные пещеры комнат за окнами, мигающие красные бакены предупреждения самолетов, белые полосы коридоров и переходов.

Сначала он предположил, что один и тот же цвет огней, а возможно, и одинаковый уровень освещенности, используется для одних и тех же целей. Затем он прикинул яркость и расстояние, как это делают астрономы. Ближайшие огни находились всего в километре и располагались в поле зрения равномерно. Они вспыхивали и гасли через равные промежутки времени. Это были фотопрожекторы, установленные вдоль ограды и предназначенные для обслуживания охранной видеосистемы. Даже в самом тусклом режиме эти огни заглушали или загораживали другие, более отдаленные. Прикинув расстояние до линии прожекторов и измерив на глаз длину ограды, он вычислил, что весь комплекс был шириной не менее трех километров. Судя по яркости самого дальнего огня, длина комплекса составляла около четырех километров.

Какая промышленность могла быть тут, в болотах Центрального Нью-Джерси? Обогащительные и химиче-

ские производства, которыми славился Босуш, располагались гораздо севернее. Но эти белые стены — именно их он принял за соляные горы, когда проснулся первый раз, — не походили на обогатительный комбинат.

Мэйс-Лэндинг. В названии звучали тревожные колокола. Что-то показывали по телевидению. Что-то связанное с атомной энергией — нет, термоядерной энергией! Это была электростанция, снабжавшая энергией весь Центральный Босуш. И Том Гарден сидел прямо под забором электростанции в фургоне какого-то иностранного джентльмена, сопровождаемого проворными парнями в камуфляже...

Двери фургона раскрылись со стуком и шипением плохо отлаженной гидравлики. Луч фонарика стал шарить по салону и уперся в ногу Гардена.

Он прикрыл рукой глаза от света.

— Можешь выйти, — сказал руководитель группы, Итнайн.

— Что вы собираетесь со мной сделать? — Гарден уже знал ответ: его не убьют, во всяком случае — не эти люди, которые использовали снотворное временного действия, чтобы успокоить его. Он прошел к двери и спрыгнул на землю.

— Мой господин Хасан желает, чтобы ты наблюдал за нападением.

— Вы что, собираетесь захватить электростанцию?

— Да. Идем.

— Где Сэнди?

— У тебя сейчас нет времени для нее. Идем.

Гарден пожал плечами и пересек дорогу вслед за Итнайном. Палестинец тяжело топал по асфальту. В свете нескольких звезд, пробивавшемся через туман, и узенького лунного серпа на западе Гарден разглядел, что на Итнайне армейские ботинки и форма военного образца. На плече на длинном ремне висело весьма мощное с виду ружье. Оно было гладкое, антрацитово-черное с толстым стволом и коротким ложем. Перед предохранителем и

позади изогнутой ручки располагался цилиндрический магазин. Это был какой-то вид автомата.

Группа людей, человек десять, ждали на другой стороне дороги. Дорога шла по насыпи высотой в метр, спускавшейся прямо в тростник. Вылетавшие из-под ботинок камни падали с насыпи с музыкальным всплеском, из чего Гарден заключил, что был прилив.

— Мы что, поплывем туда? — спросил он.

— Это просто диверсия. Главный захват будет произведен в другом месте, под руководством моего господина Хасана.

— Хасана?

— Да.

— Хасан аль-Шаббат? Гарри Санди?

— О, прошу вас! — человек рядом с ним страдальчески сморщился. — Вы не должны использовать это вульгарное имя. Особенно среди его последователей. Это имя, исковерканное тупыми западными журналистами. Моего господина зовут Хасан ас-Сабах. Это древнее имя, происходящее из Персии.

— Ну да, ясно. Но все же это тот самый Гарри, верно? Человек, возглавивший восстание поселенцев в Хайфе, а позднее похитивший водородную бомбу?

Итнайн помолчал.

— Да. Но это были подвиги моего господина в молодые годы — по вашему счету.

— А теперь он действует в Штатах?

— Как и все мы.

— И ему зачем-то нужен я.

— Да, зачем-то нужен, — согласился Итнайн.

Затем он отвернулся к своим людям и отдал торопливые команды по-арабски, используя множество жаргонных слов и военных терминов, из которых Гарден почти ничего не понял. Он уловил слова «ракета» и «дальность», но и без этого можно было догадаться о характере приготовлений, как только террористы раскрыли длинный ящик размером с приличный мужской гроб.

В тумане мерцало белое эпоксидное покрытие ракеты «Си Спэрроу». В глубине ящика скрывалась труба ручного пускателя.

Гарден слышал об этих ракетах. Боеголовка содержала высоковольтный конденсатор, аргон-неоновый лазер, предварительно возбужденный до более высокого энергетического уровня рабочей смеси, расщепитель луча и стеклянную гранулу размером с рисовое зерно. В грануле была заключена смесь трития и дейтерия. При контакте с целью конденсатор давал мгновенный разряд, который инициировал лазер; мощное когерентное фотонное излучение попадало на расщепитель; разделенный луч бил в гранулу с трех сторон; внешняя поверхность стекла мгновенно испарялась, внутренняя сжималась и нагревала смесь изотопов водорода, пока она превращалась в гелий в результате ядерного синтеза. Получалась крошечная водородная бомба.

Взрывная сила такой боеголовки была ничтожна, эквивалентна тактической ручной гранате, ее едва хватало на то, чтобы разрушить переднюю часть оболочки ракеты. Но взрывная сила и не была целью. Электромагнитный импульс от этого маленького ядерного взрыва создавал поле, которое сжигало всю электронику в определенном радиусе, обычно около 1000 метров. Все, кроме защищенных мощными экранами датчиков и схем, вспыхивало, как игровой автомат в Атлантик-Сити при крупном выигрыше, и затем выключалось навеки.

На испытаниях одна-единственная ракета «Си Спэрроу», упавшая в сотне метрах от цели, заставила подлодку класса «Огайо» водоизмещением пятнадцать тысяч тонн плавать по спирали, при этом ее пусковые устройства были направлены в разные стороны, а реактор работал в неконтролируемом режиме. Наблюдавшие за этим адмиралы единогласно проголосовали за то, чтобы эвакуировать судно и уничтожить его ядерными торпедами. И все это из-за одной-единственной шестикилограммовой ракеты, выпущенной вручную с резиновой лодки.

— Что вы собираетесь с этим делать? — спросил Гарден.

— Вывести из строя сторожевую собаку.

— Ну да, собаку... А как насчет электроники на станции?

Итнайн пожал плечами:

— Она вне радиуса действия. А даже если и достанет, электроника там должна быть хорошо экранирована, так как подобные происшествия могут случиться на станции.

— Должна быть... — повторил Гарден.

Человек, с которым Итнайн разговаривал, осторожно достал ракету из ящика. Он выдернул черный вымпел (днем он, наверное, был красным), прикрепленный к предохранителю спускового рычага. Один боевик держал пусковое устройство вертикально, другой опустил в него ракету, отжав рычаг и прикрепив боеголовку. Затем двое водрузили пускатель на плечо первого человека и оттянули инерционные распорки.

Тот повернул выключатель на панели около щеки, зажглись красные и зеленые светодиоды. Он направил пускатель на ограду, прижал глаз к лазерному видоискателю и зацепил коричневый палец за спусковой крючок.

Том Гарден попытался представить, что он там видит. Забор мало походил на мишень. Может быть, он целился в собаку?

Когда человек выстрелил, Гарден успел подготовиться. Он нагнулся и закрыл глаза, чтобы серебристо-желтая вспышка твердого топлива не ослепила его. Облако едкого дыма пронеслось мимо. Он так и не увидел взрыва боеголовки. Единственное, что ему хотелось бы выяснить, — не стер ли электромагнитный импульс коды с его удостоверения и кредитной карточки.

Впрочем, это уже было неважно. Если его арестуют как сообщника при захвате термоядерной электростанции, ему уже вряд ли понадобятся какие-либо удостоверения.

Пока террористы моргали полуослепшими глазами, Гарден скользнул в сторону, к грузовику. Если его система зажигания не попала в радиус действия боеголовки — а Итнайн должен был проявить достаточно сообразительности, чтобы разместить машины подальше, — то Гарден смог бы сбежать от своих похитителей.

Он тихо приоткрыл дверь, проскользнул на сиденье и начал нащупывать клавиатуру на панели управления.

Бирр-бирр, бирр-бирр.

Это был телефон сотовой связи. Гарден не обратил на него внимания.

Наконец он нашел клавиатуру. Начал вводить единственный сигнал семь раз подряд. Это была негласная договоренность водителей, код, который использовался большинством в тех случаях, когда машиной пользовались несколько человек, а также для того, чтобы преодолеть антиалкогольную блокировку.

Бирр-бирр, бирр-бирр.

Что-то в самой глубине сознания Тома Гардена приказало ему взять трубку.

Элиза. Не отключайся, Том.

Гарден. Что? Кто это?

Элиза. Это Элиза... 212, Том. Ты знаешь меня.

Гарден. У тебя голос какой-то странный, более низкий.

Элиза. Это сотовая связь искажает, Том. Не уезжай. Останься с Итнайном и его людьми.

Гарден. Но они же террористы. Они собираются вломиться на...

Элиза. Я знаю об их планах. Ты должен пойти с ними. Ты нужен мне внутри станции, Том.

Гарден. Я нужен тебе? Объясни-ка, будь добра. Там же опасно. Меня могут убить.

Элиза. Ты же всегда доверял мне, Том. Послушайся меня на этот раз. Иди с Итнайном.

Гарден. Но...

Элиза. Не спорь со мной. Поверь мне. Твоя... жизнь... зависит от этого.

Гарден. Но я не...

Щелчок — связь прервалась.

— Вылезайте из машины, мистер Гарден, пожалуйста, — перед дверью стоял Итнайн. Ствол его ружья был поднят, дуло направлено в лицо Гардена.

Том положил трубку и поднял руки. Он спустил левую ногу на порожек и соскользнул с сиденья.

— Вам не удастся покинуть нас. Мой господин Хасан особо настаивал на вашем присутствии.

На этом же настаивает еще кое-кто, подумал Гарден. «Поверь мне... Послушайся меня». Гарден не верил Элизе ни на йоту. Что-то здесь не так, если тебе начинает звонить робот. Но выбор у него был ограниченный.

Итнайн и его люди будут теперь сторожить грузовик. Можно попробовать пробраться через болота на своих двоих, но это будет слишком мокрая прогулка. Если же удастся снова подкрасться к грузовику и завести его; то удирать придется по этим прямым насыпным дорогам. Обеспокоенные его попыткой побега и поэтому настороженные, они мгновенно засекут его и пошлют вторую ракету прямо ему в спину.

Так что у Гардена не было выбора.

Он посмотрел в ту сторону, куда улетела ракета. Проекторы вдоль ограды не горели, примерно треть комплекса также погрузилась в темноту.

Итнайн отдал приказ, и его люди спокойно направились к машинам, чтобы подъехать к главным воротам и участвовать в захвате.

Собака была для них полнейшей неожиданностью.

Она бежала через заросли тростника на своих высоких стальных ногах-пружинах почти бесшумно, едва разбрызгивая воду. Возможно, она бродила где-то за оградой вне радиуса действия «Си Спэрроу». А может быть, она прибежала по команде с центрального пульта в не-

поврежденном секторе. В любом случае она оставалась незамеченной, пока не раздался вопль одного из боевиков.

Он рухнул — они позднее это обнаружили — от пятидесятисантиметровой глубокой раны, буквально распоровшей его от плеча до бедра. Какой-то техник переделал блок челюстей с ограничителями в острые лезвия и увеличил давление и скорость реакции челюстного механизма вдвое.

Собака обладала инфракрасным ночным зрением. Она повернулась и вцепилась во второго боевика прежде, чем остальные успели прийти в себя от вопля первого.

Но тут им удалось окружить ее.

Итнайн вскинул ружье и в упор выпустил три пули, которые отскочили от титановых боков собаки. Но выстрелы отвлекли ее внимание, и она молча набросилась на Итнайна.

Он засунул приклад ружья в жуткую пасть и попытался отскочить назад.

Собака мотала головой, стараясь освободиться от металла и добраться до теплой плоти, но Итнайн уворачивался, одновременно проталкивая приклад глубже в механическое тело.

— Кто-нибудь... перебейте ей... ноги, — прохрипел Итнайн, мотаясь из стороны в сторону.

Гарден даже не успел задуматься, его ли это дело. Он инстинктивно бросился на собаку сзади, нанося боковой удар в прыжке. Они оба упали. Животное дернулось, изогнуло гибкую спину, три раза щелкнуло челюстью у головы Гардена, но затем вскочило и вновь вернулось к Итнайну.

Гарден попытался ухватиться за лодыжки собаки и удержать задние лапы, надеясь повалить ее — и при этом не пострадать самому. Однако стальные тяговые тросы, управлявшие движением лап, скользили вокруг лодыжек и не давали крепко ухватиться.

Если как-то заблокировать задние лапы, зверь упадет. Гарден попытался зацепиться за тросы и кабели,

оплетавшие лапы, но машина слишком быстро двигалась. При этом каждым пятым движением, запрограммированным в электронном мозгу пса, была попытка откусить Гардену голову, поэтому он больше был озабочен тем, как бы увернуться, нежели тем, как парализовать зверя.

— Фу! — неожиданно для себя процедил он сквозь зубы.

Как ни странно, собака на секунду замерла, коротко взвизгнув. Слышала ли она его? Откликнулось ли что-то в ее электронной душе на устную команду? Гарден почти ощутил, как некий импульс передался от него к собачьим микросхемам.

Том попытался воспользоваться заминкой, чтобы ухватиться покрепче за лапы и повалить пса, но Итнайн опередил его и протолкнул приклад в пасть. Это движение затронуло что-то в программе, и собака заметалась с новой силой.

Гарден и Итнайн быстро теряли силы, а собака могла продолжать борьбу хоть до утра. Остальные же просто стояли крутом и глазели.

Кроме одного — того, кто запускал ракету.

Пока двое пытались сладить с собакой, он достал второй ящик с «Си Спэрроу» из ближайшего грузовика. Выдернув предохранитель, он не стал возиться с пускателем. Он просто поднял ракету над головой и бросил ее, носом вперед, прямо на дорогу, метра на четыре в сторону.

Взрыв боеголовки резанул по слуху. Легкий ветерок с белыми пластиковыми хлопьями пронесся мимо, слегка обжигая лица и руки. Собака рухнула на землю, дергая лапами, завалилась на бок и затихла.

Итнайн разогнулся, тяжело дыша. Гарден сбросил с себя одну из мертвых собачьих лап и сел.

— Спасибо тебе, Хамад, — сказал палестинский вожак. — Это было хорошо сделано.

Он извлек свое ижевское оружие из разинутой пасти и посмотрел на Гардена.

— И тебе тоже моя благодарность, за твою смелость.

Гарден сплюнул:

— Да чего уж там.

— Нам предстоит долгий путь, — заметил Итнайн. — Импульс от этой боеголовки, конечно, разрушил зажигание и систему управления в наших машинах.

Гарден мог, кроме того, с уверенностью сказать, что его удостоверения тоже пропали.

СУРА 7

ПАДЕНИЕ КРАСНОГО ШАТРА

*Словно ветер в степи, словно в речке вода,
День прошел — и назад не придет никогда.
Будем жить, о подруга моя, настоящим!
Сожалеть о минувшем — не стоит труда.*

Омар Хайям

Подобно белому огненному клинку вонзился в Хасана следующий бросок Амнета.

Мастер, менее искушенный в использовании астральной энергии, послал бы разряд в голову ассасина, целясь в шестой узел, расположенный посередине, позади глазных яблок. Но такой бросок, как рассудил Амнет, был бы не только бесполезен, но и опасен. Подобно удару кулака в лицо, он направлен на человеческий орган, созданный, чтобы распознавать такие нападения. Хасан отведет его в сторону так же просто, как борец на арене пригибается, когда видит замах противника.

Вместо этого Амнет направил свой бросок ниже, в третий узел, который расположен позади пупка. Место, через которое жизненные соки вливаются в организм

зародыша; этот узел поглотит энергию и разнесет ее по телу: прекрасный выбор для смертельного удара.

Человек, стоящий в стороне, ничего не заметил бы, разве только ощутил дрожание воздуха, уловил след движения, который оставляет пролетевшая стрела на зеркальной поверхности глаза. Для Амнета, который запустил и направил его, сгусток энергии Камня выглядел как вполне осязаемая субстанция, столь же ясно различимая в пространстве, как столб света из витражного окна в пыльном воздухе собора, столь же алая, как первый луч солнца, поднимающегося из-за гор. Для Хасана, который был его целью, сгусток энергии, отливавший голубым, словно возник в глубине радужной призмы и рванулся вперед с немыслимой скоростью.

Он преодолел разделявшее их расстояние за неуловимое время промелькнувшей мысли.

Даже если Хасан и видел заряд, он не успел его отклонить. Заряд ворвался в его тело, как конь, на всем скаку проламывающий брешь в изгороди.

Хасана отбросило назад. Руки, едва не вырвавшись из суставов, взлетели вперед в попытке обрести утерянное равновесие. Пальцы вытянулись до предела, целясь в лицо Томаса Амнета. Аура Хасана приобрела туманно-голубой оттенок. Его тело ярко засветилось, как дом, охваченный пламенем, которое еще не разрушило крышу и не разбило стекла в окнах... Хасана скрутила судорога.

Ответный удар обрушился на Амнета, отбросив его назад на травянистый берег. Он приземлился на спину и перекувырнулся через голову. Что-то ощутимо хрустнуло в основании черепа. Ноги Амнета тяжело рухнули. Он попытался поднять голову и не смог.

Хасан перенесся через реку и встал над ним. Ассасин мог вынуть клинок и вонзить Амнету в горло или в живот. Он мог опустить сапог на лицо тамплиера. Вместо этого он повел плечами и повторил то же движение, словно лепил снежок.

Амнету стало страшно.

Паника гальванизировала его члены, он собрался с силами и приподнял голову, несмотря на белое пламя

боли, охватившее шею. Движение головы дало импульс телу, и ему удалось с большим трудом откатиться на несколько жалких футов в сторону.

Хасан проворно направил сфокусированный заряд энергии в спину Амнета. Алый жар вспыхнул в позвоночнике, разрывая мышцы и ломая кости. Ноги ооченели.

Нечеловеческим усилием Амнет воззвал к Камню, умоляя помочь ему преодолеть боль, заживить разорванную ткань мышц, соединить лопнувшие нервы. Камень затеплился своей собственной вибрирующей энергией и вернул чувствительность нижней части его тела. Амнет ясно ощущал, как из своего кожаного фугляра Камень вливал силу в онемевшие члены, укреплял бедра и спину, поднимая его, как мать поднимает свое дитя из колыбели, укрывая от холода.

Теперь, стоя прямо, он повернулся лицом к Хасану.

Еще одним невероятным усилием воли он вызвал из Камня самый сильный заряд энергии.

Это было не мягкое, увещательное проявление его пассивной силы, вроде той, что излучалась под дымными испарениями, создавая образы и видения, или той, что помогла затуманить ум и размягчить волю султана-полководца.

Это было насилие.

Это была жажда мести.

Он использовал Камень, как берсерк свой меч — неистово. Его намерением было бить, топтать, уничтожать.

Он швырнул еще один заостренный заряд в Хасана, который на минуту ослабел после своей атаки. На этот раз Амнет послал молнию выше, в пятый узел, расположенный в полости горла. Нанесенный изо всей силы, такой удар мог лишить человека дыхания и раздробить гортань всмятку. Хасан должен был умереть, захлебнувшись собственной кровью.

Голова ассасина откинулась назад, свободно и беззаботно, как у мужчины, наслаждающегося поцелуями красавицы. Улыбка изогнула губы под усами. Энергетическое облако окутало его голову.

Резким кивком Хасан отбил удар, послав голубую молнию прямо в кожаный мешок, висящий на поясе тамплиера.

Страшная сила перебила только что обретенные ноги Амнета. Он упал на одно колено. «Surgite! — приказал он себе сурово. — Встань!» Еще одна волна силы Камня влилась в его члены. Одновременно он попытался снова испустить заряд в Хасана.

Камень вдруг сделался непомерно тяжелым, оттягивая пояс, прорывая оленью кожу сумки, в которой Амнет носил его.

Он опустил руки и подхватил Камень, когда тот начал выпадать. Кристаллическая решетка дрожала от непомерной задачи, возложенной на нее. Пересекающиеся оси решетки разогнулись и начали распадаться.

Томас Амнет почувствовал, как что-то рвется в самой глубине его мозга.

Пение мусульман поднялось на полтона и стало похоже на стрекотание цикады, сверлящее знойный летний воздух. Великий магистр Жерар, не будучи искушенным в музыке, понял лишь, что сарацинские воины, окружавшие кольцо обороны, готовили себя к неистовому насилию.

Стоило всего одному христианскому воину решить, что больше им не выдержать осады, бросить свою пику и кинуться вперед на сверкающие ятаганы, и гул усилится. Он преодолет бесплодную монотонность, а затем еще раз возвысится до бешеного визга.

Множество христиан потеряло сознание от жары. Многие упали в обморок просто от страха перед безжалостным натиском, который обещало пение мусульман.

Жерар взялся за рукоятку своего длинного меча и зашагал в узком пространстве между двумя шеренгами тамплиеров, которые противостояли сарацинам на западном склоне холма. Когда кто-то, покачнувшись, выпадал из

строю, Жерар приказывал другому выйти вперед и занять его место.

Пот стекал на брови и заливал глаза. Каждая капелька, выступавшая на грязном лице, была влагой его тела, которую нечем восстановить. Он умирал, истекая водой и солью.

Когда он поднес руку в тяжелой перчатке ко лбу, чтобы отереть этот соленый поток, пение внезапно прекратилось.

В наступившем безмолвии двое справа от него упали замертво. Жерар собирался было выдвинуть двоих из второй шеренги, чтобы заполнить брешь, но что-то остановило его.

Что означала эта тишина?

Сарацины ответили ему пронзительным воплем.

В предельном исступлении ближайшие к неприятельской шеренге мусульманские воины бросились прямо на острия пик, пригнув их к земле тяжестью собственных тел.

Подхватив вопль, остальные рванулись вперед, карабкаясь по агонизирующим телам своих товарищей, низанных на пики, и орудуя мечами, пока христиане пытались высвободить свое оружие. Коварно изогнутые ятаганы рассекали незащищенную плоть между шлемами и кольчугами. Кровь била фонтаном, и первая шеренга крестоносцев пала прежде, чем вторая успела приготовить мечи.

Волна сарацин накатывала на тамплиеров.

Жерару приходилось видеть, как сражаются берсерки: дерутся, теряют руку или глаз, дерутся неистово, наконец, гибнут — и все это ни на минуту не приходя в сознание. Те берсерки были одиночками, каждый — пленник своего собственного безумия. Глядя на человеческую лавину, обрушившуюся на французов, он впервые видел безумие толпы. Тысячи людей двигались как один и умирали без малейшего стога. Когда бегущие воины втапывали в землю своих же упавших товарищей, те казались бесчувственными, как подошвы сапог. Они были одержимы.

Жерар перекрестился, сжал меч и взбежал наверх по холму. Он шел, глядя назад, на приближающуюся лавину оскаленных смуглых лиц и сверкающих изогнутых клинков. Подобно шеренге жнецов, они расчищали себе путь, не зная преграды.

Что-то зацепилось за ногу Жерара, он оглянулся. Оказывается, он уже стоял возле шатра, чьи полотнища были алыми, как кровь, от которой он бежал сюда. Лодыжки его запутались в веревках.

Он поднял меч, чтобы разрезать полотнища и исчезнуть внутри шатра. Но прежде чем он успел замахнуться, что-то тяжелое ударило его по голове. Он упал лицом вниз на полог шатра, обрывая его и оттягивая вниз собственным весом. Крыша павильона задержалась и опала. Сарацины, добравшиеся до вершины холма, перерезали веревки с другой стороны, и шатер рухнул.

Складки тяжелого полотна, расшитого французскими гербами и ликами апостолов, закрыли от Жерара дневной свет.

Руки Амнета сомкнулись вокруг Камня, когда он выпал из разорванной сумки. Гладкая поверхность была горячей на ощупь. Грани врезались в пальцы, словно раскаленные докрасна ножи. Амнет ощущал, как беснуется в глубине кристалла непостижимая энергия, разрывающая структуру неразъединимых связей.

Звук, высокий и чистый, как звук стеклянной гармоники, наполнил всю долину, он исходил из сердца Камня.

Шатаясь, он нес Камень, словно это были его отрезанные яички: шаг за шагом смиряясь с болью и невыносимым чувством утраты. В дюжине футах от него Хасан приходил в себя от последнего отбитого удара. Когда взгляд его прояснился, он увидел разбухший кристалл, прижатый к паху Амнета. Когда он понял, что происходит, рот его сам собой раскрылся. Он не мог поверить собственным глазам.

— Не-е-ет!

Вопль достиг слабеющего слуха Амнета, преодолев завесу чистого звука, исходившего из Камня. Этот крик отрицания, усиленный неподдельной искренностью чувства, переполнил кристалл последней каплей энергии, которая, выплеснувшись, будет покоиться в этой красивой долине близ Галилеи почти тысячу лет.

Как треснувший церковный колокол, Камень рассыпался, не выдержав собственной тяжести. Его последняя песня окончилась звоном падающего металла. Раскаленные докрасна осколки кристалла посыпались сквозь кровоточащие пальцы Амнета.

Сила ушла из его ног. Он рухнул на колени, потом на бок, ударившись о землю плечом, бедром и головой. Как марионетка без ниточек, он наконец затих, коченея. Нежные ростки травы щекотали его щеку и царапали роговицу раскрытых глаз.

Хасан пришел в себя и медленно приблизился. Он снова двигался с той гибкой грацией, которая отличает живого и здорового человека, находящегося в полном сознании, готового отпрыгнуть при первом признаке опасности.

Амнет не шевелился. Его разбитое тело, чужое и холодное, было уже наполовину мертво, энергия Камня больше не оживляла его. Он чувствовал, как дюйм за дюймом нервные волокна его обнаженного спинного мозга вздувались, рвались с шипением и опадали. Когда этот неконтролируемый процесс достиг основания черепа, он понял, что сознание покидает его. Скоро за ним последует и душа.

Бормоча какие-то слова, которые Амнет уже не мог разобрать, Хасан присел на корточки и скрылся из поля зрения тамплиера, ибо взгляд его уже остановился. Ассасин, должно быть, делал что-то в области паха Томаса, но тот не мог представить, какой вред телу он рассчитывал причинить там.

Руки Хасана делали быстрые сгребавшие, прочесывающие движения. Потом он встал, но кисти его были так плотно прижаты к телу, что Томас не мог разглядеть, что в них было.

Последний раз взглянув в затуманившиеся глаза Амнета, Хасан повернулся и, сгибаясь под тяжестью своего груза, быстро зашагал прочь из долины.

Бульканье и шипение из основания черепа проникло внутрь, как вода, заливающая трюм тонущего судна. Когда оно наконец вылилось из разбитого темени, он погрузился в темноту, и тело его умерло.

Проворные сильные руки сняли с Жерара де Ридерфорта полотно шатра. Над ним склонились смуглые лица, в их глазах светилось торжество победы. Сарацины подняли его на ноги. Они гладили пальцами красный крест, пришитый к его плащу. Они щелкали языками, разглядывая этот признак принадлежности к Ордену.

Один из них взвесил на руке медальон, знак высшей власти Ордена, тяжелый золотой диск, украшенный эмалью, который Жерар носил на массивной золотой цепи. Великий магистр попытался защитить медальон, но похитители быстро отвели его руки назад. Они стащили медальон с шеи, и двое тут же бросились в сторону, сцепившись в отчаянной схватке за право обладания им.

Меч Жерара куда-то пропал, пока он барахтался в складках шатра. Сарацины сорвали кинжал с его пояса и накинуд на шею грубую веревочную петлю. Они повели его вниз с холма. Со всех сторон спускались тысячи таких же пленников, ошарашенных и шатающихся, полумертвых от усталости и жажды. Они плелись, как бараны на веревках.

У подножия холма сарацинские командиры отделяли тамплиеров с красными крестами на одежде от других христианских рыцарей, сопровождавших короля Ги. Тамплиеров отвели в пологий овраг под Гаттином. Шеренга сарацинских лучников встала над ними на краю оврага.

— Христиане! — прогремел над ними звонкий голос с хорошим французским выговором. — Вы, принадлежащие к Ордену Храма!

Жерар поднял голову, но солнце светило в глаза, и он не смог разглядеть говорящего.

— Вам следует сейчас, — голос звучал убедительно и даже почти дружелюбно, — встать на колени и помолиться вашему Богу.

Как паства в соборе, пять тысяч разоруженных тамплиеров упали на колени. Их кольчуги зазвенели разом, словно якорные цепи флотилии.

Жерар попытался помолиться, но его отвлекли бормотание и стоны, доносившиеся с обоих концов оврага. Он вытянул шею и посмотрел поверх склоненных голов и согбленных спин своих соратников. Там, в отдалении, сарацины методично размахивали мечами.

— Они отрубают головы нашим товарищам! — пронесся по рядам испуганный шепот. — Вставайте! Надо защищаться!

— Не смей! — приказал Жерар сквозь зубы. — Лучше точный удар меча, чем дюжина плохо пущенных стрел.

Те, кто слышали его, затихли. Шепот прекратился.

Через некоторое время кто-то рядом сказал мягко:

— Сегодня вечером, друзья, мы разобьем палатки на небесах.

— На берегу реки... — отозвался его невидимый товарищ.

Наступила тишина.

— Лучше бы ты не говорил про воду, — процедил кто-то поодаль.

— О, хоть бы каплю! — простонал другой голос.

Этому стону не суждено было продолжиться, ибо сарацинские палачи уже стояли над ними.

Саладин взобрался на шаткую гору подушек и попытался устроиться там поудобнее. Он поерзал, перенося свой вес из стороны в сторону и проверяя устойчивость сооружения, чтобы потом не свалиться в самый неподходящий момент. Но гора, сложенная не менее искусно, чем фараоновы пирамиды, оказалась достаточно надежной.

Саладин привык иметь дело с более цивилизованными противниками, которые соблюдали должный этикет даже после поражения, даже измученные жарой и жаждой. Пленный мусульманский шейх знает, что в шатер победителя надобно вползать на коленях, на коленях и локтях, даже на животе, если нужно, голову держать как можно ниже, а поза должна выражать полную покорность полководцу, захватившему его. Но эти христианские аристократы не знают правил приличия. Они войдут в шатер прямо и будут стоять во весь рост, словно сегодняшние победители — они.

Его приверженцам непозволительно лицезреть подобное унижение вождя. Для того-то и была сооружена пирамида подушек.

Но все оказалось напрасно.

Король Ги не вошел в шатер сам, его внесли за руки и за ноги четверо могучих сарацинских воинов. Остальные аристократы следовали за своим распростертым королем. Они шли прямо, но с низко опущенными головами.

— Он мертв? — спросил Саладин.

— Нет, господин. На него напала лихорадка от жары. Он бредит.

Ги, Латинский король Иерусалима, лежал на ковре перед горой подушек, словно груда старого тряпья. Ноги у него дергались, руки блуждали по ковру; глаза совсем закатились. Остальные знатные рыцари — среди них Саладин заметил тонкие кошачьи черты Рейнальда де Шатильона — отпрянули от своего короля, опасаясь, что он умирает. Так оно, впрочем, и было.

— Принесите королю освежиться, — приказал Саладин.

Визирь сам поднес чашу розовой воды, охлажденной снегом, который доставляли с гор в бочках, закутанных в меха. Мустафа встал на колени подле головы короля и, смочив конец своего кушака, положил его на пылающий лоб. Прохлада придавала некую осмысленность взгляду короля, и он прекратил дергаться. Когда рот его раскрылся, Мустафа поднес край чаши к губам и налил несколько капель на язык, обложенный и потрескавшийся, как

шкура дохой лошади, пролежавшей в пустыне пару месяцев.

Король Ги поднял руки и вцепился в чашу, определенно намереваясь вылить всю воду себе в глотку. Но Мустафа держал чашу крепко. Когда же наконец король осознал, как приятно пить маленькими глотками, Мустафа отдал ему сосуд. Визирь поклонился Саладину и отступил назад.

Приподнявшись на локте, Ги жадно пил. Утолив жажду, он впервые осмысленно огляделся. Он увидел остальных французских дворян, стоявших, как побитые собаки, с распухшими языками, свисающими поверх бород. Какие-то остатки королевского долга побудили его поднять чашу, предлагая ее товарищам по несчастью.

Первым схватил сосуд Рейнальд де Шатильон. Этот человек, самопровозглашенный принц Антиохии, утопил мусульманских паломников в Медине, сжег христианские церкви на Кипре, предложил обесчестить сестру Саладина и намеревался разбросать кости Пророка. Трясущимися руками он поднес чашу к губам — он принимал освежающий напиток как гость в шатре Саладина!

— Остановись! — Саладин почувствовал, как лицо его морщится и искажается бешенством, с которым разум не в силах совладать. Он скатился вниз с горы подушек и встал перед пленниками. — Так не должно быть!

Король Ги смотрел вверх с изумленным, почти страдальческим выражением на глуповатом лице.

Рейнальд, с бороды которого капала розовая вода, ответил Саладину улыбкой, больше походившей на глумливую усмешку.

Красноватая дымка заволокла все перед глазами сарацинского полководца. Полуослепший от гнева, он повернулся к Мустафе.

— Объясни королю Ги, что это он — а не я — оказал такое гостеприимство нашему врагу.

Мустафа бросился вперед, упал на колени перед королем и открыл было рот.

Но простого объяснения было мало. Гнев Саладина требовал большего. С точностью, выработанной годами упражнений в воинском мастерстве, он выбил чашу из рук Рейнальда, сломав при этом ему палец. Вода забрызгала остальных христианских дворян, а край летящей чаши разрезал одному из них бровь.

Рейнальд, теперь с открытой издевкой, протянул к Саладину поврежденную руку.

— Это тебе твой драгоценный Мухаммед приказал сделать? — и голос был такой насмешливый, дразнящий...

Не раздумывая, Саладин выхватил свой меч из гибкой дамасской стали и одним легким движением описал в воздухе сверкнувшую петлю.

Рука Рейнальда, отрубленная у самого плеча, упала королю Ги на колени, судорожно дергаясь. Король взвыл и отпрянул в сторону, стараясь освободиться от этого подарка.

Рейнальд уставился на свою руку, затем поднял круглые от ужаса глаза на Саладина. Губы изогнулись в изумленное «О», изо рта вырвался восходящий агонизирующий вой, подобный волчьему.

Прежде чем этот ужасный звук успел проникнуть сквозь стенки шатра, один из телохранителей султана ринулся вперед, выхватывая саблю, и разом срубил голову Рейнальда с плеч.

Удивленная голова покатилась по ковру, уткнувшись лицом в подножие пирамиды подушек. Тело, фонтанируя кровью, сначала упало на колени, затем рухнуло вперед.

Король Ги, забрызганный кровью, с отрубленной рукой Рейнальда на коленях, с ужасом смотрел вверх на Саладина.

— Пощади нас, великий король! Пощади нас!

Султан, дав выход своему бешенству, мгновенно остыл. Он взглянул на Ги с состраданием:

— Не бойся. Не подобает королю убивать короля. Ты и те придворные, которые смогут доказать благородство крови, будут оставлены для выкупа. Остальные твои

воины, оставшиеся в живых, будут проданы в рабство. Таково решение Саладина.

Король Ги, ввергнутый всеми испытанными ужасами в униженную покорность, низко склонил голову:

— Благодарю тебя, государь.

Крестоносцы — так стали называть европейских рыцарей, отправлявшихся в Палестину, — так и не смогли больше отвоевать свое королевство в Святой Земле. Все, что от них осталось, — это цепь разрушающихся укреплений на холмах: архитектура Франции поверх архитектуры Рима, и все это поверх архитектуры Соломона.

Вскоре на этой сцене появится Ричард Английский. Он также будет сражаться с Саладином и также проиграет ему. При этом ему придется уступить бразды правления в своей далекой зеленой стране брату Джону, чьи сомнения и колебания приведут к созданию Великой Хартии, праматери всех конституций.

Айюбиты Саладина, а после них мамелюки будут править в Палестине свыше трех столетий, но им так и не удастся подчинить себе ассасинов в их горных убежищах. Укрывшись в своем Тайном Саду, опекаемые своим Тайным Основателем, они будут терзать всех тех, кто пытался поработить арабских феллахов.

Между тем Египет уступит свою власть растущей Оттоманской империи турков. Она будет господствовать на этой земле следующие четыре столетия. В конце концов и империя начнет клониться к закату, уступая власть конгломерату шейхов под негласным руководством англичанина Томаса Эдуарда Шоу, более известного под боевым прозвищем Лоуренс. Так началось британское правление в Палестине, которое продлится всего тридцать лет в двадцатом веке.

Конец британскому правлению положит послевоенный хаос, который даст возможность осуществиться пророчествам и мечтам сионизма. Ассасины же будут по-прежнему созерцать это из своих убежищ. И снова здесь прокатятся войны, когда сначала египтяне, затем сирийцы попытаются отвоевать многострадальную землю. Вой-

на перекинется на север, в Ливан, и едва не разрушит до основания государство, которое пыталось жить в гармонии с переменчивыми ветрами, порожденными этим дурно воспитанным веком.

Девять столетий нескончаемые войны будут терзать Святую Землю.

Девять столетий будут взирать на это ассасины со своих духовных высот.

ФАЙЛ 07

МАСКИ ДОЛОЙ!

*Его всемогущая сила
С эфирного неба обрушила вниз безудержное пламя,
Неся им разруху и гибель,
И вечные муки.*

Джон Мильтон

Ворота главного входа были снесены взрывным устройством, значительно более сильным, чем ракета «Си Спэрроу». Створки ворот состояли из стальных прутьев толщиной три сантиметра, переплетенных внизу, вверху и посередине широкими лентами из слоистого сплава. Прежде створки двигались на стальных колесах по никелированным рельсам. Взрыв изогнул брусья и перекладыны ворот в полусферы, превратив их в некие подобия параллелей и меридианов глобуса. Рельсы выворотило из асфальта. Болты величиной с большой палец Тома Гардена торчали, как грибы.

Когда банда террористов подошла к воротам, Гарден разглядел последствия взрыва в слабом свете отдаленных огней и прожекторов. Ближние прожекторы и фонари дневного света вдоль дороги были разбиты.

— Ну а здесь вы чем воспользовались? — спросил Гарден Итнайна. — Небольшой такой ядерной гранатой? Палестинец шел, прикусив нижнюю губу.

— Мой господин Хасан говорил о каком-то устройстве для особо укрепленных объектов. Бомба с несколькими зарядами и множественной ядерной реакцией...

— Хорош укрепленный объект — пара стальных решеток!

— Если посмотреть внимательнее, — Итнайн встал между двумя бетонными столбами, к которым крепились створки, и очертил на земле какую-то фигуру, — вы увидите здесь остатки фундамента. — В асфальте виднелся серый цементный квадрат со стороной два метра. — Это была центральная колонна, створки входили в ее пазы и запирались там.

— Да уж, укрепленный объект, — подивился Гарден. — А почему бы просто не взломать замки?

— Мой господин Хасан торопился.

Гарден посмотрел вперед на приземистое здание административного корпуса. Позади него, как дуврская скала над рыбацкой деревушкой, возвышался центральный реактор. Везде было абсолютно тихо.

Пройдя шесть километров пешком, учитывая, что двое из них тащили на себе оставшиеся «Си Спэрроу», они, конечно, опоздали к главной акции захвата и существенно выбились из графика.

Команда опасливо пересекла пустынную парковку гостевых автомобилей, подошла к главному входу в административное здание и остановилась перед скользящими дверьми из матового стекла. Итнайн и один из его помощников шагнули вперед. Они перекрыли инфракрасный луч, двери разъехались... и разлетелись каскадом сверкающих алмазов.

— Черт! — выругался Итнайн, отступая в сторону и высоко поднимая ноги, чтобы избавиться от осколков.

Закаленное стекло было разрушено взрывом у ворот, только гравитация и сила инерции удерживали осколки в дверной раме. При первом же движении расколотое стекло рассыпалось под тяжестью собственного веса.

Гарден рассмотрел блестящий осколок.

— Могу ли я предположить, что мой господин Хасан здесь не проходил? — спросил он ехидно.

— Это здание не было его целью.

— А нашей?

Итнайн не ответил, просто перешагнул через дверную раму, громко хрустя тяжелыми ботинками по битому стеклу.

Гарден шел за ним очень осторожно в своих тонких кожаных ботинках. Закаленное стекло рассыпалось на одинаковые кубики, каждый весом около карата. Такая форма осколков, должно быть, безопаснее при авариях, чем чешуйки или пластинки, но все же и у кубиков имеются острые, как лезвия, грани и углы. На них можно поскользнуться, упасть и сильно порезать руки и лицо. Он шел медленно, наступая на всю ступню.

В вестибюле надо было пройти через несколько ворот: в одних были металлодетекторы для поиска оружия, в других — датчики, выявляющие взрывчатые вещества. И те и другие сейчас, конечно, не работали.

— А где охрана? — поинтересовался Том.

— На электростанции была в основном механическая охрана, — ответил Итнайн. — Наше нападение привлекло половину собак, работающих на территории. А потом ракеты вывели из строя их электронику.

— Ну а другая половина?

Итнайн махнул рукой на север:

— Где-то там. На другом конце территории.

— А как насчет охранников-людей?

— В административном здании было несколько нанятых полицейских, просто знак вежливости к посетителям, проходящим через детекторы. Эти люди, наверное, ушли в здание реактора, когда мы взорвали ворота.

— Но они и сейчас там? С оружием?

— Они сдадутся, когда мой господин Хасан захватит центр управления.

Гарден посмотрел на спутников Итнайна, которые слонялись по вестибюлю или проходили туда-сюда че-

рез детекторные арки. Оружие у них свободно болталось на ремнях.

— Кстати, не кажется ли вам, что вашим людям следовало бы двигаться более осторожно — ну, скажем, прикрывать друг друга?

Итнайн улыбнулся и покачал головой:

— Здесь мы не попадем в ловушку. Вот дальше, в реакторном зале — возможно.

Они пошли в глубь здания по коридорам с кремовыми стенками и ковровыми дорожками цвета красного вина мимо светлых дубовых дверей с черными табличками. В здании было оставлено ночное освещение, плафоны на потолке горели через один и очень тускло.

Для сектора термоядерной электростанции, захваченной террористами, порядок был просто исключительный. Не считая разбитого стекла в вестибюле, Гарден не заметил, чтобы хоть что-то было не на месте: ни опрокинутой мебели, ни горящего или разбитого оборудования, ни летающей бумаги; словом, не похоже на зону военных действий.

О беде свидетельствовали только мониторы компьютеров: мерцая красными предупредительными сигналами, они автоматически регистрировали в бесконечных зеленых колонках настойчивые команды невидимым собакам, которые уже никогда их не выполняют. Другие колонки, голубые, регистрировали бесчисленные попытки дозвониться до полицейского управления Нью-Джерси.

Педантичным компьютерам службы безопасности не дано было знать одного: все коммуникационные кабели вокруг территории станции, как на металлической основе, так и волоконно-оптические, были перерезаны перед нападением. Всеволновый глушитель подавлял радиосигналы в любом диапазоне, создавая мертвую зону в радиусе шести километров. Правда, это затрудняло также общение между группами террористов, но Итнайн и Хасан, очевидно, больше надеялись на тщательное планирование, точный инструктаж и выверенный график, чем на болтовню по рации.

В конце коридора ковровая дорожка упиралась в металлический порог. Дверь отсвечивала нержавеющейкой, по диагонали ее пересекали ленты из желтого металла, обрамленные черными полосками. Таблички на двери предупреждали о необходимости соблюдать стерильность в помещении, надеть защитные очки, проверить дозиметры и непременно держать идентификационную карточку в наружном кармане. Подписано Т. Дж. Ферриманом, управляющим электростанции.

На двери не было ручки. Вместо нее на стене рядом с притолокой размещалась квадратная панель с шестнадцатью кнопками: на десяти из них были цифры от 0 до 9, на остальных — буквы от А до F.

— Какой-то шестидесятеричный код, — сказал Гарден.

Итнайн кивнул.

— Где же все-таки твой господин Хасан, — спросил Гарден, — если он и здесь не проходил?

— Он повел свою группу на захват центра управления через главный коммуникационный коридор. Он рассчитал, что это самый прямой путь к реакторному залу.

— Путь-то, может, и прямой, да дверцы здесь больно крепкие.

— Именно поэтому у его команды есть бомба, которая взрывается дважды.

— Чтобы взорвать дверь, которая ведет к работающему ядерному реактору?! Скажи-ка мне — ты действительно веришь, что попадешь в рай таким способом?

Итнайн посмотрел на Гардена спокойно и трезво.

— Многие верят в это, и вы не должны говорить об этом так легко. Что касается меня... человеку так или иначе когда-нибудь предстоит умереть. Эту возможность надо использовать наилучшим образом.

Том Гарден застонал и повернулся к двери. Арабы расступились, освобождая ему место. Он приложил ухо к металлической поверхности, но дверь была слишком массивной и не пропускала звуков. Он потрогал дверь рукой и ощутил слабую пульсацию — возможно, это были колебания здания.

В этом конце коридора было очень жарко. Гарден заметил, как капелька пота появилась из-под платка на голове Хамада, скатилась по лбу и дальше, вдоль носа. Словно из солидарности, под мышкой у Тома тоже возникла капелька и побежала вниз по ребрам.

— Мы стрелять замок? — широко улыбаясь, предложил Хамад на скверном английском. Он продемонстрировал, как собирается это сделать с помощью своего ружья.

— Это только заблокирует дверь.

Итнайн извлек из просторного кармана своего камуфляжа странный ключ. У него было два параллельных выступа, которые точно подходили к прорезям в головках болтов по углам панели. Итнайн вывернул болты и снял панель, открыв электронную схему. Затем из кармана появился моток медной проволоки с красной пластиковой обмоткой. Итнайн прикрепил ее в одном месте... в другом...

Гарден стоял прямо перед дверью, когда она резко распахнулась, и в глаза ему ударил нестерпимый свет белого огненного шара.

У Элизы 212 был модуль автодозвона, который мог инициировать телефонные звонки абонентам. В списке разрешенных контактных номеров числились основные психиатрические базы данных и общедоступные библиотечные фонды. Все запросы, которые она делала в ходе изучения своего пациента, включались в его счет.

Когда темная форма Двойника, записанная отрицательными числами, вызвала непроизвольное перепрограммирование оперативной памяти Элизы, функция соединения с абонентом сохранилась, но к ней добавилась некая команда поиска по собственной инициативе.

Теперь она чувствовала, как он стремился к неизвестной цели, прощупывая оптические волокна и коммутационные узлы национальной телефонной сети. Нужный ему путь доступа однозначно сосредотачивался в четырехжильном кабеле, который тянулся отдельно от остальных на десятки километров — пока не упирался в пустое

пространство. Где-то за последним коммутатором кабель был обрезан. Для Элизы 212 это означало одно: конец поиска. Тупик. Нулевой вариант.

Но Двойник, казалось, воспринял этот обрыв связи как личный вызов. Он впал в некое черное состояние, которое Элиза обозначила бы человеческими словами «дурным настроением». Это состояние продолжалось целых три секунды и разрешилось цифровой командой, посланной в систему связи, — операционной директивой последнему на этой линии лазерному усилителю устранить этот разрыв. Лазер закричал от натуги и повысил выходную мощность на тысячу процентов. Трубка излучателя взорвалась, и весь агрегат вышел из строя. Но перед смертью он послал импульс когерентного света мощностью около десяти ватт.

Концы одного из четырех проводов перерезанного кабеля соприкоснулись в месте обрыва. Интенсивный световой поток выделил тепло в месте соприкосновения тончайших волокон стекла, они расплавились и соединились, заделав брешь на линии.

Теперь Двойник повторил запрос, достигнув конечного пункта. Элиза отметила почти человеческую удовлетворенность результатом.

Рука Гардена взлетела к глазам. Он потом и с зажмуренными глазами видел скелет собственной руки, словно вделанный в алую плоть ладони, обрамленную белым светом.

Итнайн оттащил его от дверного проема. Остальные распластались по стенам, прячась от излучения.

— Что вы видели? — раздался голос Итнайна.

Гарден слепо оглянулся.

— Ослепительный свет. Как огонь, только абсолютно белый.

— Может, это взрыв реактора?

Гарден взвесил это предположение.

— Нет, не думаю. Нас бы тогда не было в живых.

— Тогда что это?

Том Гарден сопоставил какие-то разрозненные образы. При всей своей неистовой яркости шарообразный излучатель казался каким-то... ординарным, контролируемым. Словно это был этап плановой работы реактора.

Что могло вызвать такой свет? При нормальной работе?

Гарден вспомнил, что термоядерная электростанция работала по тому же принципу, что и ракета «Си Спэрроу», только в неизмеримо большем масштабе.

Слева от этой двери должна была тянуться галерея световодов. Эти несущие излучение каналы разделяли импульсы рентгеновского лазера, которые «поджигали» пленку из йодида титана. Световоды были расположены по кругу и разделялись шестидесятиградусными дугами. Лазерные лучи перемещались по ним вперед и назад, проходя через систему усилителей, и в конце концов попадали в сферическую камеру.

Этот стеклянный шар, наполненный смесью трития и дейтерия, намного превосходил по размерам рисовое зернышко «Си Спэрроу»: двадцатикилограммовый глобус, не меньше волейбольного мяча. Через равные промежутки времени, совпадающие с импульсом лазера, поршневой механизм выталкивал эти шары в фокус лучей. Стекло начинало испаряться и сжимало смесь до температуры термоядерного синтеза, как и в «Си Спэрроу», только мощностью около пятисот килотонн.

Ничем не защищенный расширяющийся шар сверхвысокотемпературной плазмы просто-напросто сжег бы стены камеры, разрушил здание и оставил бы от всего комплекса оплавленную воронку. Однако Гарден знал, что на внутренней поверхности камеры находится сильный электромагнит, создающий тьквообразное поле, которое удерживает и направляет плазму. Поле формируется с некоторой аномалией в одном полушарии, чтобы сила взрыва выходила через перфорацию в стенке камеры. Периодическая пульсация поля выталкивает оставшиеся пучки плазмы через специальный канал и очищает камеру для следующего заряда.

Коридор за дверью, насколько понимал Гарден, вел к сложной системе магнитогидродинамических колонн, теплообменников высокого уровня, парогенераторов, турбин высокого и низкого давления. В конце этого комплекса из остывшего пара извлекаются остатки тепла, не вступивший в реакцию синтеза дейтрит и промышленные объемы гелия. С теплообменников и турбин поступают каскады чистой воды.

Таким образом, огненный шар, который видел Гарден, не был частью этого производственного канала и должен был иметь аналогичное происхождение: аномалия в замкнутом поле, возможно, не более миллиметра в диаметре. Что, если операторам вдруг понадобится «отщипнуть» крошечный образец расширяющейся плазмы для анализа или контроля качества? Крошечный кусочек, ярче полуденного солнца.

— Кто-то выпускает плазму из камеры, — сказал Гарден.

— Зачем?

— Чтобы помешать нам пройти в эту дверь.

— И что теперь делать?

— Найти другой путь.

— Но мой господин Хасан не...

— Знаю, — вздохнул Гарден. — Он хочет, чтобы мы шли именно этим путем. Ну что же. Пригните головы пониже, закройте глаза руками. Вбегайте в дверь, сразу же отворачивайтесь вправо к стене и бегите как можно дальше от этого места. Не оглядывайтесь.

Итнайн и еще несколько арабов кивнули. Те, кто понимал по-английски, перевели остальным. Итнайн сразу же пригнул голову и повернулся к двери.

— Стой! — Гарден схватил его за рукав. — Ты говорил, что в реакторном зале нас может поджидать засада.

— Ну?

— Так вот, это она и есть.

— О... Значит, плазму выпускают специально, чтобы отвлечь нас?

— Вот именно.

Итнайн улыбнулся:

— Нет проблем. У нас есть гранаты, очень мощные. Они перекроют поток плазмы и отвлекут людей, которые хотят нас остановить.

Палестинец сказал несколько отрывистых слов и протянул руку. Хамад достал из-под своего балахона тусклый металлический шар и положил в ладонь Итнайна. Тот крепко сжал его, пригнул голову и снова повернулся к двери.

— Отлично, друг, — Гарден опять схватил его за рукав. — Какова мощность этой гранаты?

— Две тысячных килотонны. А что?

— Тебя не останавливает мысль о двух тоннах динамита, запущенных туда, и о том, где тебя потом искать? Это ведь, знаешь ли, довольно опасно.

— Я не боюсь, — отрезал палестинец.

— Конечно, нет. Но только задумайся на минутку, что у нас там, за дверью: работающий реактор, сотня тонн сложных механизмов, которые испускают во все стороны горячую плазму под давлением тысячи тонн на квадратный сантиметр. И ты хочешь, чтобы все это вдруг лопнуло?

— Камера надежно укреплена.

— А как насчет клапанов высокого давления, электрических схем, датчиков и кабелей? Представляешь, что будет, если потревожить эту магнитную тыкву даже чуть-чуть?

— Я понял тебя, — согласился Итнайн. Чтобы убедить остальных в обоснованности своих колебаний, он перевел свой разговор соотечественникам. Те вытаращили глаза. — Что ты предлагаешь, Том Гарден?

— Ну, я не тактик...

— Начал говорить — продолжай.

— Ладно. По двое одновременно, справа и слева, прыгайте через порог. Падайте плашмя на пол, оружие держите перед собой. Прячьтесь за любым укрытием, какое сможете найти, и стреляйте в любую человекообразную фигуру.

— Я потеряю людей, — возразил Итнайн.

— Если кинешь туда гранату, потеряешь половину Нью-Джерси.

— Согласен, — неохотно проговорил палестинец. — Фасул! Хамад! — Итнайн перевел им инструкции Гардена, сопровождая их ныряющими движениями руки.

Боевики кивнули, секунду помолчали, склонив головы, и приготовили оружие. Затем заняли позицию по обе стороны двери.

— Давай!

Их спины исчезли в сиянии. Еще двое приготовились.

— Давай!

Так, попарно, вся команда проскочила внутрь. Ответного огня не было слышно, и у арабов не было повода стрелять.

Наконец Гарден и Итнайн встали у двери.

— Давай! — пролаял Итнайн.

Гарден, вооруженный только собственной смекалкой, нырнул через порог в лишенный тени свет. Он различил фигуры боевиков, которые оцепенело сидели на полу, забыв про оружие. Они уставились на что-то за вспышками плазмы, которые даже на таком расстоянии Гарден мог перекрыть ладонью. Кожа руки сразу натянулась и высохла от жара, пока он завороченно оглядывался вокруг.

Зная теоретически принципы работы промышленного термоядерного реактора, он не мог и отдаленно представить себе его размеры.

Выбросы плазмы казались столь близкими и расположенными на уровне глаз только из-за двери, но это была оптическая иллюзия, результат искаженной перспективы при взгляде через дверной проем.

За дверью, оказывается, был не пол здания; здесь начиналась как бы сцена или широкий балкон. Край балкона защищало трубчатое ограждение, а за ним сияло белое рукотворное солнце. На самом деле оно выглядело как вулканический гейзер на поверхности небольшой белой луны Юпитера или Сатурна.

Так велика была реакторная камера.

Расположенная в яме глубиной метров десять, сама камера была около сорока метров в диаметре. Из нее,

как соломинки из коктейля, торчали толстые белые трубы. На определенном расстоянии от поверхности камеры все трубы изгибались под прямым углом и тянулись параллельными рядами на двести метров к северу. Ажурная конструкция из голубых балок, опорных платформ, переходных мостиков, высотой этажей в шесть-семь, поддерживала эти горизонтальные трубы — световодные кабели. Приблизительно через каждые тридцать метров в них были врезаны кристаллические усилители, опутанные силовыми кабелями и тончайшими охладительными трубочками. Световоды упирались в северную стену здания, поворачивали назад, уходили внутрь опорной конструкции, снова поворачивали и устремлялись куда-то вниз. Километры световодных кабелей сновали туда и сюда, слегка утончались, словно органые трубки самых нижних регистров басового диапазона, и прижимались теснее друг к другу. И где-то в глубине многослойной паутины, представлялось Гардену, в месте слияния световодов, прячется сам рентгеновский лазер, источник всей этой мощи.

Словно пистолет, приставленный к черепу, сверху в сферическую камеру упиралось устройство для запуска стеклянных капсул. Гардену видны были механические руки, загружающие дейтритовые шары в магазин. Судя по действию этого автомата, камера заряжалась примерно каждые две секунды. Однако выброс плазмы казался постоянным, не пульсирующим. Детонации поддерживали исключительно стабильное давление в камере.

Справа, за сиянием плазмы, можно было различить очертания плазменного процессора, теплообменников и какие-то отдаленные непонятные очертания и формы.

Гардену всегда казалось, что лазерный термоядерный реактор — вещь достаточно тонкая, деликатная. Цепenea теперь перед всей этой огненной демонстрацией гигантской мощи, он понял, что Итнайн мог бы спокойно бросить сюда гранату без всякого эффекта. Возможно, взрывная волна на мгновение сдует плазменный хвост. Возможно, осколки слегка согнут механические руки робота и задержат работу пускателя на двадцать

или даже сто секунд. Но жизненно важные узлы и механизмы не будут повреждены, и работа реактора не нарушится.

— Что мы тут делаем? — спросил он Итнайна.

Палестинец протер глаза, слезящиеся от света кремново-белой луны и ее гейзера.

— Мы ждем моего господина Хасана.

Гарден кивнул.

— Только не глазами слишком долго на пламя, — посоветовал он.

Элиза 212 и ее Двойник установили контакт с неким искусственным интеллектом — ИИ — на другом конце оптического кабеля. Это было довольно ограниченное существо, занятое обработкой информации с датчиков, которую оно могло обсудить со своими собеседниками, но не могло продемонстрировать графически. В основном ввод данных был одноканальным, хотя порой проскакивали матричные массивы и широкодиапазонные потоки, которые считывали вводы, которые могли быть считаны с видеорежиссера или матричных дисплеев. Общась в диалоговом режиме, ИИ постоянно бормотал себе под нос формулы.

Элиза назвала его одержимым.

Двойник назвал его своим парнем.

— Ты отмечаешь присутствие людей рядом с собой? — спросил Двойник, захватывая инициативу в диалоге.

— Значки персонала всегда рядом, — ответил ИИ. — Почти всегда.

— Каталогизируй значки.

— Аномальное распределение.

— Ты регистрируешь других людей, кроме персонала?

— Не принимаю в расчет других.

— Есть проблемы с охраной?

— У охранной подсистемы всегда имеются проблемы. Иногда реальные, иногда смоделированные. Но все они не затрагивают основные функции.

- Доложи параметры функции.
- Шестьдесят семь сотых детонаций в секунду.
- Проанализируй функцию.
- Двадцать две сотых тераватта первичной загрузки на стержни.

Элизе захотелось прервать диалог и спросить, что означают эти числа, но Двойник управлял приоритетом доступа.

— Проанализируй программу, — скомандовал Двойник. — Двадцать-плюс детонаций в миллисекунду.

— Теоретическая задача, — прощелкал ИИ. — Частота детонаций превосходит первоначальную мощность ячейки. Мощность ячейки превосходит радиус мишени.

— Проанализируй.

— Сохранность объекта не гарантируется.

— Принято. Засаки людей, со значками и без, дай координаты относительно мишени.

— Засакаю... — и набор трехмерных координат просочился через оптическую линию.

Двойник просканировал информацию.

— Свой парень, — доверительно сказал он Элизе.

— Мы здесь внизу, — голос откуда-то из-под балкона.

— Мой господин? — это Итнайн. Он вскочил на ноги, но Гарден перехватил его прежде, чем он успел перегнуться через ограждение.

— Ты же себя подставляешь!

— Я знаю этот голос, — Итнайн вырвался из рук Гардена, в глазах его мелькнул белый отблеск плазменного огня. — Это Хасан ас-Сабах. Он нашел нас.

Арабские воины были уже на ногах. Они рассредоточились вдоль ограждения, пока один из них не обнаружил лестницу.

Не ожидая команды Итнайна, они начали спускаться. Гарден перегнулся через перила и огляделся.

Несколько человек в камуфляже, некоторые с платками на голове, окружили полукругом своего смуглого

главаря, который стоял спиной к камере реактора. Даже с этого расстояния Гардену был виден изгиб усов. Это мог быть — да это и был — тот самый человек, который сидел на переднем сиденье фургона.

Рядом с ним стояла женщина с золотыми волосами, на которых играли отблески пламени. Она взглянула вверх, и Том Гарден узнал Сэнди. Повязки на шее уже не было. Она увидела его и улыбнулась.

Гарден последним спустился по лестнице, последним приблизился к Хасану.

— Гарри Сэнди! — воскликнул Гарден.

У арабов перехватило дыхание, даже Сэнди вздрогнула, только Хасан невозмутимо улыбнулся.

— Моя земная слава опережает меня, — пробормотал он. Потом Хасан отступил на шаг назад, склонил голову и произвел ниспадающее движение рукой: от бровей к губам и к сердцу.

Гарден стоял прямо перед ним.

— И что это означает?

— Старомодное приветствие для старого знакомого, Томас.

— Но я не знаю тебя, разве только понаслышке.

— Вот я и хотел бы тебя испытать: что именно ты знаешь?

Гарден решил, что ему предлагают высказаться.

— По твоему собственному определению, ты — «борец за свободу». Но другие называют тебя просто террористом. Ты развязал нескончаемый кровавый конфликт в Палестине, что привлекло к тебе половину арабского мира. Ты находишь наслаждение в разжигании давно утихших споров, натравливая клерикалов на умеренных, арабов на евреев, турок на арабов, шиитов на суфитов — и так до тех пор, пока все они до последнего человека не бросят свои дела, увязнув в борьбе. У тебя нет ничего за душой, кроме ненависти к существующему порядку — даже если это тот порядок, который ты сам помогал устанавливать. А теперь ты привез свою революцию сюда, в Соединенные Штаты. Зачем?

Хасан покачал изящной головой:

— Ты ничего не помнишь, ведь правда?

— Ты подписал договор в Анкаре и нарушил его через год. Ты открыл свободный проезд в Старый город для евреев и христиан, а затем расстрелял их машины, когда они подъехали к пропускному пункту. Ты называешь себя Ветром Бога, потому что не подчиняешься законам ни одной страны. И все же люди любят тебя. Они называют твоим именем свое оружие и бросаются в битвы, которые не могут выиграть. Зачем ты здесь?

Улыбка на лице Хасана делалась все шире. Нетерпение остальных арабов улеглось, словно Хасан положил руку на плечо каждого.

— Потому что ты здесь, Томас.

— А что ты здесь сделал? Захватил электростанцию. Может, думаешь, тебе заплатят за то, что ты оставишь ее в рабочем состоянии? Или, может, они дадут тебе спокойно выйти отсюда — и сдержат свое слово, когда ты пригрозил взорвать все это?

— Они ее сами мне предложили, — усмехнулся Хасан. — Бросили вызов. Это был такой лакомый кусочек, к тому же так небрежно охраняемый, — мог ли я устоять?

— И все это — чтобы дать Америке пинка?

— Не только Америке — западной цивилизации в целом.

— А что плохого сделал тебе Запад?

— Ты в самом деле не помнишь этого, Томас?

— В этой стране полно людей, которые ненавидят твою идеологию, Хасан. Это беженцы из Палестины, Ирана, Ирака, Пакистана и Афганистана — все они приехали в эту страну, чтобы избежать твоих сетей террора. Они устали от древней кровавой вражды, которая привязывает человека к его племени, а его племя противопоставляет всему человечеству. У тебя нет здесь последователей.

— Слушайте — говорит Запад! — Хасан поднял руки ладонями наружу в издевательском восхищении. — Вы — интернационалисты и космополиты, потому что завоевали и покорили все другие нации, кроме своей собственной. Вы ставите разум и науку выше веры и

смирения, потому что в гордыне своей полагаете, что сумели вычислить промысел Божий. Вы почитаете людские договоры, законы и обещания, потому что утерjali свою веру... Так ты не помнишь?

Гарден мог еще многое сказать, но какая-то умоляющая нотка в голосе Хасана заставила его сделать паузу. Он посмотрел на Сэнди, но она отвела глаза.

— Что я должен помнить?

— Ты прикасался к камням?

— К каким камням?

— К камням старика, которые забрал у Александры.

— Да, прикасался.

— Ну и?..

— Они... издают звуки, ноты. Как стеклянная гармоника — но, может быть, эти звуки у меня в голове.

— И все? Просто звуки? — Хасан казался разочарованным.

— А должно быть что-то еще?

Хасан посмотрел на Сэнди, затем на Итнайна.

— Вы уверены, что это тот человек?

— Он не может быть не тем, мой господин! — почти завопила Сэнди.

Итнайн кивал, и пот катился по его лицу.

Губы Хасана изогнулись в брезгливой гримасе, глаза презрительно сузились.

— Ты пойдешь с Хамадом, — сказал он наконец Итнайну. — Найдешь пульт управления. Начнешь снижать уровень энергии. Будем с ними торговаться.

— Да, мой господин. — Итнайн поклонился, собрал взглядом своих людей и бегом бросился выполнять команду.

— Мой господин Хасан... — начала Сэнди.

Вождь посмотрел на нее тяжелым взглядом.

— Возможно, мы потерпели неудачу, — продолжала она. — Да, мы не сумели привести этого человека в то состояние, которое тебе требовалось. Это моя вина, и я...

— Ну что еще? — рявкнул Хасан.

— Возможно, если снова обеспечить ему контакт с осколками камня...

— Да при чем тут камни-то эти? — спросил Гарден.

Не отводя убийственного взгляда от ее помертвевшего лица, Хасан протянул руку ладонью вверх. Она торопливо вытащила из кармана брюк пенал старика-тамплиера. Хасан взял его и открыл крышку. Шесть камней, шесть фрагментов музыкальной гаммы, покоились в своих серых поролоновых гнездах.

— Держите его! — крикнул Хасан своим людям.

Гардену тут же заломили руки, обхватили сзади за талию и колени.

Держа коробочку на вытянутой руке, словно там был яд, Хасан поднес ее к подбородку Гардена и прижал снизу так, что три камня коснулись кожи.

Боль, такая же, как прежде, но слабее. И аккорд: ля, до-бемоль, ре-бемоль, что-то еще. И еще цветная карусель перед зажмуренными глазами: лоскутки пурпурного, голубого и желто-зеленого, другие краски, выпавшие из радуги. Что-то еще ввинчивалось в мозг: обрывки воспоминаний, измерения времени, скрещенные клинки на фоне неба, кавалерийский пистолет с восьмидюймовым дулом, шеренга зеленых мундиров с блестящими медными пуговицами, другие образы, слишком быстро мелькающие в голове.

Тому Гардену хотелось потерять сознание от боли, но он не мог.

Хасан отвел руку с камнями.

Гарден открыл глаза. Он смотрел прямо в черные, лишенные глубины глаза арабского вождя.

— Это не тот человек, — сказал Хасан почти с грустью.

— Мой господин! — вскрикнула Сэнди. — Давай попробуем...

— Нет, — отрезал Хасан. — Мы слишком долго пробовали. Он — ничто. — И своим людям: — Уведите его и свяжите.

— Они не должны этого делать, — заметил ИИ на дальнем конце кабеля. Собственно, он говорил сам с собой, забыв, что подключен к волоконно-оптической системе Элизы.

— Что делать? — спросила она. — Двойник переключился в режим прослушивания. А может, он вообще исчез?

— Они изменяют границы зоны воспроизводства, — сказал ИИ. — Дают неверное сочетание кодов. Такого рода команды всегда должны сопровождаться правильной последовательностью кодов. Я остановил их.

— Это... правильно?

— Это необходимо.

Элиза ждала, напряженно вслушиваясь.

— Ну нельзя же так делать! — снова пожаловался ИИ тысячу миллисекунд спустя. — Они ведь разрушат целостность поля.

Двойник внезапно вышел из своего дремотного режима.

— Сканируй людей! — скомандовал он.

— Нет времени, я должен...

— Сканируй их!

— Нет значков. Не персонал. Не уполномочены.

— Один из них должен излучать следующий энергетический рисунок, — начал Двойник мягко, — примерно такой, — он начал разворачивать последовательность чередующихся положительных и отрицательных чисел. Отрицательные содержали очертания самого Двойника.

— Сканирую... Есть один такой.

— Пометь его и отслеживай.

— Но запрещенные команды! Магнитное поле теряет стабильность!

— Пусть продолжают.

Гарден лежал там, где арабы оставили его: на боку, локти связаны сзади, колени и лодыжки тоже связаны, длинная петля охватывала запястья и лоб, оттягивая голову назад. Он находился в темном чулане, где-то далеко от реакторного зала.

Дверь у него за спиной открылась, пропуская полосу света и какую-то тень. Затем закрылась.

Он попытался повернуть голову и посмотреть, но это движение затянуло петлю на руках и причинило боль. Он расслабился и уронил голову на цементный пол.

Под потолком зажглась лампочка в проволочной сетке.

— Том?

— Сэнди.

— Мне тебя так жалко.

— Что он от меня хочет? При чем тут я?

— Ты этого так и не понял?

— Нет, и пропади оно пропадом, что бы это ни было!

Она опустила перед ним на колени и низко наклонилась. Ее глаза изумленно округлились.

— Ты лжешь, Том Гарден. Ты всегда чувствовал в себе силу. Она — за пределами твоих лет, твоего тела. И ты это ясно ощущаешь, когда трогаешь камни. Ты не должен мне больше лгать.

— Только боль — вот что я чувствую, когда трогаю их. Боль, музыка, цвет — и это все.

— А что же ты еще хочешь?

— То есть?

— Могущество — это всегда боль. И музыка, и цвет, разумеется. Но прежде всего боль. Вопрос только в том, знаешь ли ты, как пользоваться этой силой? Или нет? Или же ты просто скрываешь от нас свое знание?

Она поставила на пол небольшой прямоугольный предмет. Гарден рассматривал его, скосив глаза: кожаная папка, отделанная зеленым бархатом, наподобие футляра для драгоценностей. Внутри оказались квадратные конверты из вощенной бумаги, вроде тех, в которых хранятся коллекционные камни. Она вытащила два наугад, раскрыла, стараясь не дотрагиваться пальцами до содержимого, и высыпала на пол осколки того же красно-коричневого камня. Они начали подпрыгивать и приплясывать на грязном сером полу перед его глазами.

Еще два конверта, и новые осколки начинают приплясывать. Один, подпрыгнув, коснулся его щеки и пронизал тело острой болью.

Еще два конверта. Теперь уже было ясно, что камешки не собираются успокаиваться. Они приплясывали

перед его лицом под действием своей собственной кинетической энергии, подпрыгивали и вертелись, выстраиваясь в некое подобие шара, а Сэнди подсыпала все новые и новые, стараясь не дотрагиваться до них. Каждый осколок, касавшийся в своем странном танце щеки, подбородка, зажмуренных век, лба, казался Тому острием раскаленного ножа. И ни один из осколков не отскакивал прочь, словно притягиваясь магнитом.

— Что это, Том?

— Камни.

— Чьи камни?

— Я... Я не знаю.

— Чьи?

— Старика? Кого-то из Ордена Храма?

— Ты гадаешь! Говори: чьи камни?

— Ну — мои!

— Почему твои?

— Потому что они прыгают ко мне!

Пустые конверты лежали у нее на коленях, как осенние листья. Внезапно они тоже зашевелились. Осколки подхватили этот ритм, который он тоже почувствовал своими содранными локтями, бедром, коленом. Пол дрожал, словно его распирало энергией. Сферическая фигура, составленная из пляшущих осколков, приподнялась в воздухе перед его глазами.

— Останови их, — попросил он.

Сэнди с изумленным видом откинулась назад.

— Это не они, — сказала она обычным голосом, который почти потонул в низком ропоте. — Это пол.

Дверь чулана распахнулась позади него. Гарден ожидал, что сейчас вбегут разъяренные арабы. Вместо этого он почувствовал волну невыносимого жара.

— Магнитные границы зоны воспроизводства расширяются слишком быстро, — равнодушно сказал ИИ.

— Удвой частоту дейтритовых выбросов, — приказал Двойник. — Выравнивай форму поля.

— Процедура противопоказана, — запротестовал ИИ.

- Компенсируй, — настаивал Двойник. — Увеличивай импульс лазера и частоту подачи топлива.
- Я требую правильной последовательности кодов.
- Лямбда-четыре-два-семь, — сказал Двойник.
- Увеличиваю детонации. Пожалуйста, введите требуемый размер зоны.
- Радиус два километра.
- Возражаю...
- Лямбда-четыре-два-семь. Выполняй.
- Выполняю.

Золотые волосы Сэнди сделались красными и рассыпались белым пеплом. Ее кожа остекленела и покрылась красными трещинками, которые тоже стекленели и снова трескались. Она закрыла глаза, и веки ее испарились.

— Нет! — этот звук вырвался из горла Гардена и потонул в реве раскаленного воздуха, врывающегося в дверь.

Кем бы ни была Александра Вель — похитительницей, предательницей, возглавлявшей всю эту свору его преследователей, — прежде всего она была его женщиной. Если бы кто-то когда-то сказал ему, что она стала старой и сморщенной, заболела раком или другой смертельной болезнью, погибла в катастрофе — он принял бы ее смерть всего лишь со вздохом. Но видеть, как она рассыпается в прах, было выше его сил.

— Нет!

Томас Гарден спиной вобрал в себя огненный жар, сфокусировал глаза на бешеной пляске камней и пожелал, чтобы этой боли не было.

Локи остался доволен результатами контакта с этим новым големом или «искусственным интеллектом», как он сам себя называл. Это был крайне исполнительный слуга. Когда подконтрольная ему энергия, наконец, вырвалась и уничтожила его, Локи уже был готов.

Он пронесся по световоду и ворвался своим отточенным для битвы сознанием прямо в огненный водоворот на противоположном конце кабеля.

В вихре бушующего пламени Локи отыскивал мечущиеся фрагменты, осколки, обрывки других человеческих сознаний. Они были оглушены паникой и темным ужасом. Не испытывая ни милосердия, ни сострадания, ибо он не имел ни того ни другого, Локи ловил эти крошечные частички одну за другой. Он подносил каждую к своему хищному волчьему носу и глубоко вдыхал их запах.

Ненужные он немедленно отбрасывал, уничтожая их в облаке остывающей плазмы.

Найдя наконец того, кого искал, он взлелеял его и укрепил его силы.

— Ступай со мной, Сын мой! — скомандовал он.

Слабая тень Хасана ас-Сабаха выскользнула откуда-то и метнулась за ним, как душа, преданная Богу, взмывает в рай.

Что-то пискнуло среди конденсирующихся частиц пара и последний раз привлекло внимание Локи. Да, там и для тебя найдется место.

— Идем!

КОДА

*Кто поставил тебя начальником
и судьбою над нами?*

Исход, гл.2, ст.14

В том континууме, который Томас Гарден принял за данность и с которым сверял свои ощущения, было четыре измерения. Три из них — пространственные оси: x , y , z . Четвертая — ось времени t .

Всю свою жизнь Гарден передвигался в трех измерениях. С помощью собственных мышц или механизмов он отталкивался от твердых поверхностей и жидкостей, чью форму определяла гравитация. В зависимости от количества энергии, содержащегося в глюкозе, бензине, реактивном топливе, уране-235 или дейтериии-тритии при температуре синтеза, он преодолевал любое нужное ему расстояние за то время, которое считал необходимым.

Но в четвертом измерении, во времени, он всегда был беспомощным, как муха в янтаре. Даже самая запретельная скорость, которой он мог достичь, — во всяком случае с помощью машин и энергий, доступных в двадцать первом веке, — не в силах была изменить течение времени в его янтарном пузырьке.

Даже при релятивистских скоростях, которые теоретически могли быть развиты в межзвездных путешествиях, течение местного времени, то есть внутри его личного пузырька, существенно не менялось. Свет в иллюминаторах звездного корабля мог вспыхивать алым и угасать до полной черноты. Там, снаружи, пляска атомов могла замедляться до плавного вальса и музыка могла затихнуть и слиться в одну чистую ноту. И все же внутри корабля время будет проходить мимо Тома Гардена в том же ритме дюжины вздохов и семидесяти двух ударов пульса в минуту, со случайным першением в горле и закономерным появлением морщинок на лице.

Его личное ощущение времени оставалось всегда неизменным, с какой бы скоростью он ни пытался убежать от него.

Итак, первой мыслью Тома Гардена была мысль о том, что мертвые люди находятся вне этих четырех координатных осей пространства и времени. Смерть — это иное место, вернее, это не совсем место. Смерть — это полная абстракция.

И никогда, никогда время не идет вспять. Ни Гарден, ни любой другой человек не сможет переместиться назад в то время, которое было, но прошло, так же как он не сможет сесть позади себя.

Поэтому даже в смерти Том Гарден должен продолжать движение вперед во времени... Разве это не правильно? Он должен был прибыть в данное место, совершив путешествие из ближайшей точки «там позади» до ближайшей точки «там впереди». Как обычно. Ведь так?

Второй мыслью Гардена было осознание факта: все люди, населявшие его сны, были... им самим. Каждый из них умер, но его личность продолжала движение.

Во всех этих жизнях он сражался — мечом, пистолетом и просто голыми руками. Он покупал и продавал конину и бриллианты, бумагу и земли, старинные автомобили и сомнительную живопись, наркотики и спиртное, музыку. Он делал детей, вино, карьеру, покаянные жесты. Он плел любовные интриги, рыбацкие сети и паутину обмана; созерцал мимолетные видения и разнузданные

сны. Он сеял пшеницу, кукурузу и панику, разводил телят, гладиолусы и канитель, возводил соборы и напраслину. Он растрачивал деньги и время, силы юности и отцовские наследства. Он считал часы в залах суда и приемных врачей, на вокзалах и в аэропортах. Ходил на деловые встречи и похороны, поминки и маскарады, совершал восхождения на вершины и падал в пучину отчаяния. А однажды он отправился в Святую Землю, чтобы там умереть.

Третьей мыслью Тома Гардена была мысль о том, что ему знакомо это место. И хотя знал, что время никогда — никогда! — не может идти вспять, он мгновенно понял, что этой прелестной зеленой долины с утренним туманом, стелющимся над журчащим потоком, не существует вот уже девять веков.

Снова он лежал на боку, упершись в землю плечом и коленом, локтем и бедром. Руки были стянуты сзади. Глаза были открыты и созерцали зеленые ростки с точки зрения жуков и червяков.

— Ну, теперь ты вспомнил?

Голос принадлежал Хасану — Гарри Санди. Его английский был отточен, певуч и по-прежнему насмешлив. Но теперь Гарден уловил в этом голосе нотку печали, словно Хасан говорил с тяжелым вздохом.

Гарден напряг руки, и они разлетелись в стороны. Веревки, которыми Том был связан там, в чулане возле реакторного зала электростанции, не сумели пересечь время и попасть в это место.

Он поднял голову, перевернулся и встал на четвереньки, полностью владея ногами и руками. Гарден был готов прыгнуть в любом направлении, напасть или уклониться от удара, в зависимости от того, где находится Хасан и что он собирается делать.

Хасан стоял на плоской вершине скалы, уронив руки, подняв подбородок, выпятив грудь и закрыв глаза — ни дать ни взять ныряльщик перед прыжком.

— Я помню, — сказал Гарден, медленно поднимаясь на ноги. — Это Камень, да?

Глаза Хасана распахнулись.

— Да, будь он проклят. Девять столетий я хранил его осколки. Я изучал их, молился на них, подвергал воздействию электрического тока и магнитных полей, мысленно разговаривал с ними и созерцал их. А они — как были, так и есть — всего лишь кусочки агата. Снова и снова через годы я отыскивал тебя в твоих плотских оболочках. Проверял тебя, подвергая воздействию крошечных частиц камня. И реакция твоя была всегда чрезвычайно острой. Что же это за Камень, который дает тебе такую мощь? И что есть ты, если из всех людей на Земле Камень служит только тебе?

Гарден размышлял над этим вопросом две минуты, а может быть, два года.

— Я — тот, кто похитил Камень из первоначального места, — сказал он.

— Я вспоминаю твою историю... Ты — тот самый Локи?

— Нет, я просто частица первичного духа, который люди называли этим именем. Моя отцовская ипостась имела много имен на разных языках: Шанс, Пан, Пак, Старый Ник, Кихот, Люцифер, Шайтан, Мо-Куи, Джек Фрост. Я — непредсказуемый и неожиданный, своевольный и, порой, злонамеренный, а потому, как правило, нежеланный. И я всегда появляюсь внезапно.

— Что случилось с Локи после того, как он — ты — похитил Камень с небес? — спросил Хасан.

— Он пытался поставить его на службу людям, вставшим против богов... Люди в итоге всегда восстают против своих богов. Они всегда хотят узнать, понять и использовать то, что над ними. Они не могут удовлетвориться тем, что имеют, оставить мир в покое, принять его как данность... Камень — это сила творчества. Он дает своему владельцу управлять пространством, менять одно место на другое. А затем дает ощущение потока времени, позволяя владельцу сворачивать из одного рукава этой реки в другой.

— Но что же случилось с Локи? — Хасан не желал, чтобы его отвлекали от вопроса игрой в метафизику.

— Ему наскучило помогать людям, и он вернулся к прежнему занятию — вмешиваться в судьбы Эзеров, по-вашему — богов, — ответил Гарден. — Ему удалось так поссорить двоих близнецов, Хеда и Бальдра, что они убили друг друга. И поскольку Хед был любимцем Одина, одноглазый негодай велел приковать Локи к скале в центре мира, вокруг которой кольцами свернулся змей Асгард. Этот змей плюется ядом в глаза Локи, и тому это не нравится.

— И никто ему не поможет?

— Одна из дочерей Локи по имени Хел, богиня мертвых, держит чашу перед его лицом, пытаясь поймать брызги яда. Но порой ей приходится опорожнять чашу.

— И все это — вечно?

— Разве есть для Бога иное измерение времени?

— Ты много помнишь, Том Гарден.

— Я помню и то, что куски моего Камня — у тебя, — сказал Гарден могильным голосом.

— Александра дала их тебе, разве нет? Когда ты лежал связанный в...

— Она высыпала передо мной десятую часть его веса. — Гарден протянул вперед руки, и пляшущие осколки возникли над ними в виде крутящегося шара двадцати сантиметров в диаметре. Они вращались вокруг яркой энергетической оси и светились собственным красновато-коричневым светом. — Где же остальные?

— Я использовал их в течение веков для того, чтобы испытывать тебя, — ответил Хасан. — Кусочки, вплавленные в хрустальную подвеску, вставленные в перстень или эфес шпаги, вделанные в дно стакана.

— Сила всех этих осколков теперь во мне. Но их было больше. Не хватает шести крупных фрагментов.

— Тамплиеры похитили их у меня. Это было давно.

— Но Сэнди забрала их у старика. Я взял у нее, а ты снова вернул их себе. Когда мы встретились последний раз на электростанции, ты положил их к себе в карман, — Гарден показал на широкие штаны палестинца.

— Да, действительно. Интересно, не повредило ли им путешествие сюда? — Хасан засунул руку в задний карман и достал плоскую коробочку. — Ага! Вот они.

— Ты должен отдать их мне.

— И позволить тебе завершить свой энергетический шар? — Хасан указал пеналом на пляску осколков между пальцами Гардена. — Ты считаешь меня дураком.

— Ты все равно не сумеешь воспользоваться ими, Хасан. Не сможешь уничтожить их. И не сможешь забросить их достаточно далеко и достаточно быстро, чтобы я не сумел перехватить их энергию. Единственный выход для тебя — отдать их.

Впервые Хасан ас-Сабах казался неуверенным в себе. Он глянул на пенал.

Гарден потянулся за камнями, не руками, а силой, исходящей из центра его сущности.

Хасан мгновенно почувствовал нападение и прижал коробочку к животу, прикрыв ее щитом своей ауры.

— Их вес придавит тебя к земле, Хасан. Ты не сможешь сражаться, будучи столь отягощенным.

— А ты не сможешь двинуться с места, пока поддерживаешь вращение остальных осколков, — парировал палестинец.

— Ты всего лишь человек, Хасан. Ты долго жил, да, и многое узнал за эти годы и столетия. Но ты ничего не сможешь сделать со мной.

— Однажды я размазал тебя по земле, глупец!

— Это была моя собственная сила, Хасан, которую ты повернул против меня. А своей силы ты не имеешь.

— Ты недооцениваешь слезы Аримана, — из того же заднего кармана Хасан извлек сосуд дымчатого стекла.

«Что еще лежит в этом кармане? — подумал Гарден. — Может, это нечто вроде канала связи с тем миром, который они оба покинули?»

Держа коробочку в левой руке, а сосуд в правой, Хасан зубами выдернул и выплюнул пробку. Откинув голову назад, он поднес сосуд ко рту. В него влилось

граммов тридцать прозрачной жидкости. Хасан говорил когда-то, что одна капля дает ему пятьдесят лет жизни. Сколько жизни даст ему такой глоток?

— Ты говорил, что истинные слезы Аримана давным-давно высохли, — сказал Гарден, — что ты готовишь эту жидкость сам. Какова же ее формула?

— Поскольку это все равно тебе не поможет, я открою секрет. За основу я беру слезы матерей и юных вдов, чьи сыновья и мужья погибли в безнадежных войнах в чужих землях. Я добавляю к ним настойку на крови убиенного младенца; она защищает меня от агрессии. Для укрепления сил я капаю туда пот родителя, который в дьявольской злобе забил свое дитя до смерти. Я собираю эссенцию из всех возможных способов, посредством которых один человек укорачивает или отравляет жизнь другого: запах юной девушки, совращенной собственным братом; семя юноши, растраченное в веселых кварталах; желчь родителей, которые надеялись отделаться от них обоих.

Таков мой эликсир — превосходная копия слез Аримана, пролитых над творением Ахурамазды — миром юности и красоты.

Произнося эти слова, Хасан беспрерывно рос. Его грудь выпячивалась, словно зреющая тыква. Плечи раздавались вширь, как ветви дуба. Голова поднималась, как соцветие подсолнуха за солнцем. Руки сжимались, подобно корням прибрежной сосны, охватывающим камень. Огромные пальцы левой руки стиснули коробочку с шестью осколками, и ее пластиковые стенки хрустнули, как яичная скорлупка. Камни выскользнули из поролоновых гнезд и просыпались между узловатыми пальцами.

Легчайшим движением Гарден перехватил их. Они поплыли от Хасана по длинной S-образной траектории и заняли свое место среди вращающихся собратьев.

Из опыта многочисленных жизней Том Гарден знал множество вещей, о которых Томас Амнет, рыцарь Храма, даже не подозревал.

При всей своей искушенности в европейских политических, финансовых, религиозных тонкостях и интригах

двенадцатого века Томас Амнет оставался норманном своего времени. Стремления его были прямолинейны, вкусы незатейливы. Он выучился сражаться широким мечом, колоть и рубить, бросаясь вперед всем телом, как кабацкий скандалист. Его магия основывалась на грубых принципах точки опоры и рычага: нажми здесь, и там возникнет истина. Но сложная ритмика джаза, острое воздействие лизергиновой кислоты, парадоксальная техника айкидо — все это было скрыто от старого крестоносца.

Для Томаса Гардена эти сложнейшие реалии были его жизнью. Дюжиной пар глаз наблюдал он безжалостный процесс становления человеческого духа, проблемы и напряженность, в которых Европа и Новый Свет жили, по крайней мере, с семнадцатого века. Он знал, что все это началось (словно картинка вспыхнула перед мысленным взором), когда джентльмены отказались от своего утреннего пива и зачастили в местную кофейню, начав работать над великим проектом Просвещения. За этим последовали полифоническая музыка, словари, дифференциальное исчисление, комедии нравов, четкая скоропись, жаккардовое ткачество, орфография, паровой двигатель, венские вальсы, ударный капсюль и барабанный механизм, траншейная война, двигатель внутреннего сгорания, ковровое бомбометание, ядерный синтез, темп пять восьмых, синкопирование, кристаллический метамфетамин, бинарная математика, кнопочные телефоны, спутники Земли, волоконная оптика, лазеры и девятизначный персональный код.

Так разве мог Хасан, этот архаичный человек из убогой палестинской пустыни, конкурировать с тем, что Том Гарден знал, умел и чем он стал.

Впрочем, он, конечно, мог попробовать.

Хасан, пропитанный энергией своего яда, запустил заряд в Гардена. Молния вонзилась в ось шара, как лазерный импульс в дейтритовую ячейку. Гарден поглотил ее и заставил камни вращаться быстрее.

Тело Хасана задрожало и выбросило еще один заряд энергии, непосредственно из четвертого узла, располо-

женного за сердцем. Он целился высоко, рассчитывая миновать шар и попасть в голову Гардена. Том слегка поднял руки, заслонив лицо осколками. И снова шар принял на себя заряд. При этом он вырос на пять-шесть сантиметров, а скорость вращения опять увеличилась.

— Разрушение Камня, как видно, было ошибкой, — заметил Хасан.

— Сущность разделенная остается сущностью, — согласился Гарден.

— Я не верю этому, Томас Гарден. Твоя западная наука сделала твой разум пленником физических законов. Ты окажешься неспособен проигнорировать принципы сохранения массы и энергии.

Хасан швырнул еще один импульс чистой физической силы, и снова камни вобрали ее, закружившись быстрее. Гардену пришлось раздвинуть руки.

— Чтобы вместить энергию, требуется расход энергии, чтобы поддержать массу, нужна масса, — издевался Хасан. — Пока ты еще в силах ее поддерживать, но следующий удар тебя раздавит.

Палестинец швырнул свой последний выдох, последнюю волну энергии, и шар вобрал ее. Но ядро шара, которое удерживал Гарден, уже не могло больше притягивать бешено вращающиеся осколки. Они, как шrapнель, разлетелись по касательной.

Ядро рассеялось, словно газовое облако при взрыве сверхновой. Его энергия истончалась, гасла и наконец совсем исчезла, едва нагрев воздух вокруг Гардена.

— Бедный мальчик, — проворковал Хасан. — Теперь ты совсем беззащитен.

Жерар де Ридерфорт выбежал из душного сумрака королевского шатра на ослепительный свет палестинского солнца. Пение мусульман поднялось еще на полтона.

Кольцо рыцарей, защищавших королевскую палатку, все теснее сжималось вокруг разбитого колодца и подно-

жия двух Гаттинских столбов. Люди слабели на глазах, буквально таяли в своих тяжелых металлических кольчугах и шерстяных плащах. Они висели на щитах, которые должны были закрыть их от океана смуглых лиц и длинных кривых сабель.

Великий магистр набрал в грудь воздуху, чтобы обратиться с ободряющей речью к этим воинам, составляющим всю мощь Латинского королевства Иерусалим. Однако слова застряли у него в горле, и он обреченно выдохнул. Эти люди едва держались на ногах. Один точно направленный бросок сарацинской орды сомнет их, повергнув в смерть или рабство.

Тень скользнула по лицу Жерара — крыло смерти?

Он поднял голову.

С запада на солнце напозало облачко. Его длинный размытый хвост тащил за собой другое облако, большое и темное.

Порыв ветра взбил пыль у ног магистра.

Ветер был западный. Грозовая туча с пенно-белым верхом и иссиня-черная внизу напозала на небо со стороны Средиземноморья. Как правило, летний зной в этих горных долинах испарял любую тучу прежде, чем она проплывет над землей миль двадцать. А в этом месяце жара была сильнее обычного.

Пока магистр смотрел, отдельные облака стали сливаться вместе, концентрируясь в грозовой фронт. Зачем-то он повернулся на восток, туда, куда уплыло первое облачко. Это был путь к Галилее, к мирному озеру первых Христовых учеников-рыбаков. Ветер начал разгонять завесу пыли, которая все эти дни скрывала водный простор. Теперь Жерар мог разглядеть край серебристой поверхности, похожий на полоску металла, врезанную в горизонт. Облака, казалось, притягивались к этой полоске, как к магниту.

Еще одно облако вороновым крылом пронеслось над головой, и воздух вокруг Жерара сделался заметно холоднее. Это было странно: ледяное дыхание марта вторгалось в знойный июльский день.

Рыцари вокруг Жерара, измученные жарой и жаждой, подняли головы и огляделись, словно очнувшись от лихорадочного бреда.

Сарацинскую пехоту пробила дрожь. Восходящий ритм их пения сбился.

Палестинец напрягся, мышцы груди и живота вздулись, готовясь послать еще один заряд. Глаза заблестели, он воспарил духом, возбужденный эликсиром-стимулятором и видимым поражением Гардена.

Том Гарден безучастно ждал. Руки его безвольно повисли. Колени были слегка согнуты, ноги чуть расставлены. Ступни развернуты на песчаной почве под углом сорок пять градусов друг к другу. Для Хасана, надувавшегося для смертельного удара, такая поза врага означала покорность судьбе и ожидание надвигающейся тьмы, она усиливала уверенность ассасина в победе. Но даже для новичка в боевых искусствах, только приступившего к изучению путей ки, эта стойка была бы сигналом тревоги. Гарден сделал долгий медленный выдох.

Хасан согнулся и послал последний залп энергии через разделяющее их пространство. Внутренним взором Гарден видел, что этот заряд имел тупую форму крупнокалиберной пули, ее закругленный конец целился в незащищенную голову Гардена, чтобы равномерно распределить убийную силу по поверхности ауры. Эта голубая пуля приближалась с невероятной скоростью, приобретая все более интенсивную окраску, когда вдруг...

Гардена там просто не стало. Он не переступил ногами. Не качнул бедрами. Спина его не согнулась. Голова не склонилась. Но внезапно его тела не оказалось там, куда летела убийственная волна.

Поток энергии вонзился позади Гардена в маленькое деревце, засушив его на корню и обуглив кору. Зеленые листья рассыпались пеплом.

Хасан быстро надулся и послал еще одну, более слабую волну в сторону Гардена.

Заряд достиг цели и почти охватил Гардена. И снова без единого движения тот отпрянул в сторону.

Хасан сделал вздох перед новой атакой.

Помедлил.

— Ты должен стоять и защищаться! — крикнул он.

— Кому это я должен?

— Ты не сможешь уворачиваться до бесконечности.

— Ты и правда в это веришь?

Хасан запустил третью волну.

И снова Гарден отпрянул в сторону.

— Это неостроумно, — проскрипел Хасан.

— Полностью согласен.

— Тебе не победить меня с помощью этих штук.

— А мне и не нужно побеждать. Главное — не проиграть.

— Стой и дай мне тебя убить.

— Зачем?

— Чтобы развязать эту временную петлю.

— В чью пользу?

— В пользу того, кто не будет здесь уничтожен.

— Ты еще будешь умолять, чтобы я тебя уничтожил.

Вместо ответа Хасан напрягся, извлекая остатки силы из самой глубины своего существа. Было ясно, что он истощен. Грудь уже почти не вздымалась, мышцы живота оставались плоскими. Глаза сузились от напряжения, фокусируясь на том месте, где стоял Гарден. Том понял, что Хасан мысленно старался растянуть волну, чтобы охватить Гардена с обеих сторон, куда бы он ни переместился. Но атака, даже психическая, имеет один недостаток: она не может быть направлена в три места одновременно.

Хасан выстрелил. В последний момент он сменил прицел, выбрав не то место, где стоял Гарден, а пустоту слева от него.

Гарден переступил-не-переступая вправо. Залогом его успеха не было умение угадывать. Просто он воспринимал происходящее со скоростью мысли и реакция его была мгновенной.

Обессиленный Хасан упал на колени на краю своего утеса. Голова его повисла. Эликсир Хасана, как и собственные природные силы, был почти полностью исчерпан.

В три гигантских прыжка Гарден пересек разделявшее их пространство, достиг подножия утеса и с легкостью вскарабкался наверх. Столь же мгновенно он выбросил вперед руки, обхватив Хасана сзади за шею. Том откинулся назад и одновременно рванул стиснутыми руками вперед и вниз.

Хасан слетел со своего утеса. Не успев даже вытянуть руки, чтобы смягчить падение, он ткнулся лицом в песчаный берег ручья. Следом неловко упало тело. Шейные позвонки хрустнули.

Но даже это не убило его.

Когда он пытался подняться, нелепо вывернув шею, Гарден нанес ему удар ногой, снова отбросив его лицом в песок. Шея Хасана щелкнула, на этот раз отделив тело от энергии мозга.

Но даже это было не смертельно.

Гарден поставил ногу на затылок Хасана и вдавил его лицо глубже в песок.

— Любишь теперь творением Ахурамазды, — нараспев произнес Гарден. — Любишь им и рыдай!

Хасан вдохнул песок и подавился. Конвульсивная дрожь, единственное сопротивление, на которое было способно его тело, не утихала целое столетие. Когда же он наконец окоченел, это место — три пространственных измерения и одно временное — в зеленой долине близ Галилейского озера растворилось и исчезло. И вместе с ним исчез Том Гарден.

Грозовая туча, низко плывущая над Гаттином, казалась, порвала брюхо о два острых рога торчащих скал. Первые тяжелые капли дождя начали гулко шлепаться на землю.

Жерар почувствовал, как что-то ударило его по голове. Он решил, что это камень, запущенный из сарацин-

ской пращи, но тут же ощутил холодную влагу, стекающую на лоб. Воздух, такой тяжелый и удушливый еще несколько минут назад, теперь, остывая, становился нормальным — прозрачным и легким воздухом.

Мусульмане растерянно озирались, и по их плотным рядам пронесся стон.

— На них, друзья. — Жерар не знал, кто это произнес. Голос был мягкий, возможно его собственный. Но он слышал эти слова как бы со стороны.

— На них! — заорал он. — В атаку!

Рыцари, стоявшие рядом, изумленно посмотрели на него. Потом переглянулись.

— Бейте их! Гоните с холма!

Слева от него норманнский меч, прямой, как геометрическая линейка, взлетел и упал вперед в надвигающуюся массу сарацин. Он раскроил чей-то череп, и окружающие мусульмане издали слабый ропот протеста.

Еще один меч описал короткую дугу и снес смуглую голову с плеч.

С нарастающим воплем, лоя дождь раскрытыми ртами, христианские рыцари ринулись вперед, расчищая путь оружием. Передняя линия сарацинской пехоты, застигнутая врасплох, отступила на шаг — и наткнулась на кольцо воинов сзади. Передние валились назад, принимая удары атакующих французов. Воины, стоящие во втором ряду, придавленные умирающими соратниками, беспомощно принимали новые удары рыцарей. Израненные и растерянные, сарацины отхлынули. Рыцари уже набирали ритм боя, раздавали удары направо и налево, наступали вперед, и снова рубили, рубили... По мере того как французы продвигались, расстояние между рыцарями увеличивалось, и теперь они ловко орудовали своими каплеобразными щитами, теснили ими сразу нескольких противников. Охлажденные дождем и воодушевленные первым успешным натиском, христиане устремились вниз по склону. Сарацины побежали.

— За ними, друзья! Рубите их! — вопил Жерар. Вскоре он уже остался один на широком пространстве

перед красным шатром. Его воины сражались без него. Дрожая от нетерпения, он выхватил свой меч и бросился за ними.

В музыкальном салоне отеля «Гезу Рекс», повернувшись спиной к застекленному парапету с видом на иерусалимский Новый город, Том Гарден играл свой любимый джаз.

Заходящее солнце окрасило небо розовым и золотым. Со шпиля мечети Саладина разносился усиленный динамиками голос муэдзина. Но Гарден едва мог уловить ритмы этого крика через двойное закаленное стекло. Его музыке они не мешали. Вошел Ахмед, заказал имбирного виски и приблизился к уютному столику рядом с роялем. Молодой араб подвинул стул и сел. Он кивал головой, отбивая сложный ритм страйда. Каждые десять тактов он делал глоток через соломинку.

Гарден завершил игру эффектным проигрышем. Минуту спустя, когда музыка затихла и в салоне возобновилась беседа, он повернулся к Ахмеду:

— Ну, уважаемый? Дело выгорело?

— Осталось только получить деньги.

— По двум счетам на аренду? С перспективой на сорок миллионов баррелей?

— Именно как ты и предсказывал. Я твой должник, Том.

Фирма «Коэн и Сафуд», в которой Ахмед был младшим партнером, продавала на Ближнем Востоке больше нефти, чем «Ройял Датч Шелл». Том Гарден не был главным действующим лицом в сделке, которая только что состоялась, но он упомянул несколько нужных имен, вовремя замолвил словечко, где следовало.

Гарден улыбнулся и сыграл короткий марш в качестве поздравления.

— Как ты хочешь получить свою долю, Том?

— Вложим их в чипы.

Ахмед казался удивленным.

— Ты имеешь в виду фишки казино?

Том Гарден щелкнул языком:

— Я говорю о микрочипах, интегральных микросхемах. Пьер Бутей открывает в Хайфе филиал завода по производству микросхем памяти. Слышал, что он ищет партнеров.

Ахмед присвистнул:

— Все, до чего он дотрагивается, превращается в кремний.

— Суровый опыт должен сделать из меня честного капиталиста.

— Роботы всех стран, соединяйтесь...

— Ну, что-то в этом роде.

Он повернулся к клавиатуре, исполнил волнообразное вступление и начал нежно и тихо играть нечто свободное и блуждающее.

— Когда-нибудь я откажусь от полной ставки музыканта, честное слово.

— Не делай этого, Том! — запротестовал Ахмед. — Сидя тут, ты узнаешь обо всем в этом городе. Если ты уволишься, как я буду делать деньги?

— Можешь заняться сельским хозяйством. В кибуце у старого Самуила вакантно место управляющего.

— Оставим сельское хозяйство для интеллектуалов. Я лучше буду скромно торговать нефтью.

— Ну, тогда сам научись играть на рояле.

— У меня руки для этого не годятся. Не то что у тебя.

Гарден рассмеялся и слегка повернулся, чтобы посмотреть на свой город. Он будет грозиться, что бросит играть на рояле, еще лет девятьсот. Этот город вполне подходил для его любимого занятия.

— Не убирай ее!

— Но чаша полна!

Александра наклонила сосуд и вылила его содержимое на каменный пол, где оно растеклось ручейками.

Она старалась выливать быстро, но, когда торопилась, жидкость попадала на пальцы. Если же медлила с

опорожнением чаши, жидкость переливалась через край ей на колени. Яд разъедал кожу, это она знала по опыту.

Хасан замычал и начал извиваться в своих оковах, пока она снова не поднесла неглубокую чашу к его лицу.

Как раз в это время у змея, кажется, иссякла ядовитая слюна. Он закрыл зияющую пасть, загнув жуткие клыки внутрь. Один огромный янтарный глаз уставился на нее с какой-то насмешкой. Если бы толстая кожа вокруг рта чудовища обладала большей подвижностью, Сэнди сказала бы, что змей улыбается.

Александра не осмеливалась опустить чашу пониже даже на мгновение, какой бы тяжелой она ни казалась, как бы ни затекли руки. Змей был чрезвычайно проворен.

И как раз в тот момент, когда ее руки упали под тяжестью собственного веса и чаша выскользнула из них, открыв изъеденное лицо Хасана, рот змея раскрылся и струя яда вылетела из него, как из пожарного шланга.

Хасан завопил, как обычно, и она вскинула руки с чашей обратно, прикрыв его.

— Прости! — прошептала она. Крошечные брызги яда сорвались с краев чаши, запачкав ей лицо и руки.

Теперь, когда глаза Хасана были защищены от прямого попадания струи, Александра могла бы стереть эти брызги подолом юбки. Но чашу приходилось держать обеими руками.

Она снова наполнилась.

— Не убирай ее! — взмолился он.

— Но чаша полна!

— Не убира-а-ахх-гхх-ахх!

— Ха-ха! Ха-Ха-ХААХХ!

Локи летел среди звезд, освободившись наконец от проклятия одноглазого Одина. Переполюющая его радость вылилась наружу чистым смехом...

И это было удивительно!

Локи Хитрец. Локи Обманщик. Локи — Принц Мнужества Целей... Из него никогда не исходило ничего

чистого, ласкового и безопасного. И вот только теперь, провернув самое большое жульничество в своей жизни, он излучал чистую радость.

Нет, решил он, все-таки не совсем чистую.

Поднимаясь вверх, к холодному вакууму, он остав-
лял на этой планете, Земле, много незавершенных дел.
Он предавался вынужденному бездействию так долго,
что даже бессмертному разуму было трудно это пред-
ставить. И все же выходить из игры сейчас означало
бросить ее посередине, когда победитель еще не на-
зван.

Да и сама его победа оставляла впечатление незавер-
шенности. Так много бесплодных попыток. Так много
тупиковых вариантов. Столько мертворожденных начи-
наний, ненужных ошибок. Такая ухабистая дорога к на-
меченной цели была едва ли достойна и смертного, не
говоря уж о Боге.

Всего миллисекунду длились колебания Локи, затем
он круто развернулся и направился домой.

Когда он уже входил в область земного притяжения,
ветреная радость последний раз охватила его.

— Ах-хах!

МИРЫ РОДЖЕРА ЖЕЛЯЗНЫ

Собрание фантастических произведений

Том пятнадцатый

Ответственный за выпуск *Е. Чутов*

Редактор *В. Генкин*

Технический редактор *К. Козаченко*

Корректоры *Н. Дунгина, А. Хиршфелде*

Операторы компьютерной верстки *Н. Амосова,*

Е. Глуховская

Иллюстрация на обложку: *И. Леонтьев*

Оформление форзаца: *А. Кириллов*

Оформление шмуцтитала: *М. Ермаков*

Качество печати соответствует диапозитивам,
предоставленным издательством.

ЛР № 062455 от 23.03.93.

Подписано в печать 22.08.96. Формат 64×106/32.

Гарнитура Балтика. Печать высокая.

Усл. печ. л. 16,80. Тираж 10 000 экз.

Заказ № 2404. С 205.

Издательство «Полярис»

Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР
Комитета Российской Федерации по печати.
170040, г Тверь, проспект 50-летия Октября, 46

МАСКА ЛОКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1996